

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
КНР

Некоторые направления

Москва
Наука — Восточная литература
2015

УДК 94(510) + 94(47+57)
ББК 63.3(5Кит) + 63.3(2)
О-82

Книга издана при поддержке Посольства КНР в России

На первой странице переплета:
Ворота в Гоцзыцзянь (Государственное училище) в Пекине

На четвертой странице переплета:
Скульптурная композиция на территории Фуданьского университета
со словами М. Горького: «Книга – лестница человеческого прогресса»

Отечественная историография КНР : некоторые направления / под ред. Н.Л. Мамаевой и И.Н. Сотниковой ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2015. — 263 с. — (Китай : история и современность) — ISBN 978-5-02-036608-4 (в пер.)

В сборнике статей, подготовленном в Центре новейшей истории Китая ИДВ РАН, продолжается предпринятое отечественными историками в предыдущие годы XXI в. изучение проблем истории и историографии КНР, недостаточно представленных в советском/российском китаеведении (по истории КПК, советско-китайскому сотрудничеству в 1949–1960 гг., гуманитарным контактам России и Китая начала XXI в.). Знакомство с советской историографией периода 1976–1978 гг. проясняет причины перехода китайского руководства к политике реформ и открытости. Исследование политики модернизации и политической ситуации в КНР вкупе с изучением административных реформ свидетельствует о постоянном целенаправленном внимании китаеведов РФ к партийно-политическим преобразованиям в сфере управления. Помимо этого, в сборнике представлены такие малоизученные направления, как гендерная политика в Китае, влияние традиций на повседневную жизнь китайского народа и т.п.

© Институт Дальнего Востока РАН, 2015

© Редакционно-издательское оформление.

Наука — Восточная литература, 2015

ISBN 978-5-02-036608-4

Н.Л. МАМАЕВА, Д.И.Н., ИДВ РАН

Введение

Следует отметить, что с начала XXI века интерес историков к изучению отечественной историографии Китая возрос, что отражало общую тенденцию улучшения в стране экономической и политической ситуации, включая образование и науку. Определенным стимулом к развитию историографических работ послужило увеличение количества и повышение качества исторических исследований, а также большой интерес к деятельности российских ученых-китаеведов со стороны зарубежных историков.

Подготовленный сотрудниками Центра новейшей истории Китая ИДВ* сборник статей продолжает изучение историографической тематики. В 2007 г. после продолжительного перерыва в написании исследований историографического плана силами сотрудников Центра и других подразделений ИДВ РАН совместно с китайскими учеными из Университета Цинхуа и Республики Беларусь была опубликована книга «Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых»¹.

Внутренняя структура состояла из следующих рубрик: общества, организации, издания (Г.В. Куликова, Ху Сяньчжан, Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова, Т.Г. Герасимова, И.А. Тулина); проблемы внеш-

* Полное название Центра — Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией.

¹ Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. Сост.: А.Л. Верченко, Н.Л. Мамаева. М., 2007.

ней политики и российско-китайского сотрудничества (Р.А. Мировицкая, Н.И. Аблова, Ван Ци, Чжоу Юндун, А.Л. Верченко); российские китаеведы о новых тенденциях в исторических и политологических исследованиях КНР (А.С. Ипатова, Н.Л. Мамаева, С.А. Горбунова, Д.А. Смирнов, В.Ф. Бородич, А.В. Беляков). Тематический разброс не снизил качества исследований этого издания, напротив, представил убедительные результаты по каждой исследуемой теме. Появление этой книги получило положительный отзыв в научной печати². Сборник открывался вступительной статьей академика М.Л. Титаренко, задавшей общую тональность всему сборнику и послужившей объединяющим началом включенным в него разноплановым материалам, ставящим проблему диалога российской и китайской науки и культуры³.

Говоря о других публикациях по указанной тематике, нельзя не отметить несколько статей по историографии Китая, принадлежащих В.Н. Усову⁴. Они, как правило, охватывают широкий спектр исследований отечественных историков по Китаю, служат хорошим подспорьем российским китаеведам при изучении истории Китая, в основном периода КНР. Отметим также статью И.Н. Сотниковой, посвященную советской и российской историографии Синьхайской революции. Автор продемонстрировала неиссякаемый интерес российских китаеведов к такому величайшему событию в жизни Китая, как Синьхайская революция, показала адекватное восприятие отечественных китаеведов содержания и значения Синьхайской революции для истории Китая⁵.

Подготовке настоящего сборника статей предшествовала публикация фундаментального исследования, написанного специалистами ИДВ РАН — «Основные направления и проблемы российского китаеведения»⁶, в котором источниковедческое и историографическое

² Волохова А. (рец.). Образ Китая в современной России. М., 2007 // ПДВ. 2008. № 4.

³ Титаренко М.Л. О роли российского китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизаций // Образ Китая в современной России. С. 5–16.

⁴ Усов В. Изучение истории КНР в России за последние десять лет (1999–2009 гг.) // ПДВ. М., 2009. № 5; *он же*. Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М., 2009.

⁵ Irina Sotnikova. Russian historiography of the Xinhai Revolution // Journal of Modern Chinese History Vol. 6, № 1. June 2012. P. 95–103.

⁶ Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2014.

направления занимают достойное место. Выход в свет этого обобщающего труда позволяет более свободно ориентироваться в море научной литературы по Китаю, облегчает выбор направления дальнейшего историографического исследования. Один из выводов указанного фундаментального исследования, на который ориентировался коллектив авторов статей при подготовке данного сборника, — это недостаточное, по сравнению с изучением истории Китайской Республики и историей древнего Китая, исследование проблем новейшей истории стремительно развивающейся КНР.

Написание данного сборника является весьма своевременным, поскольку его появление осуществляется в условиях возросшего интереса к российскому китаеведению в нашей стране и за рубежом, прежде всего в Китае, осуществляется на фоне повышения уровня стратегического партнерства между РФ и КНР. С другой стороны, он продолжает славные традиции российской историографии Китая, конкретизирует и развивает отдельные направления в изучении отечественной историографии проблем КНР, представленные в коллективном труде китаеведов ИДВ РАН — «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Сборник состоит из 11 статей. В них прослеживается как изучение конкретных тем в разные исторические периоды, так и отдельных тем в течение длительного исторического периода, как, например, в статье Т.Г. Герасимовой «Об изучении истории КПК в СССР и России».

Подобный подход позволяет анализировать советскую и постсоветскую историографию, выявлять общее и особенное, а также эволюцию в подходах и анализе избранных тем. Изучение проблем Китая представлено с различных сторон. По сути, каждая статья вызывает интерес. Открывается сборник статьей М.А. Гулевой, освещающей малоизученную историографию истории конституционной реформы и политических преобразований в последние годы республиканского Китая (1945–1949), т.е. в период, непосредственно предшествующий образованию КНР. Включение этой темы в тематический сборник по КНР объясняется тем обстоятельством, что она тесно примыкает к практике политических преобразований, перед которыми стояла КПК после провозглашения КНР. Освещение историографии данной темы сразу погружает читателя в специфическую политическую атмосферу страны накануне великого события — провозглашения Китайской Народной Республики. Автор статьи констатирует появление более объективных, чем в советское время, исследований, характеризующих отдельные на-

правления деятельности гоминьдановского режима, очерчивает круг проблем, требующих рассмотрения в будущем.

Изучению советскими/российскими историками ряда тем и направлений истории КНР (преимущественно до периода реформ и открытости) посвящена статья Н.Л. Мамаевой. Показано, что введение российскими историками в научный оборот публикаций архивных документов и материалов подняло на ступень научный уровень исследований по советско-китайским отношениям первого десятилетия существования КНР. Представлены исследования по проблемам политической истории Китая 60–70-х годов, начала 80-х XX в. Дана характеристика достигнутых успехов, и обозначены слабо изученные в отечественной историографии КНР темы и направления.

Тема контактов между РФ и КНР, в высшей степени актуальная в настоящее время, подробно представлена в двух статьях сборника — И.Н. Сотниковой и А.А. Сизовой. Изучение советскими/российскими историками темы помощи СССР Китайской Народной Республике в 1949–1960 гг. тщательно исследовано в статье И.Н. Сотниковой. Целенаправленное изучение отечественной историографии данной темы позволило дать относительно полную картину направлений и содержания помощи СССР КНР, корректирующую прежние широко распространенные представления. Автору удалось выявить отмеченные в некоторых работах конкретные условия оказания помощи, например, в области предоставления Китаю кредитов и др. А.А. Сизовой весьма тщательно и подробно представлена тема изучения в историографии гуманитарных контактов России и Китая начала XXI в. Один из выводов, на который следует обратить внимание, состоит в том, что взаимодействие сторон в гуманитарной сфере в 10-х годах XXI в. (культура, наука, образование, искусство и т.д.), как следует из историографии проблемы, все больше определяет содержание контактов между Россией и КНР; обращается внимание на имеющую место в историографии точку зрения о преобладании взаимодействия в гуманитарной сфере над экономическими и другими контактами.

Значительное место в сборнике уделяется изучению отечественных исследований, связанных в той или иной мере с началом, ходом и содержанием нового этапа модернизации Китая — политики реформ и открытости. Обратим внимание прежде всего на статьи Д.А. Смирнова. Одна из них посвящена мало изученным в историографии исследованиям событий в Китае 1976–1978 гг., происходивших после завершения «культурной революции». Автором подробно анализируются точки зрения на формирование в КПК в ходе внутривластной

борьбы линии на проведение глубоких реформ и роль Дэн Сяопина в переходе КНР к политике реформ. Историография формирования политической составляющей политики реформ и открытости, а также изучения партийно-политических преобразований на этапе углубления политики реформ и открытости в 1992–1997 гг. — тема второй включенной в сборник статьи Д.А. Смирнова, в которой представлены оценки и выводы российских исследователей относительно процесса политической эволюции КНР в эти годы. При этом опровергается имеющая место в российской историографии недооценка политической составляющей как существенной части общего процесса модернизации Китая.

В статье Т.Г. Герасимовой, посвященной изучению истории КПК в СССР и в постсоветский период, обращается внимание на одну из особенностей отечественной историографии этого направления — рассмотрение истории КПК на широком фоне исторических событий, политической ситуации, советско-китайских отношений. Автор подчеркивает значение и роль изучения в исторической литературе жизни и деятельности видных деятелей КПК — темы, детально разработанной в бывшем СССР и России; отмечает значение разработки темы персоналий в плане углубления комплексного подхода к изучению образа Китая, констатирует значительный уровень отечественных исследований по истории КПК, включая работы о политике КПК в период реформ и открытости.

Впервые в сборнике дается историография построения и проведения реформы системы административных органов. Автор статьи А.В. Ершов рассматривает различные исследования, анализирующие общий ход политических и административных реформ как их составляющей — с 1978 г. до наших дней. В результате в статье вырисовывается взгляд на реформирование органов государственного управления КНР, отраженный в работах историков, политологов, социологов, экспертов (тема находится на стыке разных наук, как и тема партийно-политических преобразований).

Проблеме изучения понятия и практики модернизации российскими исследователями, так или иначе присутствующей в большинстве работ, посвященных Китаю периода реформ и открытости, посвящена статья Н.В. Анисимцева. Дается широкий аналитический обзор исследований российскими учеными-синологами преобразований в КНР периода реформ и открытости, который создает у читателя более полное, чем в отдельных исследованиях, представление о содержании процесса модернизации и перспективах его развития.

В сборнике представлено также такое недостаточно полно изученное в советской и российской историографии направление, как гендерная политика в Китае. В статье Е.Н. Степановой обобщаются имеющиеся в российском китаеведении оценки гендерной политики в континентальном Китае и на Тайване. Отражены разные подходы российских китаеведов к анализу многочисленных проблем гендерной политики.

В завершающей книгу статье А.Л. Верченко предпринята попытка показать место социальной истории в сфере историографических исследований на примере работ, посвященных изучению влияния традиций на повседневную жизнь населения страны. В ней рассматривается изучение советскими/российскими учеными традиций и их влияния на жизнь современного общества в КНР, остающейся, как и прежде, страной традиций.

Исследование традиций, в которых причудливым образом переплелись мистические культы даосизма, доктрины буддизма, конфуцианские каноны и народная мудрость, соединенные с мифами и легендами, важно для понимания мироощущения китайцев, их поступков и каждодневного поведения.

Хотелось бы надеяться, что сборник внесет определенный вклад в изучение отечественного китаеведения. В своих статьях авторы стремились к систематизации написанных китаеведами-историками исследований, к адекватной оценке уровня российской историографии по заданным темам, освещению новых подходов исследователей при рассмотрении избранных ими тем, выявлению слабоизученных в отечественной историографии КНР тем и направлений.

М.А. ГУЛЕВА

Проблемы конституционной реформы позднереспубликанского Китая в отечественной научной литературе

Статья посвящена истории изучения политических реформ Гоминьдана в последние годы республиканского периода. События 1945–1949 гг. побудили советских историков сосредоточить внимание на исследовании гражданской войны и развития «освобожденных» районов. Восполнение пробелов и пересмотр оценок в изучении внутренней политики Национального правительства начались сравнительно поздно и требуют дальнейшей работы. В статье анализируются советские исследования в области политических мероприятий Гоминьдана и новые подходы в изучении периода в российской науке, а также очерчивается круг проблем, требующих рассмотрения в будущем.

Ключевые слова: Гоминьдан, конституционная реформа, национальное правительство, позднереспубликанский период, история изучения.

Политические реформы, предпринимавшиеся в Китае Гоминьданом (ГМД) в последние годы правления на материке, оказались непростым предметом исследования для отечественной науки. Развитие событий после окончания антияпонского сопротивления и победа Коммунистической партии Китая в борьбе против центрального правительства отвлекли внимание историков от невоенных мероприятий Гоминьдана, сделав ход гражданской войны и события в «освобожденных» районах основными темами научных исследований в СССР. Восполнение пробелов в изучении внутренней политики Национального правительства началось сравнительно поздно, а отдельные стороны происходивших в Китае 1945–1949 гг. событий потребовали кардинального пересмотра оценок, данных ранее. Обращаясь к вопросу историографии этого периода, автор настоящей статьи

стремится проследить основные закономерности советских исследований в области политических мероприятий Гоминьдана, отметить новые подходы в изучении позднереспубликанского Китая в российской науке и наметить круг проблем, требующих дальнейшего рассмотрения.

Под конституционной реформой в позднереспубликанском Китае подразумеваются процесс политических консультаций и последовавшие за ним изменения в основном законодательстве Китайской Республики, ставшие финальной попыткой Гоминьдана сохранить контроль над страной. В ряду центральных политических событий невоенного характера в период 1945–1949 гг. принципиально важными являются переговоры между Гоминьданом и Компартией при участии малых партий, разработка и принятие Национальным собранием в 1946 г. Конституции и реализация ее норм в 1947–1948 гг., а также сворачивание реформ в 1949 г. Отметим, что Конституция была обнародована 1 января 1947 г., а вступила в силу 25 декабря 1947 г. Анализ деятельности таких инструментов политического участия общества в обсуждении государственных вопросов, как Национальная политическая конференция, Политический консультативный совет и Национальное собрание 1946 и 1948 гг., представляет особый интерес при изучении политических, социальных и иных изменений в Китае накануне образования КНР. При всем том в отечественной историографии рассматривались только некоторые аспекты этих эпизодов китайской истории.

Внимание к конституционной реформе 1945–1949 гг. оказалось незначительным по двум причинам. Во-первых, кратковременность и неполнота проведения реформы позволяют исследователям небезосновательно говорить, что Конституция 1947 г. не сохранилась в политической памяти Китая. Во-вторых, политическая ангажированность темы надолго обусловила ограниченность доступа к источникам или предвзятость при их характеристиках. Однако отдельные аспекты политических событий 1945–1949 гг. изучались, вырабатывались концепции и подходы к исследованию республиканского периода.

В Советском Союзе изучение конституционных мероприятий Гоминьдана в описываемый период началось уже с 1946 г. в форме публичных лекций ряда исследователей в разных областях знаний (А.С. Перевертайло, М.Ф. Юрьев, Г.В. Ефимов, В.Я. Аварин, П.М. Малавин, В.К. Попов, А.М. Дубинский, С.В. Аброськин и др.¹). В тек-

¹ *Перевертайло А.С.* Государственный строй Китая. М., 1946; *он же.* Историческая победа китайского народа в борьбе за независимость и демократизацию страны. М., 1949; *Аварин В.Я.* Китай в огне гражданской войны. М., 1947; *Ефимов Г.В.* Борьба

стах лекций прослеживаются любопытные для исследователя отзвуки позиции СССР в отношении Китайской Республики, под влиянием которых докладчики постепенно удалялись от непосредственного освещения политической жизни Китая, переходя к отрицанию каких бы то ни было достижений Гоминьдана и к недвусмысленной поддержке Компартии. Ко времени эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань позиция официальной Москвы окончательно определила акценты научных исследований в области китаеведения, и последние четыре года правления Гоминьдана на материке изучались вплоть до 1970-х годов только в контексте революционной борьбы Компартии.

Нельзя не отметить на этом фоне появление отдельных публикаций, посвященных тем проблемам позднереспубликанского Китая, которые в основном не привлекали к себе научного внимания. К числу таких исследований относится монография Н.Д. Коробова «Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944–1946 гг.»², где, несмотря на классические для советской работы оценки, большой интерес проявлялся к важнейшему политическому событию 1946 г. — Политическому консультативному совещанию, а также предлагался анализ деятельности третьих партий Китая и их роли в судьбе страны. Не менее важными в этом контексте выглядят опубликованные в 1969 г. материалы о рабочем движении в Китае 1945–1949 гг.³, дающие информацию о забастовочных явлениях на территории гоминьдановских районов (главным образом в Шанхае). Однако к оценке реального соотношения социальных сил описываемого периода этот сборник так и не подошел, придерживаясь предпосылки о главенстве пролетариата в жизни страны.

Ухудшение отношений КПСС с Компартией Китая, чередование внешнеполитических ориентиров СССР и некоторое ослабление жест-

сил демократии против реакции в Китае. Л., 1948; *Аброськин С.В.* Современное положение в Китае. Воронеж, 1949; *Дубинский А.М.* Китай 1918–1949 годов. М., 1950; *Юрьев М.Ф.* Историческая победа китайского народа над американским империализмом и гоминьдановской реакцией (1945–1949 гг.). М., 1950; *Попов В.К.* Провал вооруженной интервенции США в Китае (1945–1949 гг.). Китайская Народная Республика. Лекц., Военно-Политическая Академия. М., 1953; *Малявин П.М.* Третья гражданская революционная война в Китае (1945–1949 гг.). М., 1956. Все перечисленные исследования, за исключением работы В.К. Попова, представляют собой стенограммы публичных лекций.

² *Коробов Н.Д.* Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944–1946 гг. (Политическое консультативное совещание 1946 г.) Саратов, 1959.

³ Рабочее движение в Китае 1945–1949 гг. Документы и материалы / Сост., пер., коммент. Ю. Лю. М., 1969.

ких идеологических рамок брежневского времени позволили начать более детальное изучение гоминьдановского периода. Развитие советской историографии ознаменовалось появлением к середине 1970-х годов принципиально новых работ, постепенно отказывавшихся от преобладавших с конца 40-х оценок Гоминьдана как режима «феодално-компрадорского», «реакционного», «оторвавшегося от народа» — хотя такие характеристики давались и позже⁴. Выход в свет работ китаеведов В.Г. Гельбраса⁵, Н.Б. Занегиной⁶, А.В. Меликсетова⁷, Л.Н. Борох⁸, Н.Д. Коробова⁹ и других открыл для советской историографии огромный пласт китайской истории, связанный с правлением Гоминьдана в годы «нанкинского десятилетия», антияпонского сопротивления и в позднереспубликанский период. Заметным событием в изучении истории Китая XX в. стала публикация Институтом Дальнего Востока РАН коллективной монографии «Новейшая история Китая. 1917–1970 гг.»¹⁰, в работе над которой приняли участие В.И. Глунин, А.М. Григорьев, К.В. Кукушкин, В.Н. Никифоров, а также М.И. Сладковский и Г.В. Астафьев. Хотя общая концепция работы была по-прежнему обусловлена политическими симпатиями времени и события трактовались как народно-освободительная борь-

⁴ См., например: *Ефимов Г.В.* Борьба сил демократии против реакции в Китае. Стеногр. публ. лекц., Ленинград, 9 октября 1947 г. Л., 1948. С. 13; *Малявин П.М.* Третья гражданская революционная война в Китае (1945–1949 гг.). С. 5; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции. 1925–1927 гг. М., 1979. С. 6, 235, 279; *Ефимов Г.В.* Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М., 1981. С. 209; *Новейшая история Китая. 1928–1949.* М., 1984. С. 3.

⁵ *Гельбрас В.Г.* О классовой структуре населения Китая в канун победы революции // Китай: общество и государство. Сб. статей. М., 1973.

⁶ *Занегина Н.Б.* Некоторые черты эволюции государственного устройства гоминьдановского Китая в 1928–1931 гг. М., 1970. Ч. 1. С. 86–104; *она же.* К характеристике теории и практики государственного строительства в гоминьдановском Китае // Китай: общество и государство. Сб. статей. М., 1973. С. 261–278; *она же.* Militarism and gomin'dan in the 30's years (К проблеме формирования военной бюрократии в Китае) // ОГК. М., 1975. Ч. 3. С. 337–341.

⁷ *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927–1949 гг. М., 1977.

⁸ *Борох Л.Н.* Становление принципа «Минь шэн» («народное благоденствие») в программе Сунь Ятсена // НАА. 1975. № 1. С. 84–95; *она же.* Традиционные источники социально-экономической программы Сунь Ятсена // Китай: государство и общество. Сб. статей. М., 1977. С. 153–175.

⁹ *Коробов Н.Д.* О некоторых нерешенных вопросах истории Китая 1945–1949 гг. в советской историографии // ОГК. М., 1975. Ч. 2. С. 396–403; *он же.* Из истории советской литературы о Китае 1945–1949 гг. // ОГК. М., 1976. Ч. 2. С. 431–440; *он же.* К изучению в СССР истории гоминьдановского Китая 1945–1949 гг. // ОГК. М., 1979. Ч. 3. С. 127–134.

¹⁰ *Новейшая история Китая (1917–1970).* М., 1972.

ба, завершившаяся победой народной революции, необходимо отметить, что здесь уже уделялось внимание отдельным мероприятиям Гоминьдана в политической сфере.

Требует упоминания и сборник статей «Китай: общество и государство»¹¹. Это издание содержит полезные сведения и рассуждения о Гоминьдане от политических теорий Сунь Ятсена до рабочего вопроса в гоминьдановской политике, но в основной своей массе они ограничены «нанкинским десятилетием», тогда как применительно к послевоенным годам речь идет об экономике, конституционная политика Гоминьдана не затрагивается. Отдельные аспекты государственной эволюции Китая первой половины XX в. рассматривались Н.Б. Зубковым и А.Г. Крымовым (Го Шаотаном)¹². Вошедшая в сборник статья Я.М. Бергера¹³ о развитии суньятсеновских теорий в Гоминьдане после 1925 г., возрождая интерес к программе и проблемам идеологии Гоминьдана, все же оставалась в русле, predetermined устоявшимися оценками китайской истории. Более полная и разносторонняя интерпретация суньятсеновских теорий представлена в сборнике «Китайские социальные утопии»¹⁴, где Л.Н. Борох показывает соотношение традиционно китайских понятий и заимствований из западных теорий в учении основателя Гоминьдана. Картина политических течений в Китае начала XX в. пополнилась благодаря исследованию Е.Ю. Стабуровой «Анархизм в Китае. 1900–1921»¹⁵, которое значительно расширило знания о распространении европейских теорий на китайской почве в первые десятилетия XX в. К числу ранних узкоспециализированных статей нужно отнести работу И.Д. Кузьмина, опубликованную по материалам конференции «Общество и государство в Китае» и посвященную вопросам экзаменов при назначении на государственные посты в «нанкинское десятилетие»¹⁶.

Чрезвычайно ценен труд А.В. Меликсетова «Социально-экономическая политика Гоминьдана. 1927–1949 гг.»¹⁷, поскольку по приве-

¹¹ Китай: общество и государство. Сб. статей. М., 1973.

¹² Зубков Н.Б. Первая постоянная конституция Китайской Республики // Китай: общество и государство. Сб. статей. М., 1973. С. 241–260; Зубков Н.Б., Крымов А.Г. Дискуссия о государственном переустройстве Китая в начале XX века // Там же. С. 217–228.

¹³ Бергер Я.М. Об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае // Китай: общество и государство. Сб. статей. М., 1973. С. 279–293.

¹⁴ Китайские социальные утопии. М., 1987.

¹⁵ Стабурова Е.Ю. Анархизм в Китае, 1900–1921. М., 1983.

¹⁶ Кузьмин И.Д. О системе экзаменов на должность в гоминьдановском Китае // ОГК. М., 1976. Ч. 2. С. 390–398.

¹⁷ Меликсетов А.В. Указ. соч.

денным в этой новаторской монографии экономическим сведениям можно судить о степени контроля Национального правительства над теми или иными территориями. Кроме того, в этой и других работах А.В. Меликsetова исторический анализ мероприятий Гоминьдана, и в частности позднеереспубликанского времени, освобождается от жестких рамок марксистского исследования. Впоследствии, уже в российское время, изучение экономической и аграрной политики Гоминьдана было продолжено такими исследователями, как А.Н. Карнеев, В.А. Козырев и др.¹⁸

Дальнейшее изучение позднего правления Гоминьдана на материке сопровождалось расширением круга исследуемых тем. Так, А.М. Ледовский в своих монографиях подробнейшим образом рассматривал внешнеполитические факторы, влиявшие на внутригосударственные мероприятия Гоминьдана¹⁹. Положение дел в Китае в этих работах освещалось с точки зрения поляризации сил в преддверии и в первые годы холодной войны. Конституционный курс, как и внутренняя политика ГМД в целом оставались за рамками исследования, но предлагался анализ мотивов, руководивших США при оказании помощи гоминьдановскому правительству. Близкими вопросами — ролью американской помощи в борьбе КПК и Гоминьдана, внешней политикой Национального правительства, но уже с акцентом и на внутривнутриполитические меры, занимался Г.В. Астафьев в своей монографии²⁰. Заслуживает упоминания и издание А.В. Меликsetовым в 1985 г. учебника по истории Китая в новейшее время²¹, в котором прослеживаются экономические и политические причины поражения Гоминьдана в войне за материк.

В другом труде А.В. Меликsetова, «Победа китайской революции: 1945–1949»²², события после антияпонской войны показаны с точки зрения экономических и социальных процессов, причем для исследования конституционных реформ важны выводы А.В. Мелик-

¹⁸ См., например: *Карнеев А.Н.* О деятельности фракции «Си-си» в области работы и осуществления аграрной политики Гоминьдана // *Гоминьдан и Тайвань: история и современность.* М., 1999. С. 26–46; *Козырев В.А.* Гоминьдан и разработка послевоенной экономической политики на Тайване (1945–1949 гг.) // Там же. С. 47–63.

¹⁹ *Ледовский А.М.* СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979; *он же.* Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1954. М., 1985.

²⁰ *Астафьев Г.В.* Интервенция США в Китае, 1945–1949. М., 1985.

²¹ *Меликsetов А.В.* История Китая в новейшее время (1937–1949 гг.) / Учеб. пособие. М., 1985. Ч. 3.

²² *Меликsetов А.В.* Победа китайской революции: 1945–1949. М., 1989.

сетова о причинах сужения социальной базы Гоминьдана. В монографии они объясняются так: после войны Гоминьдан не изменил экономическую политику военного времени, сохранив систему поземельного налога в натуральной форме, не осуществив приватизации промышленности и продолжив курс на государственную монополию в сфере командных экономических высот, тогда как новый, компромиссный экономический курс КПК не только позволил укрепить единый фронт в борьбе против Гоминьдана, но и открыл дорогу некоторым его сторонникам для перехода на сторону Компартии в поисках материальных преимуществ и стабильности²³. Тот факт, что страна к 1949 г. готова была опробовать любую альтернативу Гоминьдану, многое говорит о политических и экономических мероприятиях центрального правительства. Еще одним новым для советской историографии соображением была предложенная А.В. Меликсетовым теория отложенной конфронтации Компартии со своими противниками, суть которой состояла в следующем: позиционируя себя как смену коррумпированного режима, КПК имела возможность отложить до поры ведение классово-борьбы.

Идеологическая подоплека событий 1945–1949 гг. и взгляды Чан Кайши были подвергнуты изучению в работах Г.Д. Сухарчука²⁴. Эти труды относятся к числу немногих советских исследований, в которых дается анализ основополагающих сочинений Чан Кайши: «Судьбы Китая», «Китайская экономическая теория» и «Два дополнения к принципу народного благополучия — воспитание и досуг». Обращая внимание на экономическую составляющую этих произведений, Г.Д. Сухарчук оставляет в стороне политические взгляды Чана. Другим примером анализа теоретических построений Чан Кайши в советской науке являются работы М.Х. Махмутходжаева²⁵, которые фокусируются на интерпретации Чаном первого принципа Сунь Ятсена — национализма. Однако политические теории Чана не рассматривались ни в одном из исследований; к дальнейшему изучению сочине-

²³ Там же. С. 130; см. также: *Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А.* Власть и держава в республиканском Китае. М., 2005. С. IV.

²⁴ *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ. М., 1983; *он же.* Социально-экономические взгляды Чан Кайши // Китай. Поиски путей социального развития. М., 1979. С. 223–244.

²⁵ *Махмутходжаев М.Х.* О концепции Чан Кай-ши по национальному вопросу // ОГК. М., 1978. Ч. 3. С. 82–87; *он же.* Национальная политика гоминьдана (1927–1937). М., 1986.

ний Чан Кайши и его политических построений отечественные историки вернулись лишь в конце 1980–1990-х годов и позже.

С конца 1970-х годов в круг изучаемых в СССР проблем попадает и гражданская жизнь Китая. Тема общественных сил и движений в Китае изучается в ряде публикаций М.Ю. Спириной²⁶ и в защищенной ею диссертации по проблемам политического кризиса в городах гоминьдановских районов Китая²⁷. Тема партий и объединений была продолжена в перестроечное и постперестроечное время, когда Россия сама оказалась перед лицом многопартийности. Одной из первых попыток изучения промежуточных сил Китая в годы противостояния Гоминьдана и Компартии служат работы П.М. Иванова²⁸, показывающие развитие и судьбу тех общественных организаций и движений, которые не зависели напрямую ни от одной из крупнейших политических партий своего времени. Близкими проблемами занимается В.С. Ким, разрабатывая тему Демократической лиги Китая²⁹. Весьма симптоматичным для 1992 г. было и появление монографии Е.Ю. Стабуровой «Политические партии и союзы в Китае...»³⁰, где выделяются не только типичные черты партийной жизни синьхайского времени, но и характерные особенности всей манеры ведения политических дел в восточном обществе.

Важным пополнением отечественной историографии, касающейся позднереспубликанского периода, стали работы, связанные с национальным вопросом. В советское время интерес к политике Гоминьда-

²⁶ Спирина М.Ю. Из истории Демократической социалистической партии Китая // ОГК. М., 1977. Ч. 3. С. 113–119; она же. Из истории партии «Молодой Китай» // ОГК. М., 1978. Ч. 3. С. 126–133; она же. Рабочий класс Китая в борьбе против гоминьдановского режима и агрессии США (1945–1949 гг.) // ОГК. М., 1979. Ч. 3. С. 119–127; она же. Борьба китайского студенчества против гоминьдановской диктатуры и политики США (1945–1949 гг.) // ОГК. М., 1986. Ч. 3. С. 111–121.

²⁷ Спирина М.Ю. Политический кризис в городах гоминьдановских районов Китая (1945–1949) / Дисс. ... к.и.н. М., 1979.

²⁸ Иванов П.М. Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1949 гг.). М., 1999; он же. Из истории политических партий в Китае (1945–1947 гг.) // ОГК. М., 1989. Ч. 2. С. 97–103; он же. Несостоявшиеся участники Народной политической консультативной конференции Китая // ОГК. М., 1990. Ч. 3. С. 182–188; он же. Хуан Яньпэй: страницы политической биографии // ОГК. М., 1988. Ч. 3. С. 170–177.

²⁹ Ким В.С. III съезд Демократической лиги Китая и его решения // ОГК. М., 1986. Ч. 3. С. 104–110; он же. Демократическая лига Китая и Политическое консультативное совещание (январь 1946 г.) // ОГК. М., 1989. Ч. 2. С. 92–96; он же. О предыстории создания «промежуточных» партий в Китае (20–40-е годы XX в.) // ОГК. М., 1990. Ч. 3. С. 137–142.

³⁰ Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992.

на по отношению к национальным окраинам проявился в монографии В.А. Богословского и А.А. Москалева³¹. В России свое развитие тема национальной, региональной и религиозной политики Гоминьдана 20–30-х годов получила в статьях таких авторов, как С.А. Горбунова и В.А. Бармин³².

Обзор политической эволюции гоминьдановского государства в теории и на практике делался такими исследователями, как М.В. Фукс и И.А. Яковлев³³. В их работах дается характеристика понятия политической опеки и процесса ее осуществления в Китае в годы «нанкинского десятилетия» и антияпонской войны. Однако и в этих статьях, близко связанных с конституционными реформами Гоминьдана, крайне мало отражены предпосылки и методы проведения реформ в 1945–1949 гг.

Конец 1980-х годов принес новые веяния в литературу, связанную с гоминьдановским периодом. Симптомом перемен стала публикация первой советской документально-публицистической биографии Чан Кайши — книги В.Б. Воронцова «Судьба китайского Бонапарта»³⁴. В разговоре о советской историографии, связанной с Чан Кайши, нельзя пройти мимо этого исследования, и в то же время необходимо иметь в виду заметную предвзятость предлагаемой в биографии точки зрения. Типичное для советской литературы восприятие Чан Кайши как нечистоплотного политика, не имеющего собственных взглядов и подверженного влиянию предпринимательских кругов Китая и Запада, наложило неизгладимый отпечаток на работу В.Б. Воронцова. В дискуссию с этой точкой зрения лишь в 2000 г. вступил Ю.М. Галенович в монографии «Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши»³⁵. Взгляд, изложенный в этой биогра-

³¹ Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984.

³² Горбунова С.А. Законодательные инициативы гоминьдановского правительства в сфере религий // ОГК (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 3). М., 2011. С. 379–385; Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999; *он же*. К вопросу о создании «Национальной армии» Восточно-Туркестанской республики 1944–1949 гг. // ОГК. М., 1998. Ч. I. С. 177–184.

³³ Фукс М.В. Об основных этапах эволюции гоминьдановского режима в Китае (1928–1945 гг.) // ОГК. М., 1986. Ч. 3. С. 63–68; *она же*. Разногласия внутри Гоминьдана: вопрос об отношении к частному предпринимательству (1937–1948 гг.) // ОГК. М., 1987. Ч. 3. С. 171–176; *она же*. Политическая история Гоминьдана в период антияпонской войны. 1937–1945 гг. / Дисс.... канд. ист. наук. Л., 1988; Яковлев И.А. О периоде «политической опеки» в Китае (1928–1935 гг.) (По официальным документам гоминьдана) // ОГК. М., 1986. Ч. 3. С. 57–62.

³⁴ Воронцов В.Б. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.

³⁵ Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000.

фии Чан Кайши, принципиально отличается от позиции В.Б. Воронцова: Ю.М. Галенович характеризует Чана как «патриота», жившего «мыслями о своей родине»³⁶, что неудивительно, поскольку автор ставит своей задачей отойти от устоявшейся точки зрения³⁷.

Рубеж 80–90-х годов стал временем поиска новых парадигм в изучении послесиньхайского периода китайской истории. Примером этому могут служить работы Л.А. Березного, Ю.М. Галеновича, Л.П. Делюсина, З.Д. Катковой, Е.Ю. Стабуровой, Ю.В. Чудодеева и др. Пересмотр оценок и получение новых материалов позволяли по-новому интерпретировать уже известные явления и предлагать для анализа забытые эпизоды китайской истории. С обновленных позиций рассматривалась вся эволюция гоминьдановской программы и практики. В совместной статье З.Д. Катковой и Ю.В. Чудодеева предлагалось рассматривать японское влияние на китайскую политическую мысль первой половины XX в. При сравнении реформаторского опыта Китая и Японии цитировалось мнение китайских деятелей, объяснявшее консервативность значительной части политической элиты Китая богатством собственной китайской культуры и традиций, тогда как Япония, проводя реформы, смело отвергала старое ради нового, потому что была «лишена собственного учения»³⁸. В какой-то степени это подтверждается теорией китайского развития американского исследователя К. Фицджеральда, согласно которой «Китай был и Древней Грецией, и Древним Римом для дальневосточного мира», т.е. и философия, и политическая система, и искусства, и законы происходили из самого Китая, не имея внешних источников³⁹, что делало заимствование опыта тем более сложным, чем более далеким опыт был генетически. На этом фоне естественными выглядят обращение Сунь Ятсена к японскому образцу и его надежда на помощь со стороны восточного соседа, при всем понимании культурных различий между китайцами и японцами⁴⁰.

В годы перестройки и распада СССР начали появляться труды, связанные непосредственно с историей конституционализма в Китай-

³⁶ Там же. С. 6.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Цит. по: Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Восприятие японского опыта модернизации общественно-политическими деятелями Китая (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. Сб. статей. М., 1991. С. 336.

³⁹ Fitzgerald C.P. Revolution in China. L., 1952. P. 22.

⁴⁰ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Цит. соч. С. 350–353.

ской Республике. К числу первых таких публикаций относится статья В.П. Корякова, проследившая судьбу Конституции 1912 г. и роль Юань Шикая в политических процессах первых лет Республики⁴¹. О выборе революционных и реформаторских методов как Компартией, так и Гоминьданом рассуждал Л.А. Березный, а затем и другие авторы⁴², а уточнение роли Коминтерна в формировании политической программы Гоминьдана предлагала в своей статье Н.Л. Мамаева⁴³. Широким спектром проблем гоминьдановского правления в контексте развития Тайваня занимались такие исследователи, как Л.М. Гудошников, К.А. Кокарев, В.А. Козырев и др.⁴⁴. Об отдельных особенностях развития государственных институтов в годы антияпонской войны рассуждала в своей монографии Р.А. Мировицкая⁴⁵. Наконец, одной из наиболее подробных монографий, исследующих внутривнутриполитические мероприятия Гоминьдана до 1949 г., является совместный труд А.Н. Карнеева, В.А. Козырева и А.А. Писарева «Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949)»⁴⁶, где тщательно рассматриваются взаимоотношения государства и крестьянства, земельная политика, проблемы контроля в сельской местности в условиях несформированности государственного аппарата и раздробленности территорий. Коллектив авторов предложил подробнейший объективный анализ аграрной политики и обстановки в деревне с 1911 до 1949 г. Эта монография по праву может быть названа первым российским трудом, где изучены земельное законодательство национального правительства

⁴¹ *Коряков В.П.* Конституционное законодательство Китая после революции 1911 г. // ОГК. М., 1991. Ч. 2. С. 123–128.

⁴² *Березный Л.А.* Республиканский Китай: была ли реформаторская альтернатива революции? // ОГК. М., 1991. Ч. 2. С. 3–5; Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. Сб. статей / Ред., сост. В.А. Козырев. М., 2004.

⁴³ *Мамаева Н.Л.* К вопросу о роли Коминтерна в период формирования программных основ Гоминьдана: новые документы — новые факты // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. 2. С. 50–54.

⁴⁴ *Гудошников Л.М.* Эволюция политического режима на Тайване // ПДВ. 1993. № 5. С. 77–87; *он же.* Новая ревизия конституции на Тайване // ПДВ. 2000. № 6. С. 49–55; *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М., 1997; *он же.* Политический режим и модернизация Китая. М., 2004; Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы научной конференции 23.04.1999 / Под ред. А.Н. Карнеева, В.А. Козырева. М., 1999; *Поляков В.П.* История и ход конституционной реформы на Тайване // ПДВ. 2006. № 6. С. 25–35.

⁴⁵ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999.

⁴⁶ *Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949) / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2005.

и практика осуществления законов в стране в период 1945–1949 гг. Она продолжила линию на объективный анализ экономической политики Гоминьдана, начатую работами А.В. Меликсетова.

Вместе с тем в исследованиях сохранялась тенденция рассматривать события 1945–1949 гг., ориентируясь на Компартию, а не на Гоминьдан. Так, фундаментальный труд С.Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости...» избирает центральной фигурой одного из лидеров Компартии Китая, Чжоу Эньлая; признавая правомерность данного выбора ввиду той роли, которую Чжоу играл в становлении и развитии КНР, я не могу не отметить, что в монографии процесс конституционной реформы освещается лишь поверхностно, а ключевой для конституционной истории 1948 год иллюстрируется только военными кампаниями, тогда как политические события Китайской Республики остались за рамками повествования⁴⁷.

Необходимо отметить важность 1990–2000-х годов для изучения республиканского периода, поскольку это было время переоценки имевшихся сведений и появления новых. Публикация серии биографических справок о крупных политических деятелях гоминьдановского периода З.Д. Катковой⁴⁸ показала, что многие влиятельные персоны все еще остаются малоизученными в отечественной науке. Недостаточность исследований о политической дискуссии в Китае первой половины XX в. постепенно заполняется благодаря публикациям А.В. Ломанова, Н.Л. Мамаевой, В.А. Козырева, Д.Е. Мартынова и других историков-китаеведов⁴⁹. Тем более ценны те сведения, которые

⁴⁷ См.: Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости: по материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996. С. 435–458.

⁴⁸ Каткова З.Д. О дипломатической деятельности известного китайского юриста Ван Чжунхуэя // ОГК. М., 2002. С. 349–360; она же. Роль Гу Вэй-цзюня в создании ООН на последнем этапе Второй мировой войны // ОГК. М., 2005. С. 181–192; она же. Деятельность известного китайского дипломата Гу Вэйцзюня по окончании Второй мировой войны // ОГК. М., 2007. С. 137–143; она же. О деятельности известного китайского дипломата Ши Чжаоцзи // ОГК. М., 2010. С. 239–244; она же. Цзян Тинфу — ученый и дипломат // ОГК. М., 2011. С. 181–185; она же. Некоторые аспекты государственной деятельности Сун Цзывэня как политика, дипломата и предпринимателя // ОГК. М., 2012. Ч. 2. С. 235–239.

⁴⁹ Ломанов А.В. Интеллектуалы критикуют Гоминьдан: Ху Ши, Лян Шицю, Ло Лунци // ОГК. М., 2012. Ч. 2. С. 226–234; Мамаева Н.Л. Синьхайская революция и идея конституционного правления // ПДВ. 2011. № 5. С. 128–138; Козырев В.А. Анти-японская война и китайское общество (1937–1945 годы) // ННИ. 2008. № 1. С. 5–26; Мартынов Д.Е. Конфуцианские утопические элементы в официальной идеологии Китая в условиях модернизации страны (1927–1949) // Известия Челябинского научного центра. 2007. № 1 (35). С. 167–172; Костяева А.С. Неформальные организации республиканского Китая // ОГК. М., 1998. Ч. 1. С. 167–176.

привносят в научный оборот исследования участников событий XX в.: В.А. Крутикова, А.М. Ледовского, С.Л. Тихвинского⁵⁰. Свидетельством активного интереса к периоду поздней Китайской Республики в отечественной историографии являются новые публикации в исторических и китаеведческих журналах⁵¹.

В четвертом томе масштабного энциклопедического издания «Духовная культура Китая»⁵², в котором нашли отражение политические теории, возникавшие на протяжении всего существования Китая, уделяется внимание и идеологам республиканского времени. Ценно, что в эту энциклопедию была включена значительная часть политиков гоминьдановского правительства, а также многие теоретики данного периода. И все же с позиций изучения позднереспубликанского периода наиболее заметным событием последних лет стал выход в свет седьмого тома десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»⁵³. Целиком посвященный Китайской Республике, этот том в числе прочего прослеживает разнообразные процессы последних лет периода — от политики и экономики до культурной, общественной и религиозной жизни. В разделе «Гоминьдановский режим: политика и экономика» проводится детальный анализ таких ключевых событий, как Чунцинские переговоры, Политический консультативный совет, пленумы ЦИК Гоминьдана, проведение Национального собрания. Здесь же охарактеризована внутри- и межпартийная борьба в гоминьдановских районах, описываются причины ухудшения отношений правящей партии с так называемыми малыми партиями, рассматриваются особенности внешне- и внутривнутриполитических мероприятий правительства.

⁵⁰ Крутиков В.А. В гоминьдановском Нанкине. 1946–1948 годы // ННИ. 2004. № 2. С. 135–150; Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М., 1999; Тихвинский С.Л. Мемуарная литература по истории советско-китайских отношений (1939–1950 годы) // ННИ. 2007. № 3. С. 109–126.

⁵¹ См., например: Москалев А.А. Проблемы нации, национализма, национального духа в текстах Чан Кайши (Цзян Чжунчжэна) // ПДВ. 2004. № 5. С. 129–146; Пожилов И.Е. Народно-освободительная армия Китая в 1945–1949 гг.: реорганизация и создание регулярных войск // ПДВ. 2006. № 5. С. 138–145; Смирнов Д. Актуальные вопросы современной истории Китая в оценках китайских и зарубежных исследователей // ПДВ. 2009. № 6. С. 166–175; Соколов В.В. Советско-китайские отношения. 1946–1950 годы. Новые документы // ННИ. 2006. № 3. С. 108–114.

⁵² Духовная культура Китая: энциклопедия: в 6 т. / ИДВ РАН. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.

⁵³ История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2013.

Наконец, необходимо отметить развитие еще одной тенденции в отечественной историографии позднереспубликанского периода: издается корпус источников в области внешних сношений Республики, свидетельств советских граждан, находившихся в Китае в 1940-е годы, и сочинений крупных деятелей периода (пока это главным образом работа Чан Кайши «Советская Россия в Китае»⁵⁴). Появление заметок дипломатов и историков М.С. Капицы⁵⁵, К.А. Крутикова⁵⁶, А.М. Ледовского⁵⁷ подтвердило интерес к теме гоминьдановского правления, а издание в России категоричного в своих оценках упомянутого сочинения Чан Кайши⁵⁸ обозначило попытку переосмыслить причины разрыва между СССР и Китайской Республикой. Издание Институтом Дальнего Востока РАН дипломатических документов в серии «Русско-китайские отношения» стало принципиально важным событием в изучении двусторонних отношений. Пятый том, посвященный 1946 — началу 1950 г.⁵⁹, предоставляет обильный материал для анализа внешних факторов в механизмах принятия решений нанкинским правительством, что значительно расширяет границы изучения Китая в XX в.

Изменения в отношениях между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой накладывали отпечаток на изучение сложных и во многих смыслах неоднозначных явлений последних пяти лет правления Гоминьдана в материковом Китае. Тем не менее изыскания велись в разных областях, что позволило еще в советское время создать значительную исследовательскую базу по этому периоду. Говоря об изучении китайских событий в СССР, американские историки А. Фейерверкер, Р. Мерфи и М. Райт отмечали, что исследования либо сводились к «оперативным сводкам разведки», либо оказывались «частью мучительных дебатов об общих принципах марксизма-ленинизма»⁶⁰. Однако эта тенденция достаточно быстро сменилась попыт-

⁵⁴ Чан Кайши. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009.

⁵⁵ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996.

⁵⁶ Крутиков К.А. На китайском направлении: из воспоминаний дипломата. М., 2003.

⁵⁷ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999.

⁵⁸ Чан Кайши. Указ. соч.

⁵⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950 г. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2005.

⁶⁰ Approaches to modern Chinese history / Ed. by A. Feuerwerker, R. Murphey, M. Wright. Berkeley and Los Angeles, London, 1967. P. 5.

ками объективно и разносторонне анализировать завершение республиканского периода. В настоящее время восполнены многие пробелы в изучении политической, экономической и социальной истории, а в дальнейшем предстоит обратить внимание на такие темы, как внутривнутрипартийная борьба в Гоминьдане, состояние местного управления в различных регионах Китайской Республики, а также практика конституционной реформы в 1948 г. и другие направления внутренней политики страны позднереспубликанского периода.

Н.Л. МАМАЕВА

Советская/российская историография КНР: темы и направления

Статья посвящена изучению советскими/российскими историками ряда тем и направлений истории КНР (преимущественно до периода реформ и открытости). Историографическую тематику предваряет обзор источников. Показано, что введение российскими историками в научный оборот публикаций архивных документов и материалов подняло на новую ступень научный уровень исследований по советско-китайским отношениям первого десятилетия существования КНР. Представлены исследования по проблемам политической истории Китая 60–70-х — начала 80-х годов. Дана характеристика достигнутых успехов, и обозначены слабые места отечественной исторической науки по проблемам КНР.

Ключевые слова: период «урегулирования», «культурная революция», советско-китайские отношения, сотрудничество, историография, источниковедческий бум, И.В. Сталин, Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай.

Аktivность российских историков-китаеведов, имевшая и имеющая место в советское и постсоветское время, возросла с начала 2000-х годов — в условиях стабилизации в экономике и политике РФ и развития отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем. Она обусловлена и рядом других факторов. Среди них — наличие протяженной границы между Россией и Китаем, участие России в различных формах в важнейших исторических событиях Китая. Наиболее впечатляющие события, в которых переплеталась история обоих государств и закладывались основы сближения российского и китайского народов, особенно характерны для первой половины XX в. — периода войн, революций, политических и социальных движений, а также для первого десятилетия дружбы и сотрудничества между СССР и КНР (1949–1960), вошедшего в историческое

сознание обоих народов, хотя по ряду причин эти события уже стираются в памяти не только населения России и Китая, но и некоторых китайских и российских историков.

Российскую историческую науку сближает с историей Китая наличие «золотого фонда» отечественного китаеведения — это значительное количество статей и брошюр, написанных в жанре политической публицистики очевидцами и участниками революционного движения Китая и важных политических событий 1920–1940-х годов, советскими советниками, специалистами и переводчиками, работавшими в КНР в 1950-е годы прошлого столетия. Наряду с литературой мемуарного характера, тщательное и всестороннее изучение которой еще не нашло своих авторов, публикации подобного рода «приближают» к пониманию китайской истории. Участие Советского государства, его правящей партии и международного коммунистического движения (Коминтерна) в революционных и политических событиях, включая помощь национально-освободительному движению Китая со стороны СССР и Коминтерна, влияние представителей Советского государства и международного коммунистического движения на формирование национального самосознания китайского народа, особенно в годы антияпонской войны, оказывали невольное влияние и на содержание советской историографии Китая. Нельзя не отметить и наличие в отдельные исторические периоды негативного развития событий, затрагивавших внутреннюю ситуацию в Китае и оказывавших воздействие на развитие советско-китайских отношений. Российская историография тщательно изучала и изучает эти моменты, группирующиеся чаще всего в области внешней политики, особенно вокруг пограничных проблем. Однако они потеряли свою остроту и актуальность после Второй мировой войны и особенно после подписания РФ и КНР Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (17 июля 2001 г.). Конфликт интересов в разные периоды истории включал различные вопросы, касался событий, связанных с ситуацией на КВЖД, в Синьцзяне, Монголии, вопросов идеологии, наиболее остро стоявших после XX съезда КПСС и в ходе «культурной революции» в Китае. При этом постоянным фактором до образования КНР, препятствовавшим планомерному развитию советско-китайских отношений, оставалась проблема параллельного развития и сочетания советско-китайских отношений государственного уровня и интернациональных связей ВКП(б) и Коминтерна с Коммунистической партией Китая. Однако обратим особое внимание на единодушную, основанную на

источниках точку зрения советской и российской историографии о преобладании в развитии российско-китайских отношений конструктивных тенденций.

Отраженные в работах советских и российских историков основные направления взаимодействия между нашими народами и их государствами, условия, в которых оно осуществлялось, дают представление о «причастности» отечественной истории к истории Китая. Как следует из отечественной историографии Китая, российскому китаеведению свойственно так называемое «историческое сознание», позволяющее глубоко чувствовать и ощущать историю своего великого соседа, реалии исторического прошлого и настоящего.

Распад Советского Союза и изменение общественно-политического строя России имели для российского китаеведения противоречивый результат. Глубокий финансовый и экономический кризис прямо затронул науку РФ. Простое количественное сопоставление вышедших в свет фундаментальных исследований монографического плана и обобщающих работ в 1990-х годах по сравнению с несколькими предыдущими десятилетиями свидетельствовало о снижении числа новых исследований. Китаеведение потеряло ряд профессионалов-историков, покинувших новую Россию. В целом утвердившийся в советское время системный характер изучения истории Китая дал трещину в 90-х годах XX в., хотя в силу ряда особенностей, в том числе вышеназванных, китаеведение как таковое сумело удержаться на плаву, а изучение истории Китая продолжалось, хотя и не столь высокими темпами. В 2000-х годах российское китаеведение в области истории Китая и изучения советско/российско-китайских отношений достигло ощутимых успехов¹.

Перед российской историографией выдвигается ряд важных задач научного и геополитического плана: дать объективную картину исторических событий в Китае, и прежде всего в КНР, изучение которых в отечественной историографии, как отмечается в вышеназванной коллективной монографии «Основные направления и проблемы российского китаеведения», несколько отстает от исследования других исторических периодов, к примеру периода Китайской Республики, включая историю коммунистического движения и в целом национальной демократической революции 20–40-х годов XX в.; привлечь внимание мировой историографии к достижениям советских и российских исследователей, четко обозначить малоизученные направле-

¹ Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2014.

ния и темы из истории КНР; продемонстрировать уровень отечественной историографии Китая и глубокий интерес китаеведов к истории соседнего государства; продолжить мощный исследовательский процесс, в ходе которого советские ученые в 1950–1980-х годах показали хорошие результаты.

Пожалуй, наибольшую роль в развитии отечественной историографии Китая в постсоветский период сыграл источниковедческий бум, начавшийся со второй половины 1980-х годов и поднявшийся на новую ступень в 1990–2000-х годах². Публикации источников по истории КНР не были столь же многочисленны, как, например, по истории Китайской Республики, коммунистического и демократического движений (1912–1949), однако они все же выходили и охватывали чаще всего область внешней политики, советско-китайские отношения и внутривнутриполитическую ситуацию в КНР.

Важно отметить, что тематика источников в значительной степени отражала политические процессы, берущие свое начало в республиканском Китае. Продолжалась публикация документов и материалов о контактах лидеров СССР с руководителями КПК, с 1949–1950 гг. ставшими государственными деятелями. Опубликованные документы о контактах И.В. Сталина с лидерами КПК, как известно, охватывают практически весь послевоенный период, в течение которого КПК, в преддверии победы в гражданской войне, разрабатывала новую стратегию поведения с Гоминьданом, СССР и США. Документальные источники свидетельствуют о том, что роль СССР в формировании стратегии КПК по отношению к крупным державам, в построении планов будущего мирного развития Китая, которые обсуждались еще до образования КНР, была значительной и, что весьма существенно, рекомендации китайским коммунистам не навязывались И.В. Сталиным ни до и ни после провозглашения КНР. Решения принимались в тесном взаимодействии обеих сторон. Особый интерес представляет содержание опубликованной А.М. Ледовским стенограммы переговоров И.В. Сталина с Мао Цзэдуном во время его визита в Москву в декабре 1949 — феврале 1950 г.³ Эта встреча была важной по многим аспектам, но главным образом тем, что была достигнута договоренность с лидером КПК о заключении Договора о дружбе, союзе и вза-

² См. подробно: *Мамаева Н.Л.* Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. — начала 2000-х гг. // ПДВ. 2014. № 3; Основные направления и проблемы российского китаеведения. С. 22–55, 64–66.

³ *Ледовский А.М.* Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 — феврале 1950 г. // НИИ. 1997. № 1. С. 23–47.

имной помощи, заменившего в лучшую для КНР сторону советско-китайский договор 1945 г.

После заключения договора 1950 г. контакты на высшем уровне продолжались. На повестку дня вышла задача создания системы все-стороннего советско-китайского сотрудничества. Этой проблеме был посвящен визит Чжоу Эньлая в СССР в августе — сентябре 1952 г., в ходе которого имели место переговоры Чжоу Эньлая с И.В. Сталиным⁴. Опубликованная А.М. Ледовским стенограмма переговоров дает новые сведения о формировании планов индустриализации Китая, о решении советской стороны направить в Китай специалистов различных профилей, о помощи СССР Китаю в разработке первого пяти-летнего плана, о договоренностях по оказанию поддержки в укреплении обороноспособности, особенно в связи с корейской войной, и др. Таким образом, тезис о тесном взаимодействии и сотрудничестве между СССР и КНР в 1950-е годы, принятый российской и китайской историографией, приобретает более масштабные очертания, более того, его содержание расширяется — количество направлений сотрудничества включает области, ранее не фигурировавшие в исследовательских работах.

Значительным явлением в процессе публикации документов из фондов Архива Президента РФ является подготовленная А.М. Ледовским книга «СССР и Сталин в судьбах Китая»⁵, вобравшая в значительной части уже опубликованные автором источники. В книгу вошли также собственные впечатления автора о событиях в Китае, очевидцем или участником которых он являлся. Работа вызвала всплеск интереса в научных и политических кругах, поскольку по многим направлениям внешней и внутренней политики Китая и советско/российско-китайским отношениям предлагала новые материалы и интерпретацию событий. В книге содержались неопровержимые доказательства стремления Советского Союза к тесному сотрудничеству с Китаем, получившего свое логическое продолжение и развитие в первые, очень трудные годы становления КНР, когда страна жила в условиях экономической блокады и политической изоляции со стороны США и их союзников.

Все недавно рассекреченные материалы, освещающие события 1949 г. и начала 50-х годов XX в., частично опубликованные А.М. Ледовским

⁴ Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 г. // НИИ. 1997. № 2. С. 69–86.

⁵ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999.

и Р.А. Мировицкой, вошли в V том серийного документального издания «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.»⁶.

Впервые всесторонне документирован визит Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 — феврале 1950 г., включая процесс подготовки Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. Особое внимание обращаем на факт включения в неоднократно публиковавшийся пакет соглашений (подписаны 14 февраля 1950 г.) к этому договору секретного Дополнительного соглашения⁷, согласно которому «как на территории Дальневосточного края и Среднеазиатских республик СССР, так и на территории Маньчжурии и Синьцзяна Китайской Народной Республики не будут предоставляться иностранцам права на концессии и не будет допускаться деятельность промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, учреждений, обществ и организаций с участием, в прямой или косвенной форме, капитала третьих стран или граждан этих стран»⁸. Ряд документов, в том числе упомянутый договор и Дополнительное секретное соглашение, публикуются в V томе на русском и китайском языках.

Любопытные исторические факты, относящиеся к начальному периоду становления Китайской Народной Республики, содержатся в докладных записках П.Ф. Юдина И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву⁹. Назначению П.Ф. Юдина на пост чрезвычайного и полномочного посла СССР в КНР (1953–1959) предшествовала его поездка в Китай в октябре 1950 — январе 1951 г. Из информации П.Ф. Юдина И.В. Сталину (20 января 1951 г.) следовал вывод о наличии у китайской стороны стремления учредить представительство ЦК ВКП(б) при ЦК КПК, т.е. укрепить межпартийные связи как необходимую предпосылку межгосударственных отношений. Подобная ситуация свидетельствует в пользу точки зрения об активности китайской стороны в деле укрепления взаимодействия между правящими партиями и государствами. Впечатления П.Ф. Юдина о поездке в Китай в 1951 г. были в целом оптимистичными. Вместе с тем он информировал И.В. Сталина

⁶ Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. 5. Советско-китайские отношения. 1946 — февраль 1950. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред. В.С. Мясников. М., 2006.

⁷ Там же. Док. № 576. Впервые опубликовано: *Мировицкая Р.А.* Непубликованное Дополнительное соглашение к Договору о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 г.) // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию акад. М.Л. Титаренко. М., 2004. С. 469–470.

⁸ *Мировицкая Р.А.* Указ. соч. С. 469.

⁹ П.Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном. Докладные записки И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. 1951–1957 гг. Публикацию подготовил к.и.н. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2006. № 4. С. 14, 18.

о росте разногласий в среде интеллигенции по вопросу интерпретации марксизма.

В записке Н.С. Хрущеву от 1957 г., написанной по итогам работы с китайской делегацией (находилась в Москве во главе с Мао Цзэдуном со 2 ноября 1957 г. и участвовала в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий 16–19 ноября), отмечалась тенденция роста различного рода разногласий в коммунистическом движении¹⁰.

Важным событием в развитии российского источниковедения 2000-х годов по проблемам КНР стала публикация сборника документов о «десятилетии дружбы» между СССР и КНР, вышедшего в свет в двух томах под общей редакцией академика В.С. Мясникова¹¹. Эта публикация успешно решает две связанные между собой задачи: предоставляет новые материалы для изучения отношений между СССР и КНР, а также содержит разнообразную информацию о внутривнутриполитической ситуации в Китае в наиболее важные для дальнейшего развития страны годы первого десятилетия существования КНР. Первый том включает главным образом путевые и аналитические записки, дневники, переписку, которые публикуются впервые. Включенные во второй том сборника документы записи впечатлений о Китае советских и китайских ученых представляют собой не менее важный источник изучения внутривнутриполитической ситуации в КНР и ее связей с СССР, чем документы о сотрудничестве СССР и КНР в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах. Материалы томов дополняют друг друга. В целом они передают атмосферу эпохи, вошедшую глубоко в историческое сознание двух народов. Сборник документов и материалов, где исследователям был предложен новый богатый материал для изучения, показал, как мало мы еще знаем о десятилетии дружбы и как необходимы новые исследования этого интереснейшего периода. Данная публикация, содержание которой прямо касается и проблем внутренней истории КНР, является одним из немногих масштабных русскоязычных источников по истории КНР.

Отмеченные публикации источников стимулировали интерес историков-китаеведов к освещению советско-китайских отношений 1950-х годов. Обращение к изучению ситуации в КНР этих лет и контактов между народами и государствами в данный период можно считать постоянным фактором российской историографии. Российские

¹⁰ Там же. С. 25–27.

¹¹ Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. документов в 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. I: Взгляд советских и китайских ученых. М., 2009; Т. II: Друг и союзник Нового Китая. М., 2010.

историки в освещении «десятилетия дружбы» продемонстрировали многофакторный подход. Обратим внимание на некоторые чрезвычайно интересные исследования, авторами которых были ученые ИДВ РАН. Книга Б.Т. Кулика¹² — авторитетного китаевода, дипломата и общественного деятеля — посвящена изучению развития межпартийных (КПСС и КПК) и межгосударственных (СССР–КНР) отношений, характеристика которых в мировой историографии до сих пор несет отпечаток политизированного подхода. Особенность его исследования — глубокое «погружение» во внутривосточную историю страны, констатация глубинных связей ее внутренней истории с формированием советско-китайских отношений. Работа Б.Т. Кулика, как мы попытаемся показать дальше, явление неординарное в историографии и нуждается в подробном рассмотрении.

Сразу отметим весомость источниковедческой базы труда Б.Т. Кулика, центральное место в которой занимают документы Архива внешней политики МИД РФ и Архива Президента РФ. Автор использует также практически все опубликованные материалы, характеризующие развитие советско-китайских межпартийных и межгосударственных отношений 50–80-х годов XX в., документы съездов и пленумов КПСС и КПК, тщательно анализирует выступления и заявления ведущих партийных и государственных деятелей двух стран.

Не в последнюю очередь специфика исследования определяется тем немаловажным фактом, что книга написана очевидцем и даже участником многих событий тех лет, уже с начала 50-х годов прошлого века прочно связавшего свои профессиональные интересы с Китаем. По роду своей деятельности, будь то дипломатическая служба в КНР или ответственная работа в Отделе ЦК КПСС, он имел непосредственное отношение к формированию советско-китайских отношений. Это обстоятельство придает его монографии, с одной стороны, большую достоверность, с другой — эмоциональную окраску, которая, на наш взгляд, не мешает автору сохранять «холодную голову», более того, делает исследование ярче и убедительнее.

В изложении Б.Т. Кулика мотивация курса «большого скачка», народных коммун, наконец, «культурной революции» выводится за рамки политической борьбы за власть и «волюнтаризма» Мао Цзэдуна (а ведь именно исключительно в рамках борьбы за власть варьировались в историографии объяснения изменений политического курса КПК и КНР) и опускается на реальную почву комплекса внутренних

¹² Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.

проблем и противоречий, среди которых особое внимание уделяется факторам голода, нищеты, психологического настроения масс на ускорение темпов экономического развития и уравниловку, наличия большого заряда антикапиталистических и социалистических настроений в китайском обществе и другим проблемам слабого государства, стремившегося к лучшей жизни. Не отрицая наличия у Мао Цзэдуна честолюбивых замыслов и жажды власти, автор на конкретном материале показывает, что в основе политической практики Мао Цзэдуна лежала его убежденность в пагубности для Китая капиталистического пути развития. Поэтому, отмечается в монографии, все его действия, в том числе и левые ошибки, мотивировались главным образом стремлением предотвратить опасность реставрации капитализма в Китае.

Впервые в историографии столь объемное освещение получила тема тесного взаимодействия КПСС и КПК, СССР и КНР в 50-е годы, а помощи СССР Китаю дана многосторонняя характеристика. Автор предоставляет информацию о правовом оформлении советско-китайского сотрудничества, характеризует содержание соглашений между СССР и КНР, пишет о построенных с помощью СССР промышленных предприятиях, о советских специалистах, направленных в КНР, о помощи СССР в создании военно-промышленного комплекса КНР и т.д.

Если многочисленные формы экономического и научно-технического сотрудничества в той или иной мере нашли отражение в советской и российской историографии до появления этой книги, то помощь КПСС и СССР Китаю в политической сфере, по важнейшему для Китая 1950-х годов вопросу определения пути развития, впервые получила подробную характеристику. Автор приводит документальные свидетельства о рекомендациях лидеров ВКП(б) и лично И.В. Сталина Мао Цзэдуну и руководителям КПК по широкому комплексу проблем народно-демократической революции, восстановительного периода и первого пятилетнего плана, которые, как верно было замечено Б.Т. Куликом, учитывали специфику Китая и были направлены против курса на форсирование социально-экономических преобразований и политики «забегания вперед», характерных для Мао и других лидеров КПК уже с конца 40-х годов прошлого века.

Как нам представляется, в изучении советско-китайских отношений не стоит недооценивать того обстоятельства, что именно Мао и его соратники, как убедительно показано автором, являлись инициаторами выстраивания отношений между партиями и государствами по схеме «отец и сын», между тем как в китайской и западной историографии эти отношения нередко характеризуются с позиции навязыва-

ния СССР Китаю своей воли по различным аспектам внутренней и внешней политики.

В изложении и оценке причин раскола между КПК и КПСС, КНР и СССР Б.Т. Кулик в целом придерживается точки зрения о комплексном характере обстоятельств, приведших к расколу между партиями и государствами. Поворотным пунктом на пути изменения доверительных, братских отношений между СССР и КНР автор называет XX съезд КПСС (1956 г.) и его решения, связанные с осуждением на съезде культа личности И.В. Сталина и отходом от концепции диктатуры пролетариата.

Среди причин раскола, особенно в идеологической сфере, автор, находившийся длительное время на дипломатической работе в КНР и имевший возможность наблюдать и оценивать ситуацию «изнутри», сумел адекватно определить суть восприятия в Китае новых оценок КПСС в отношении Сталина. Он пишет: «В сознании политически грамотной части населения КНР имя Сталина ассоциировалось не с ГУЛАГом, а с советскими летчиками, защищавшими китайские города от налетов японской авиации в годы антияпонской войны, с разгромом вооруженными силами СССР мощнейшей Квантунской армии и освобождением Маньчжурии от японских оккупантов, со срывом американской блокады КНР, с требованиями Москвы восстановить права КНР в ООН, с десятками заводов и фабрик, строившихся в Китае с помощью советских специалистов»¹³. Поэтому, как подчеркивает Б.Т. Кулик, осуждение культа личности И.В. Сталина воспринималось в КНР как предательство социализма и всех тех идей, которым следовала КПК в то время.

Во многом новаторское освещение автором внутривнутриполитической истории Китая позволило ему по-новому поставить проблему истоков разногласий. По его мнению, именно разница социально-экономического уровня СССР и КНР и, добавим от себя, специфика партийно-политического развития КНР и СССР в значительной степени предопределили и обусловили недопонимание и взаимный неучет потребностей и ожиданий. Подобная трактовка, по нашему мнению, в некоторой степени объясняет безапелляционность в неприязни китайскими коммунистами определенных изменений в идеологии и политической практике КПСС, которые «стартовали» на ее XX съезде.

Отмечая наступательную позицию руководства КПК в идеологическом споре, автор книги не снимает ответственности и с советских руководителей, которые, как убедительно представлено в исследова-

¹³ Там же. С. 34.

нии, не учитывая, а частично и не ведая о внутренних пружинах политического процесса в Китае, обвиняли китайское руководство в догматизме. Достаточно весомо обоснована автором и точка зрения о том, что И.В. Сталин в своей политике стремился учитывать специфику экономического и партийно-политического развития Китая в значительно большей степени, чем это делали Л.И. Брежнев и особенно Н.С. Хрущев.

В книге подробно представлена тесная взаимосвязь внутренней и внешней политики Китая, которая особенно четко прослеживается в периоды крупных перемен и потрясений. Ужесточение советско-китайских разногласий и внедрение в общественное сознание тезиса о «перерождении СССР» буквально толкали КНР к «культурной революции», в ходе которой Мао и его соратники, как пишет автор, стремились предотвратить «буржуазное перерождение» КПК и КНР. Автором прослеживается влияние идеологических разногласий на развитие внутривосточного курса ускорения темпов социально-экономического развития Китая, достигшего своего апогея в ходе «культурной революции». Отзыв советских специалистов из Китая в конце 1950-х годов получил в книге взвешенную оценку. Влиянию этого события на обострение советско-китайских отношений автор придает немаловажную, хотя и не определяющую роль. Комплексный подход к освещению вопросов внутренней и внешней политики позволил автору создать единую картину жизни государства и общества в этот самый сложный период развития КНР и, по сути, дезавуировал распространенную вплоть до начала XXI в. в китайской историографии точку зрения об отзыве советских специалистов из Китая как о главной причине советско-китайского раскола.

Значение книги и для науки, и для политики чрезвычайно велико. Она показывает специфику внутри- и внешнеполитических процессов в Китае и подводит к выводу о необходимости глубоких знаний истории и партийно-политического процесса в этой стране как незаменимой основы выработки внешнеполитического курса России по отношению к КНР.

Что очень важно — исследование развенчивает негативные стереотипы внешней политики СССР, сложившиеся в КНР в годы раскола и продержавшиеся весьма долго. Их живучесть свидетельствует о том, что нарушение внешнеполитического равновесия с Китаем происходит в короткое время, а восстановление охватывает значительно более длительный период. Вывод очевидный: следует строить внешнеполитическую стратегию и тактику на основе глубоких знаний как исто-

рии страны, так и всех сторон жизни КНР. В настоящее время, когда все негативы в области внешней политики преодолены совместными с китайской стороной усилиями, изучение истории внешней политики Китая и советско/российско-китайских отношений по-прежнему актуально, учитывая тот факт, что страна переживает трудный и интересный этап перехода к новой стадии модернизации, более соответствующей требованиям времени.

Изучение темы идеологического спора между КПСС и КПК в 1956–1966 гг. Б.Т. Кулик продолжал и в последующие годы. В 2002 г. вышел документальный очерк автора, в котором основные положения его книги получили дополнительную источниковедческую базу¹⁴.

Заслуженное признание в исторических кругах получила книга Т.Г. Зазерской, которая на основе архивов проработала интересную тему становления военно-промышленного комплекса Китая в 1949–1960 гг. и роли советских специалистов в его формировании¹⁵. Книга этого автора получила большую известность не только в РФ, но и за рубежом.

Теме советско-китайских отношений в первое десятилетие после образования КНР посвящена статья академика В.С. Мясникова «Десятилетие дружбы», опубликованная в 2009 г.¹⁶. Написанная емко, четко, убедительно, она предваряет представленный выше двухтомный сборник документов. Автор дает дополнительную информацию о формах сотрудничества СССР и КНР, резюмирует основные результаты помощи СССР Китаю, причем конкретизирует и уточняет самое понятие помощи, по некоторым направлениям безвозмездной, по каким-то — взаимовыгодной. На основе собственных исследований, с привлечением источников и специализированных работ других авторов В.С. Мясников характеризует результативность помощи СССР в различных сферах посредством ее точного выражения в цифрах (количество возведенных предприятий в областях тяжелой и легкой промышленности, а также в военно-промышленном комплексе, протяженность железных дорог, выданных кредитов, количества обученных в СССР студентов и подготовленных специалистов и т.д.). Автором отмечается, что политика помощи и сотрудничества предусматривалась в общем виде уже в Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи

¹⁴ Кулик Б.Т. К истории отношений КПСС и КПК (1956–1966 гг.) // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2002.

¹⁵ Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы). СПб., 2000.

¹⁶ Мясников В.С. Десятилетие дружбы // Китайская Народная Республика в 1950-е годы: Т. I. М., 2009. С. 7–13.

от 14 февраля 1950 г., прямо зафиксирована в Соглашении о предоставлении КНР долгосрочного кредита на сумму в 300 млн. долл., подписанном одновременно с заключением Договора¹⁷. В истории советско-китайских отношений в течение «десятилетия дружбы» автор видит два этапа: 1949–1956 и 1956–1960 гг.; при этом отмечает и проявление в ходе развития двусторонних отношений конфликта интересов объективного и субъективного плана.

Автор приводит количественные данные о поставках СССР в КНР черных металлов, нефтепродуктов, новейшего оборудования, иногда за счет перестройки своего производства для выполнения заказов КНР, нередко за счет временных недопоставок собственным предприятиям. С 1951 г. все более широкие масштабы приобретала научно-техническая помощь¹⁸. Большое значение для строительства нового Китая имела своевременно оказанная советскими специалистами помощь в области управления, планирования, военного дела, дипломатии, науки и др.

Автор обращает внимание на слабоизученные формы сотрудничества, например такие, как деятельность смешанных советско-китайских обществ и предприятий (переданы в дальнейшем в собственность КНР), дает четкие ответы на ряд острых вопросов, связанных с определением прав на управление Китайской Чаньчуньской железной дорогой, с решением вопросов о праве собственности на хозяйственные организации, приобретенные советской стороной у японских собственников, с правами на сооружения в районе военно-морской базы Порт-Артур и др. Как пишет автор, к концу 1952 г. советская сторона передала Китаю безвозмездно свои права по совместному управлению Китайской Чаньчуньской железной дорогой, в январе 1955 г. — свою долю участия в Обществе по добыче цветных и редких металлов, в Обществе для организации и эксплуатации гражданских воздушных авиалиний, в Обществе по строительству и ремонту судов в г. Дальнем. Погашение доли СССР предусматривалось в льготном порядке — поставками в течение нескольких лет обычного китайского экспорта. Состоялась, как отмечается в статье, безвозмездная передача КНР всего имущества, приобретенного советскими хозяйственными организациями у японских собственников после 1945 г., и ряда других сооружений.

Эти исторические факты снимают все обвинения некоторой части китайских историографов в адрес советской стороны, стремившейся

¹⁷ Там же. С. 7–8.

¹⁸ Там же. С. 8.

якобы к несправедливому распределению в области участия в управлении собственностью ряда указанных выше объектов. Таким образом, как следует из статьи В.С. Мясникова, передачу со стороны СССР китайским властям своих прав на участие в управлении железной дорогой и рядом обществ, а также права собственности на бывшие японские предприятия, сооружения, компании можно рассматривать как проявление дружеских, братских отношений между СССР и КНР, как значительное событие в истории советско-китайских отношений.

Автор приводит конкретные факты сотрудничества в области строительства и создания народно-хозяйственных объектов. Так, для первой пятилетки (1953–1957) даются следующие цифры: из 600 крупных народно-хозяйственных объектов 211 строились при содействии СССР. Иллюстрация конкретными фактами взаимодействия сторон усиливает тезис о значительном участии СССР в процессе модернизации, несмотря на имевшие место со второй половины 50-х годов межпартийные и межгосударственные разногласия, которые автором не замалчиваются.

В.С. Мясниковым приводятся убедительные доказательства признания правительством КНР большой роли советской помощи Китаю в социалистическом строительстве в годы первой пятилетки; далее прослеживаются основные вехи ухудшения отношений между государствами начиная с 1956 г., причем доля ответственности, со ссылкой на А.М. Ледовского, возлагается и на советскую сторону¹⁹. В этом отношении позиции автора статьи сближаются с некоторыми интерпретациями этих событий Б.Т. Куликом.

По мере ухудшения межпартийных и межгосударственных отношений изменилось и отношение китайской стороны к советским специалистам. Как подчеркивается в статье, они подвергались оскорблениям, и чем дальше, тем больше росло пренебрежение к их знаниям и опыту. Автор отмечает стремление советской стороны затормозить процесс ухудшения взаимоотношений и продолжить принятую линию на поступательное их развитие. В качестве яркого доказательства именно такой позиции СССР автором приводится факт заключения советско-китайских соглашений от 8 августа 1958 г. и 7 февраля 1959 г., согласно которым СССР взял на себя обязательство оказать содействие КНР в строительстве 124 крупнейших предприятий и других важных народно-хозяйственных объектов.

¹⁹ Там же. С. 10.

В.С. Мясников приходит к впечатляющему выводу, что при содействии СССР в течение 1950–1959 гг. было построено 256 новых промышленных предприятий, отдельных цехов и других объектов, производящих чугун, сталь, олово, синтетический каучук, электроэнергию, грузовые автомобили и тракторы, и созданы новые отрасли промышленности: авиационная, автомобильная, тракторная и др.²⁰.

Важное место в системе мер помощи Китаю занимало, как пишет автор, предоставление кредитов на развитие экономики и укрепление обороны страны, которые в целом за данный период составили сумму в 1 млрд. 816 млн. инвалютных рублей. В.С. Мясников отмечает льготный характер кредитной политики в отношении КНР, а именно: наивысшая ставка по ним не превышала 2% годовых, а погашение предусматривалось поставками традиционного китайского экспорта²¹. Это важная информация, поскольку вопрос кредитной политики нередко интерпретируется в российской и зарубежной историографии достаточно вольно.

В качестве особо важного направления сотрудничества СССР и КНР, остро необходимого для Китая в начале его пути к построению новой жизни, автор статьи выделяет научно-техническое направление. Автором приводятся следующие данные: с 1954 по 1963 г. Советский Союз практически безвозмездно передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе проекты 1400 крупных предприятий. «Такую документацию, — подчеркивает автор, — Китай не мог получить нигде, передача ее была выражением интернациональной солидарности Советского Союза с китайским народом»²². Автор уделяет внимание и более известному по исторической литературе направлению научно-технического сотрудничества — работе в КНР советских специалистов и подготовке китайских технических и научных кадров. Называется общая цифра работавших в течение «десятилетия дружбы» советских специалистов — более 10 тыс. человек. Что касается подготовки в СССР китайских ученых, студентов, инженеров, техников и рабочих, то общее количество составило более 23 тыс.²³.

Одним из важнейших направлений сотрудничества В.С. Мясников называет также деятельность в области создания военной промышлен-

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ Там же. С. 12–13.

²² Там же. С. 13.

²³ Там же.

ности. Более подробно об этом говорится в статье ведущего научного сотрудника ИДВ РАН П.Б. Каменнова²⁴. Как пишет автор, «Советский Союз в 50-х годах участвовал в строительстве более 160 предприятий военной промышленности... Китаю была предоставлена богатейшая техническая документация, и направлены для оказания содействия тысячи советских военных специалистов»²⁵. По мнению П.Б. Каменнова, Советский Союз заложил в 1950-е и в начале 1960-х годов основу военно-промышленного комплекса КНР²⁶.

Итоговая на сегодняшний день статья В.С. Мясникова о направлениях и результатах сотрудничества СССР и КНР, советских и китайских людей дает четкую картину внутренней ситуации в КНР первого десятилетия ее существования, характеризующейся значительным участием Советского Союза в жизни Китая, иными словами, советско-китайское сотрудничество выступает органической составной частью истории КНР. Вместе с тем достигнутые российской историографией успехи в освещении этого периода не подводят черту в изучении советско-китайских отношений в 1950–1960-х годах и начального периода истории КНР в целом. Каждое направление сотрудничества заслуживает отдельного исследования, тем более что тема помощи СССР Китаю в последнее время получила дополнительные исторические источники. Ждут своих исследователей и материалы, сосредоточенные в российских архивах.

Политическая история КНР до перехода страны к новому этапу модернизации, открытому решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), и история КНР периода начала политики реформ и открытости представлена рядом работ, наиболее крупными из которых являются книги специалиста по истории КНР В.Н. Усова. Его монография, посвященная изучению проблем периода «урегулирования» (начало 1960-х — весна 1966 г.)²⁷, является, по сути, первой в российской исторической науке комплексной работой об этом времени, предшествовавшем «культурной революции». Автор ввел в научный оборот уникальный, ранее неизвестный фактический и документальный материал, в том числе последние документальные публикации, вышедшие в Китае. Результатом усилий автора явилось написание оригинального исследования, в ряде важных аспектов пере-

²⁴ Каменнов П. От «третьей линии» к мировому уровню. Китайский опыт реформ военно-промышленного комплекса // *Время новостей*. 16.08.2007.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». Ч. 1, 2 // ИБ ИДВ РАН. № 4, 5. М., 1998.

смотревшего прежнюю концепцию. Шаг за шагом в книге отслеживаются как партийные указания, так и государственная практика формирования политики «урегулирования» в различных сферах: экономики, культуры, социальной политики; определяется главная причина формирования планов «урегулирования» как комплекса мер по преодолению системного кризиса, развивавшегося в результате внедрения в практику планов «большого скачка». Важной составной частью политики «урегулирования», по мнению автора, было введение — чаще всего по инициативе крестьянства — в отдельных регионах подворного подряда, способствовавшего повышению эффективности сельского хозяйства (его отдельные элементы, как отмечается в монографии, были возрождены в КНР уже в начале 1980-х годов)²⁸. Предпринимаемые в рамках политики «урегулирования» попытки реформы в сферах образования, промышленности, организации трестов в стране не смогли закрепиться в данный период по ряду причин. Как считает автор, к ним можно отнести отсутствие единства в китайском руководстве, часть которого (Мао Цзэдун, Кан Шэн, Чэнь Бода, Цзян Цин и др.) видела в этих событиях проявление ревизионизма, предпосылки обострения классово-борьбы и основы для победы капиталистических отношений; другая часть партийно-политического руководства (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Бо Ибо и др.) не имела мужества открыто отстаивать позицию поддержки мер по урегулированию в обстановке усиления культа личности Мао Цзэдуна, принимая также во внимание настроения низших слоев деревни, поддерживавших уравнивательные тенденции прошлых лет²⁹. Вывод автора о еще несозревшем в глубине крестьянских масс желании кардинального изменения устоявшегося образа жизни, как нам представляется, является весьма глубоким, отражающим действительное положение вещей. Аналогичная ситуация имела место в Советской России, когда ее руководство под давлением крестьянских масс не смогло удержать НЭП (1921–1929). Автор книги предлагает свое видение внутрипартийной ситуации в КНР периода «урегулирования». Он считает, что точка зрения ряда историков КНР о наличии в руководстве КПК в тот период «двух линий»: марксистско-ленинской Мао Цзэдуна и «ревизионистской» Лю Шаоци — не выдерживает серьезной критики³⁰. Автор признает наличие у Лю Шаоци и его сторонников иных взглядов и точек зрения, однако не считает их проявле-

²⁸ Там же. С. 198, 200.

²⁹ Там же. С. 200.

³⁰ Там же. С. 199–200.

ние оппозицией. Автор пишет, что при нажиме со стороны Мао Цзэдуна они меняли свою точку зрения либо шли на компромисс³¹. В работе детально показано, как в первой половине 60-х годов прошлого века в КНР в ходе ликвидации последствий «большого скачка» шел интенсивный поиск новых путей развития, основанный на использовании отечественного и зарубежного опыта. Следует также отметить, что исследование В.Н. Усова проливает свет и на начальный этап политики реформ в Китае в 80-е годы XX в., когда активно использовались методы хозяйствования, опробованные в первой половине 60-х годов.

Изучению исторического периода 1976–1984 гг. посвящена монография В.Н. Усова «КНР: от „культурной революции“ к реформам и открытости (1976–1984 гг.)»³².

Монография подготовлена на основе множества новых зарубежных, прежде всего китайских, источников. Глубоко исследуется история борьбы сторонников Дэн Сяопина с последствиями «культурной революции» в Китае, представлена разработка решения о переходе от курса подготовки к войне и «казарменного коммунизма» к политике реформ и открытости. Большое значение в истории автор правомерно придает личности Дэн Сяопина. Дается подробная характеристика внутривнутрипартийной ситуации после смерти Мао Цзэдуна. Как пишет автор, в верхнем эшелоне руководства КПК внутривнутрипартийная борьба завершилась арестом «четверки» (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Яо Вэньюань), возвращением к политической жизни Дэн Сяопина (1978–1983 гг. — Председатель Всекитайского комитета НПКСК, 1983–1990 гг. — Председатель Центрального военного совета КНР) и постепенным вытеснением с первых позиций Хуа Гофэна и его ближайших сторонников. Результаты работы Дэн Сяопина и его окружения были объявлены на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.).

Как показывает автор, еще до XII съезда КПК (1982 г.) была проделана огромная и очень важная работа по реабилитации лиц, ранее подвергавшихся репрессиям в годы «культурной революции». Эта деятельность, как отмечается в книге, заложила основы возрождения партии и государства, которым в годы «культурной революции» был нанесен сильный ущерб. Важным этапом политики реформ и открытости В.Н. Усов считает достигнутые в 1978–1984 гг. успехи в рефор-

³¹ Там же. С. 200.

³² Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М., 2003.

мировании села, осуществление различных форм подрядных отношений. Новая аграрная политика практически привела к распаду народных коммун. Перелом в аграрных отношениях позволил накормить городское и сельское население. Пристальное внимание автор обращает на особые экономические зоны, значению которых в политике реформ придает чрезвычайно важное значение. В монографии прослеживается постепенный переход Китая от мобилизационной модели социализма в его китайском варианте к модели «рыночного социализма». Отмеченные нами монографии В.Н. Усова (их написание сопровождалось подготовкой и публикацией многочисленных статей в сборниках и журналах) создают историческое полотно отдельных важных периодов истории Китайской Народной Республики.

Вклад автора в научное исследование проблем КНР отмечен изданием работ и в других жанрах. На основе предыдущих исследований В.Н. Усов написал учебник для гуманитарных вузов, в создании которого ощущалась острая потребность. Следует отметить, что в 1998 г. был издан учебник для вузов, подготовленный коллективом авторов — сотрудников ИСАА при МГУ и Института востоковедения РАН Л.В. Васильевым, З.Г. Лапиной, А.В. Меликсетовым и А.А. Писаревым, содержание которого охватывало всю китайскую историю, с древнейших времен до наших дней³³. В нулевые годы учебник выдержал еще несколько изданий, поскольку потребность в обобщающей работе и для исследователей, и для студентов оказалась очень велика. Прежние общие работы, последние из которых вышли в первой половине 80-х годов XX в.³⁴, писались на источниковедческой базе того времени и, соответственно, не могли учитывать новые знания по истории Китая. Поэтому выход в свет подобной книги, содержание которой включало и результаты новых исследований по различной тематике, был встречен всеобщим одобрением. Отметим, что, в отличие от предыдущих, уже законченных исторических периодов, современная история КНР продолжалась и в силу уже одного этого факта нуждалась в обновленном изложении, в современной редакции и коррекции. Выход в свет учебника «История КНР»³⁵,

³³ История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. Авт. коллектив: Л.В. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов, А.А. Писарев. М., 1998.

³⁴ Новейшая история Китая. 1917–1927 / Ред. М.И. Сладковский. М., 1983; Новейшая история Китая. 1928–1949 / Ред. М.И. Сладковский. М., 1984. Это коллективные обобщающие работы, написанные на хорошем профессиональном уровне. Они не являлись учебниками, хотя активно использовались студентами.

³⁵ Усов В.Н. История КНР: в 2 т. М., 2006. Т. I: 1949–1965 гг.; Т. II: 1966–2004 гг.

подготовленного В.Н. Усовым, был своевременным. Он охватывает историю Китая с 1949 по 2004 г., является первым в нашей стране учебником по истории КНР, написанным на богатом фактическом материале с использованием большого количества российских и зарубежных источников.

Основным источником при написании учебника были не китайские архивные документы, но китайская пресса, различного рода хунвэйбиновские материалы времен «культурной революции», которые постепенно систематизировались и в КНР, и в СССР (в ИДВ РАН с 1968 по 1978 г. было издано более 20 выпусков специальных бюллетеней хунвэйбиновских материалов в переводе с китайского), и в США. К сожалению, публикации архивных материалов в КНР не приобрели таких широких масштабов, как в РФ.

Автор учебника систематизировал и проанализировал весь доступный исторический материал, предложил продуманную периодизацию, в целом идентичную схеме китайских историков. Первый том завершается периодом урегулирования — 1966 г. В качестве специфики новейшей истории Китая выдвигается факт периодически проводившихся по инициативе сверху политико-идеологических кампаний в стране. На конкретном материале автор доказывает, что они, как правило, предшествовали крупным историко-политическим событиям в стране. Следует отметить, что автор учебника, можно сказать, исчерпывающе исследовал многочисленные кампании, их роль и значение в политической истории КНР.

Во втором томе (1966–2004) излагаются события, начиная с «культурной революции» и до 2004 г. История КНР этого периода представлена как время поисков пути развития страны, адекватного исторической специфике Китая. Автор повествует об успехах в аграрном и промышленном секторах в течение 1966–2004 гг., одновременно обращает внимание на политико-идеологические кампании, просчеты и недостатки партийного и государственного руководства страны. Адекватно представляя читателям общие направления экономического, партийно-политического, социального, культурного развития Китайской Народной Республики с 1949 г., автор учебника отмечает новые тенденции в политике реформ и открытости с начала 2000-х годов, а именно: усиленное внимание к социальным аспектам, стремление к гармонии всех направлений политики развития.

Рассматривая конкретную тематику работ отечественных ученых, изучающих историю КНР — до перехода страны к осуществлению

политики реформ и открытости, — заметим, что наиболее трудной для исследования оказалась «культурная революция». Одна из причин такой ситуации кроется в неполноте источниковедческой базы этого периода. Китайские архивы остаются закрытыми по данной тематике не только для зарубежных, но и для китайских историков, опирающихся в изучении «культурной революции» в основном на «дацзыбао», воспоминания и мемуары очевидцев, также на ряд партийных документов, количество которых ограничено. Особое место среди источников занимают доступные историкам оценки «культурной революции», присутствующие в избранных произведениях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. В советской/российской историографии имеют место интересные публикации А.Н. Желоховцева³⁶, Ю.М. Галеновича³⁷, Л.П. Делюсина³⁸, Л.С. Кюзаджана³⁹, С.Д. Марковой⁴⁰ и др. Вместе с тем отсутствуют работы, всесторонне, глубоко и взаимосвязанно освещающие предпосылки, содержание и итоги этого трагического явления, его связи с традициями, значение в истории страны.

Попытка дать единое представление об этом сложнейшем периоде истории КНР предпринята в IV томе фундаментального труда «Духовная культура Китая», изданного в 2000-х годах и получившего в 2010 г. Государственную премию РФ⁴¹. Энциклопедия вызвала большой резонанс в культурной и общественной жизни страны. Издание этого многотомного труда было инициировано ИДВ РАН и осуществлялось под научным руководством его директора академика РАН М.Л. Титаренко. Каждый том имел свою редколлегию. К научной работе над томами были привлечены квалифицированные ученые-китаеведы всей страны. Авторами материалов IV тома Энциклопедии являются видные российские китаеведы — С.Л. Тихвинский, В.Н. Усов, В.А. Вельгус, Л.М. Гудошников, Б.Г. Доронин, Ю.Л. Кроль, Е.И. Кычанов, Н.Л. Мамаева, Д.А. Смирнов, А.В. Виноградов, А.С. Мар-

³⁶ Желоховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния (Записки очевидца). М., 1973.

³⁷ Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М., 1988.

³⁸ Делюсин Л.П. Борьба с правыми элементами буржуазии в Китае (1957 г.). М., 1961.

³⁹ Кюзаджан Л.С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М., 1970.

⁴⁰ Маркова С.Д. Маоизм и интеллигенция: проблемы и события (1956–1973 гг.). М., 1975.

⁴¹ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006–2010. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. тома: М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов, С.М. Аникеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев. М., 2009.

тынов, О.Е. Непомнин, Л.С. Переломов, И.Ф. Попова, В.М. Рыбаков, Г.Я. Смолин, А.Н. Хохлов и др. Том IV состоит из двух больших разделов — Общего и Словарного. Общий раздел включает главы: «Историческая мысль», «Политическая культура традиционного Китая», «Политическая культура новейшего времени», «Гоминьдан: история и современность», «Коммунистическая партия Китая», «Традиционное право», «Китайское право в XX в.». Одна из особенностей статей Общего раздела состоит в том, что затрагиваемые в них проблемы рассматриваются под углом зрения традиционного и современного Китая. Неменьшую ценность имеет Словарный раздел, в котором характеризуются основные понятия и школы историко-политической мысли, представлены династийные истории и кодексы, персоналии, включающие творчество китайских историков, биографии исторических личностей. Том включает также избранную библиографию, хронологические таблицы, карты и указатели. Работа над изучением духовных основ китайской цивилизации стимулировала возникновение, развитие и уже частичную реализацию научного проекта, возникшего в конце нулевых годов XXI в. в Президиуме Академии наук РАН под названием «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» — в 10 томах.

В раздел «Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.» включена «Великая пролетарская культурная революция». Ее автором является В.Н. Усов. В разделе дается исчерпывающая характеристика предшествовавших «культурной революции» кампаний. В изложении содержания и в оценках «культурной революции» автор берет за основу «Решение по некоторым вопросам истории КПК» и солидаризируется с точкой зрения китайских историков, считающих «культурную революцию» наиболее страшным бедствием в истории страны за последние 30 лет. Рассматривая «культурную революцию» как крупнейшую политическую кампанию, В.Н. Усов детально излагает все события партийной, политической и общественной жизни, которые инициировались Мао Цзэдуном и его единомышленниками. Он обращает внимание на ряд существенных отличий «культурной революции» от других политических кампаний, прежде всего ее масштабность, вовлечение масс и частичное разрушение государственной системы. Отмечает изначально существовавшую цель предотвращения реставрации капитализма в Китае и подчеркивает факт выхода событий из-под контроля руководителей кампании. В работе В.Н. Усова присутствует здравая идея рассматривать события «культурной революции» в рамках поиска пути развития страны, более соответствующую

шего специфике Китая⁴². Собранный и представленный воедино в разделе большой фактический материал, четкое изложение точек зрения китайских историков на события «культурной революции» дают хорошую основу для дальнейшего изучения этого периода, длительность которого исчисляется десятилетием, не только с позиции его характеристики как политической кампании, но и как отдельного исторического периода в истории страны.

Представленные в этой статье направления и темы, конечно, не исчерпывают всего многообразия отечественных исследований по истории КНР. Однако мы и не могли ставить задачу изучения российской историографии КНР в рамках одной статьи. Немало книг и статей посвящены изучению внешней политики КНР, включая пограничные проблемы между КНР и СССР/РФ, проблемы внутренней и внешней политики КНР первого десятилетия, по новейшей истории Китая периода реформ и открытости. Отметим особенность российской историографии Китая 1978–2014 гг., а именно: основной поток исследований идет в русле изучения истории и современного состояния политической системы и права КНР, экономической политики, роли Компартии Китая в процессе политических преобразований страны, а также вопросов управления страной. Целый ряд фундаментальных исследований, подготовленных учеными ИДВ РАН, написан в русле этого направления и отражает своеобразие современного этапа изучения Китая периода реформ и открытости⁴³. Можно сказать, что собственно история Китая выходит за рамки чисто политической истории и включает работы по изучению государственного строя и партийно-политической системы страны, образования, науки и культуры. Однако это тематика отдельных исследований.

⁴² Там же. С. 331–350.

⁴³ См. подробнее: Основные направления и проблемы российского китаеведения. С. 77–78, 98–125.

И.Н. СОТНИКОВА

Отечественная историография о советской помощи Китайской Народной Республике в 1949–1960 гг.

Статья представляет собой историографический обзор отечественной литературы по вопросу о советской помощи КНР в 1949–1960 гг. Прослеживаются историографические периоды и ключевые вопросы, затрагиваемые в исторических исследованиях с 1950 г. до настоящего времени, анализируются основные тенденции и новые аспекты в изучении данной темы.

Ключевые слова: Китай, историография, советско-китайские отношения, помощь СССР.

Время советско-китайского сотрудничества с 1949 по 1960 г. вошло в историю как «золотое» десятилетие дружбы СССР и КНР. В эти годы Советский Союз оказал широкомасштабную помощь Китаю в самых разных сферах строительства нового государства¹. Об уникальной по размаху, по силе воздействия на ход экономического строительства в КНР советской помощи не раз говорили сами китайские руководители и печать Китая. Так, в феврале 1959 г. газета «Жэньминь жибао» писала: «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны, как в количественном отношении, так и по своим масштабам, не имеет прецедента в истории»².

¹ Подробнее см.: *Сотникова И.Н.* Основные виды советской помощи КНР в 50-е годы // КНР: Институционализация опыта реформ. ИМ. Сер. В, вып. 25. М., 2010. С. 75–292.

² Цит. по: Ленинская политика СССР в отношении Китая, М., 1968. С. 203.

Эта помощь на всем протяжении братских отношений, продлившихся десять лет, и в последующее время являлась предметом внимания отечественных исследователей и оценивалась в разные времена по-разному. При этом вопросы советской помощи рассматривались в рамках большого комплекса литературы по истории советской внешней политики и советско-китайских отношений в XX в. во всем внешнеполитическом диапазоне. Многочисленные работы отечественных авторов можно разделить по времени издания на три периода³, связанные с состоянием отношений на высшем уровне между двумя соседними государствами на различных этапах их исторического развития: во-первых, это публикации, появившиеся непосредственно в период дружбы и сотрудничества; во-вторых, это работы периода противостояния в советско-китайских отношениях 1960–1989 гг. и, наконец, в-третьих, — ретроспективные исследования последних двух десятилетий, в течение которых развивались отношения взаимовыгодного партнерства. Главное отличие между периодами состоит в оценке советско-китайского сотрудничества, степени глубины его анализа и наличия источниковой базы.

Первые работы начала десятилетия дружбы носили преимущественно публицистический, эмоционально восторженный характер. Понятно, что крупных исследований, анализирующих события во всей их совокупности, в тот период быть не могло. Шел процесс накопления материала. В основном это были статьи в периодической печати, представляющие собой материал текущего характера, освещающие события международных отношений двух стран и комментирующие основы сотрудничества, изложенные в «Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой»⁴. Помимо хроники важнейших событий взаимоотношений СССР и КНР эти публикации демонстрировали доказательства дружбы СССР в отношении китайского народа⁵. Как правило, говорилось о дружественных связях

³ Представляется, что деление отечественной историографии на этапы, предложенное В.Н. Усовым, является необоснованным, поскольку связывается не с реалиями исторической науки в СССР/РФ, а с периодами в истории КНР. См.: *Усов В.Н.* Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 584–594.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 16 ноября 1950 г. № 36 (651). С. 4.

⁵ *Тихвинский С.Л.* Советско-китайские культурные связи // 10 лет Китайской Народной Республики. М., 1959; *Федоренко Н.Т.* Развитие социалистической культуры в Китае // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 5; *Гайда И.В.* Театральное искусство Китайской Народной Республики // Там же. 1958. № 6; *Занегин Б.Н.* О собраниях китайских книг в библиотеках России и СССР // Там же. 1958. № 5.

и сотрудничестве. Опубликованные в периодической печати документы по внешней политике, определившие юридическую базу советско-китайских межгосударственных отношений, в 1957 г. были собраны воедино в сборнике документов «Советско-китайские отношения, 1917–1957 гг.»⁶. Данные публикации обладали определенной практической ценностью для исследования советско-китайских отношений, поскольку содержали значительный фактический материал, не утративший своего значения до сих пор.

Историография исследуемого вопроса этого начального периода включает в себя общие работы очеркового характера по истории внешней политики СССР и развитию советско-китайских отношений, в частности — труды по истории международных связей Советского Союза с КНР, а также специальные работы, посвященные советско-китайским экономическим, научно-техническим и культурным отношениям. В этой связи заслуживают внимания работы советского/российского историка и дипломата, на тот момент заместителя заведующего Дальневосточным отделом МИД СССР, Михаила Степановича Капицы. Достоинством его монографии «Советско-китайские отношения»⁷ является рассмотрение вопросов межгосударственных отношений в широком контексте на основе обобщения большого количества как официальных, так и недоступных для большинства исследователей фактических материалов. Автор впервые рассмотрел ряд проблем, возникших в ходе советско-китайского сотрудничества. Вопросам советско-китайских экономических и культурных связей посвящена его же небольшая работа «Братская дружба двух великих народов»⁸, в которой автор отметил, что с помощью СССР в КНР созданы такие ранее отсутствующие отрасли промышленности, как авиационная, автомобильная, алюминиевая, радиотехническая, электронная, химическая и др. М.С. Капица одним из первых обратил внимание на значение проектной документации, более тысячи комплектов которой СССР передал Китайской Народной Республике для строительства промышленных предприятий. Автор также отмечал, что более половины машин, выпускаемых машиностроительной промышленностью Китая, изготавливалось по советской технической документации. В исследовании обращено внимание на плодотворное советско-китайское культурное сотрудничество в области медицины, средств массовой

⁶ Советско-китайские отношения, 1917–1957 гг.. Сб. документов / Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М., 1959.

⁷ Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958.

⁸ Капица М.С. Братская дружба двух великих народов. М., 1959.

информации и т.д. С другой стороны, многие проблемы не затрагивались, например такой немаловажный вопрос, как подготовка кадров для Китайской Народной Республики, а также существовавшие сложности и противоречия, возникавшие в развитии отношений между двумя странами. Освещались лишь положительные моменты сотрудничества, не отражающие полной динамики и тенденций этих взаимоотношений.

В конце 50-х годов появилось немало работ, приуроченных к 10-летию образования КНР и новому этапу развития советско-китайских отношений. К таковым относятся коллективная монография «Очерки истории Китая в новейшее время», сборник статей «Десять лет Китайской Народной Республики» и многие другие⁹. В данных исследованиях давалась оценка двусторонних межгосударственных отношений и результатов, достигнутых Китаем за первое десятилетие при поддержке Советского Союза, анализировались достижения в области развития китайской промышленности, сельского хозяйства, повышения благосостояния народа Китая.

Поскольку взаимодействие двух стран было подчинено идеологической концепции и строилось в соответствии с конкретными задачами и приоритетами внешнеполитических доктрин правящих партий, то начавшийся в конце 1950-х годов конфликт между КПСС и КПК в сравнительно короткий промежуток времени привел к ухудшению межгосударственных отношений. Народы СССР и КНР на долгие десятилетия были втянуты своим руководством в отчуждение и противостояние.

Это неизбежно отразилось на характере и тональности советских исследований по Китаю с начала 1960-х годов до конца 1980-х. Работы отечественных авторов по советско-китайским отношениям в той или иной степени несли печать своего времени. Часто условием их публикации выступали идеологические штампы обвинений в адрес руководства КПК в повороте от политики дружбы к развертыванию открытой борьбы против КПСС и Советского Союза. Советские ис-

⁹ Воеводин С.А., Круглов А.М. Социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли в Китайской Народной Республике. М., 1959; Десять лет Китайской Народной Республики. Сб. статей. М., 1959; Очерки истории Китая в новейшее время / Ред. коллегия: А.С. Перевертайло и др. М., 1959; Великая дружба великих народов: Рассказы туляков о крепнущих связях между китайским и советским народами. Тула, 1959; Ганишин Г.А. Экономика Китайской Народной Республики М., 1959; Горбунова М.Н., Забелин И.М. Китайская Народная Республика. Владимир, 1959; Ярцев А.И. Наш великий друг. К 10-летию КНР. Белгород, 1959.

следования являлись дополнительным аргументом в идеологической борьбе, напоминая о той значительной помощи, которая оказывалась китайскому народу во все периоды его борьбы за национальное и социальное освобождение, а также во время строительства нового государства.

Большей части исследователей архивные материалы по вопросам экономических и других связей двух стран были недоступны. Лишь в 1985 г. под редакцией М.С. Капицы Министерство иностранных дел СССР под грифом «Для служебного пользования» выпустило небольшим тиражом сборник документов и материалов «СССР–КНР (1949–1983)»¹⁰.

Одной из особенностей отечественной литературы по заявленной теме 1960–1980-х годов было наличие научных работ уполномоченных на это лиц, социальный статус которых позволял им трактовать многие факты из истории взаимоотношений СССР с Китаем. Тем не менее необходимо отметить ряд общих положительных моментов, характерных для всего комплекса работ, созданных в тот период. Авторы, допущенные к толкованию советской политики в отношении Китая, имели возможность привлечь для исследований объемный фактический материал. Поэтому такие работы оставались единственным опубликованным источником информации об определенных аспектах российско-китайских отношений.

Сведения различных статистических сборников, документов внешней политики и торговли СССР, китайских публикаций, мемуарной литературы и т.д., используемые исследователями советского периода, не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Анализируя советско-китайские экономические отношения за десятилетие дружбы, авторы отечественных публикаций выделили их периоды, соотносящиеся с этапами развития КНР: экономическая помощь в первые годы становления КНР (1949–1952), советско-китайское экономическое и научно-техническое сотрудничество в годы 1-й пятилетки (1953–1957) и советско-китайское сотрудничество в годы напряженности межгосударственных отношений (1958–1959). Хотя правильнее было бы говорить о советской помощи при И.В. Сталине, смерть которого стала своего рода вехой в советско-китайских отношениях, и при сменившем его Н.С. Хрущеве, когда масштабы и характер помощи существенно изменились. В литературе 1960–1980-х годов было про-

¹⁰ СССР–КНР (1949–1983). Документы и материалы / Под ред. М.С. Капицы. М., 1985.

ведено достаточно глубокое исследование отношений Советского Союза с Китаем в экономической, научно-технической областях, в сфере культуры, а также проанализировано влияние советской помощи на экономику КНР в целом.

Ярким примером литературы этого периода является известная нескольким поколениям исследователей работа О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова «Советско-китайские отношения. 1945–1980»¹¹. Эта книга выдержала три издания, последнее из которых, дополненное, вышло в свет в 1980 г. Краткий ее вариант был также опубликован в сборнике статей «Ленинская политика СССР в отношении Китая»¹² под заголовком «Политика Советского Союза в отношении КНР — социалистический интернационализм в действии (Советско-китайские отношения в 1949–1967 гг.)». Многолетний авторский тандем скрывал под псевдонимами известных лишь узкому кругу специалистов ответственных работников ЦК КПСС Олега Борисовича Рахманина¹³ и Бориса Трофимовича Кулика. Такова была традиция тех лет, когда высокопоставленные авторы, занимающие привилегированное общественное положение, выступали в открытой печати с официальной трактовкой политики советского государства в сфере своих научных интересов, не раскрывая свои подлинные имена и служебное положение. Как правило, в качестве псевдонимов использовались производные от самых употребительных русских имен или места рождения автора. Именно Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями, в котором О.Б. Рахманин и Б.Т. Кулик занимали руководящие должности, отвечал за отношения с КПК и сыграл одну из ключевых ролей в советско-китайской полемике с руководством Китая.

Работа представляла собой исторический очерк развития советско-китайских отношений с момента окончания Второй мировой войны до конца 1970-х годов. Фактический материал подтверждал авторский вывод о том, что огромная помощь советского народа позволила КНР преодолеть международные и внутренние трудности восстановительного периода и перейти к реализации первого пятилетнего плана, что вполне соответствовало действительности. В то же время затенялась та часть мотивации СССР при оказании помощи Китаю, которая была

¹¹ *Борисов О.Б., Колосков Б.Т.* Советско-китайские отношения. 1945–1980. М., 1980.

¹² Ленинская политика СССР в отношении Китая. С. 159–256.

¹³ Другие псевдонимы О.Б. Рахманина — О. Владимиров, О. Иванов.

связана с заинтересованностью Советского Союза во внешнеполитическом сотрудничестве с КНР.

В аналогичном ключе была подготовлена работа советского китаеведа и экономиста, члена-корреспондента АН СССР Михаила Иосифовича Сладковского «История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974)»¹⁴. В свое время М.И. Сладковский являлся заместителем министра внешней торговли СССР, а в 1966–1985 гг. — директором Института Дальнего Востока АН СССР, созданного по решению ЦК КПСС на пике противостояния руководства СССР и КНР. Эта монография, в которой советско-китайским экономическим отношениям с 1949 по 1957 г. посвящена отдельная глава, являлась серьезным научным исследованием и отличалась глубоким проникновением в материал. Известно, что советское руководство безвозмездно передало КНР Китайскую Чаньчуньскую железную дорогу и советскую долю в совместных акционерных обществах, а также все имущество порта Дальний (Далянь), военную базу Порт-Артур (Люйшунь) со всей инфраструктурой и вооружением. М.И. Сладковский путем тщательного и скрупулезного подбора фактов и сведений убедительно доказал, что условиями для успешного осуществления двустороннего экономического сотрудничества между обоими государствами стали предоставление КНР советских кредитов и учреждение смешанных советско-китайских акционерных обществ (АО) и т.п. Помимо обширного круга материалов статистических сборников по внешней торговле СССР, торговых договоров и др., автором был привлечен значительный массив архивных документов Министерства внешней торговли СССР по всем аспектам и областям сотрудничества и межгосударственных отношений. Несмотря на идеологизированный характер работы, приведенные автором выкладки цифр и спецификации ввоза и вывоза товаров и их соотношений говорят сами за себя. Большой интерес представляет книга в связи с возможностью по годам проследить динамику торгового оборота между СССР и КНР, выявить объективные критерии для оценки значимости советской помощи Китаю. В монографии приведены конкретные данные по объемам предоставляемых товаров и услуг и научно-технической помощи Советского Союза Китаю, а также по количеству советских специалистов, направленных в Китай, и китайцев, обучавшихся в СССР. Все вышеперечисленные достоинства книги

¹⁴ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977.

М.И. Сладковского объясняют ее востребованность до настоящего времени.

В эти годы появились исследования, в которых были серьезно проработаны вопросы советско-китайского сотрудничества в отдельных областях. Монография экономиста Леонида Васильевича Филатова «Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю (1949–1960)»¹⁵ посвящена проблеме, именуемой в настоящее время трансфертом технологий, т.е. процессу передачи КНР технологий и «ноу-хау» — патентов и беспатентных изобретений, разработок и исследований, технологической документации и других сопутствующих сведений. В результате проведенного исследования многих направлений и видов научно-технического обмена между СССР и КНР на различных этапах советско-китайских отношений, а также произведенных оценок стоимости советского вклада в развитие китайской экономики Л.В. Филатов заключил, что именно советская поддержка КНР в научно-технической сфере, в которой основные затраты несла советская сторона, была беспрецедентной в истории международных отношений формой безвозмездной помощи Советского Союза китайскому народу. Автор отметил, что эта помощь, носившая всеобъемлющий характер, распространялась практически на все области экономики, науки и техники и сыграла решающую роль в утверждении первоначальной материально-технической основы индустриализации в Китае. Успехи Китая на всех этапах тесного сотрудничества с СССР явились прямым отражением эффективности и целенаправленности советской помощи. Промышленные объекты, исследовательские и учебные центры, производственные и научные кадры, система организации и управления народным хозяйством, созданные и подготовленные при непосредственном участии Советского Союза, долгие годы составляли основу промышленного и научно-технического потенциала Китая.

Вопрос о передаче китайской стороне научно-технической документации затронут также в статьях о международных связях советской науки и научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и КНР в 1949–1959 гг.¹⁶ Наряду со сведениями о развитии научных

¹⁵ Филатов Л.В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю (1949–1960). М., 1980.

¹⁶ Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. М., 1975; Киселев И.Н. Советско-китайские научные связи // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 3. М., 1963; он же. Научные связи двух академий // Вестник

связей двух стран в них сообщалось о значительном объеме научно-технических разработок, переданных учреждениями АН СССР китайской стороне, по таким отраслям знаний, как механика, машиноведение, энергетика, электротехника, горное дело, металлургия, химия, физика и др.

Большое количество публикаций отечественных авторов посвящено советско-китайскому сотрудничеству в различных областях культуры¹⁷. Культурное взаимодействие между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой в 1949–1956 гг. по государственной линии оценивалось в этих работах как активно расширявшийся процесс. Основными формами взаимоотношений двух стран в области культуры стали прямые связи на постоянной и долговременной основе, а также сотрудничество по ряду направлений, к числу которых относятся сферы образования, естественных и прикладных наук, гуманитарного знания, литературы, пространственных и зрелищных искусств. Наиболее подробное исследование того периода о роли советско-китайских научных и культурных связей в строительстве КНР провел А.С. Цветко в историческом очерке «Советско-китайские культурные связи»¹⁸. К заслугам автора можно отнести раскрытие решающей роли советских специалистов и консультантов в перестройке всей системы образования КНР от начальной до высшей школы, в подготовке высокопрофессиональных кадров для экономики страны, как в Китае, так и в СССР, в организации на современной основе здравоохранения и медицинской науки и т.д. В частности, рекомендации советских специалистов, по свидетельству автора, помогли организовать в КНР государственную санитарную инспекцию и санитарно-эпидемиологическую службу, ликвидировать эпидемию чумы в Северо-Восточном Китае и т.п. В работе отмечена также деятель-

АН СССР. 1959. № 9; *Приезжева О.Н.* Советские ученые в Китайской Народной Республике // *Здоровье*. 1988. № 2; *Романовский С.К.* Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966.

¹⁷ *Гайда И.В.* Новая китайская опера и центральный экспериментальный оперный театр КНР // *Вестник истории мировой культуры*. 1960. № 2; *Каишев Ю.Б.* Международное сотрудничество и культурные связи. М., 1975; *Клецкий Л.П.* К истории советско-китайских культурных связей в 1949–1959 годах // *Вестник истории мировой культуры*. 1960. № 1; *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию международных и культурных связей СССР. Л., 1971; *Можжаев Г.А.* Международные культурные связи СССР. М., 1965; *Сааков Р.Р.* Международное движение общечеловечности за дружбу и культурные связи с СССР. М., 1975.

¹⁸ *Цветко А.С.* Советско-китайские культурные связи: исторический очерк. М., 1974.

ность советских специалистов по организации музейного дела и театра. Безусловно, этот живой вклад советских людей в построение нового Китая невозможно измерить.

Что касается приведенных А.С. Цветко сведений о сотрудничестве в области литературы и искусства, то, безусловно, не стоит его рассматривать в качестве помощи СССР КНР. Это был взаимный процесс узнавания культурных традиций дружественных народов двух стран, причем с явной асимметрией в сторону Китая, поскольку китайцы познакомились с российской и советской литературой, кино, музыкой и т.д. гораздо лучше, чем советские граждане с китайской культурой¹⁹.

По понятным причинам в исследовательской литературе советского периода не нашел отражение вопрос о военной составляющей помощи, которую СССР оказал КНР в строительстве военно-воздушных сил НОАК, техническом перевооружении армии, а также участия в военных действиях на стороне Китая. Эти проблемы затрагивались лишь в мемуарной литературе²⁰.

В целом, говоря о литературе советского периода по заявленной теме, можно отметить, что хотя изложение фактов в ней в немалой степени определялось политической конъюнктурой и идеологическим фактором, тем не менее она давала общую верную картину прошлого.

Новый этап в изучении советской помощи КНР в 50-х годах начался с потепления межгосударственных отношений во второй половине 1980-х годов и ознаменовался первым за многие годы официальным визитом руководителя СССР М.С. Горбачева в Китай в мае 1989 г. Отечественные китаеведы получили возможность непосредственно в Китае ознакомиться с китайскими публикациями. Следует отметить еще одно важное обстоятельство: в результате смены политического строя в России в 1991 г. отечественные архивы открыли свои двери для исследователей, хотя часть документов, хранящихся в Архиве Президента РФ, до сих пор недоступна для большинства исследователей. Рассекречивание этих материалов идет очень медленно.

¹⁹ См.: Ломанов А.В. Культурно-цивилизационные аспекты российско-китайского взаимодействия // Российско-китайские отношения. Состояние. Перспективы. М., 2005. С. 374.

²⁰ Семенов Г.Г. Три года в Пекине. Записки военного советника. Изд. 2-е, доп. М., 1980; Сапожников Б.Г. Народно-освободительная война в Китае (1946–1950). М., 1984 и др.

В связи с этим нельзя не упомянуть о значительном вкладе в этот процесс советского дипломата, работавшего в Китае в 1940–1950-е годы, Чрезвычайного и полномочного посла и заместителя заведующего Отделом заграничных кадров ЦК КПСС Андрея Мефодьевича Ледовского. А.М. Ледовский выявил и подготовил к печати значительное количество важнейших документов по советско-китайским отношениям из Архива Президента РФ, а также был составителем сборника документов по российско-китайским отношениям в XX в.²¹ Ряд таких журналов, как «Исторический архив», «Новая и новейшая история» и «Проблемы Дальнего Востока», на своих страницах также начали публикацию первоисточников²². В постсоветские годы вышло несколько сборников документов²³.

Непосредственно теме десятилетия дружбы посвящен двухтомный сборник документов «Китайская Народная Республика в 1950-е го-

²¹ *Ледовский А.* Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 г. // ННИ. 1997. № 2; *он же.* Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне-августе 1949 г.: Документы // ПДВ. 1996. № 4, 5; *он же.* Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 — феврале 1950 г. Из архива Президента РФ // ННИ. 1997. № 1; *он же.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М., 1999; *он же.* Сталин, Мао Цзэдун и корейская война 1950–1953 годов // ННИ. 2005. № 5; Русско-китайские отношения в XX веке: материалы и документы / Составитель — А.М. Ледовский. Т. 4. Книга 2. М., 2000.

²² Десятилетие великой дружбы: Советско-китайские отношения в 1950-е гг. // ИА. 2006. № 4; *Коваль К.И.* Переговоры И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в 1953 году в Москве и Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 году в Пекине // ННИ. 1989. № 5; П.Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном: Докладные записки И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. 1951–1957 гг. // ИА. 2006. № 4; Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. (Документы) // ННИ. 2001. № 1, 2; *Соколов В.В.* Советско-китайские отношения: 1946–1950 годы. Новые документы // ННИ. 2006. № 3; Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова журналу «ПДВ» // ПДВ. 2009. № 5; *Елизаветин А.* Переговоры А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в пекинском аэропорту. Ч. 1–2. Вступительная статья и комментарии к тексту С. Гончарова // ПДВ. 1992. № 6, 1993. № 1; *Прозуменщиков М.* 1960 год глазами советских и китайских руководителей (по документам Центра хранения современной документации и Архива Президента Российской Федерации) // ПДВ. 1999. № 3; *Демина Н.* Секретные встречи на «душистой горе» // Родина. 2004. № 10. С. 29–33.

²³ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. М., 1999; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001; Из истории научно-технического сотрудничества СССР и КНР. Тематический перечень архивных документов. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД), Самара. 2008. URL: <http://rgantd-samara.ru/personnel/enumerations/2345/>

ды»²⁴, подготовленный при участии Российской Академии наук, Архива РАН, Федерального архивного агентства Российской Федерации под редакцией российского китаиста, крупнейшего специалиста в области российско-китайских отношений академика Владимира Степановича Мясникова. В первом томе, приуроченном к 60-летию образования КНР, публикуются путевые дневники, доклады, аналитические записки, переписка ученых — представителей естественнонаучного и гуманитарного знания. Основная тема сборника документов — всесторонняя, многомерная и целенаправленная помощь Советского Союза соседнему Китаю. Двусторонние контакты охватывают политическую, государственную, культурную, экономическую, научно-техническую сферы. Документы представлены перепиской, отчетами о командировках советских специалистов различных специальностей в Китай, служебными записками, актами, информационными материалами, справками, программами, протоколами, статьями, стенограммами и др. и, по выражению В.С. Мясникова, «дышат воздухом» тех лет, что определяет их вневременную историческую ценность. Публикуемые документы, выполненные непосредственно по следам событий, снабжены комментариями с привлечением архивных материалов РГАСПИ, РГАНИ, опубликованных сборников документов, изданной в СССР мемуарной и монографической литературы по теме советско-китайских отношений. Второй том сборника²⁵ вводит в научный оборот впервые публикуемые документы государственных федеральных архивов России — РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФ, РГАЛИ, РГАНТД, РГАЭ²⁶. Архивные источники имеют официальное и личное происхождение, их авторами выступают советские и китайские должностные лица, специалисты, граждане.

Большая работа по выявлению и классификации значительного массива материалов по советско-китайскому научно-техническому сотрудничеству в 1949–1965 гг., содержащихся в фондах Архива народного хозяйства, в том числе в фонде Управления по делам научно-

²⁴ Мясников В.С. Десятилетие дружбы // Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. док. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. 1: Взгляд советских и китайских ученых. Сост.: Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. М., 2009.

²⁵ Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. документов. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. 2. Друг и союзник нового Китая. М., 2010.

²⁶ Соответственно: Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный архив научно-технической документации, Российский государственный архив экономики.

технического сотрудничества СССР с социалистическими странами (УНТС), проделана научным сотрудником Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Ириной Алексеевной Петропавловской. Результатом этой работы стала публикация И.А. Петропавловской ряда статей в 2004–2007 гг.²⁷ об объемах помощи СССР КНР и о характере советско-китайского научно-технического сотрудничества, а также о работе Секретариата специальной Советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству²⁸. В фонде УНТС, сообщает И.А. Петропавловская, содержится базовая документация о планах и программах сотрудничества на основе Соглашений по советско-китайскому научно-техническому сотрудничеству (от 1953, 1958 и 1960 гг.); о научно-технических связях ряда институтов с китайской стороны с советскими институтами в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР, 1958–1961); о связях в области научного сотрудничества различных организаций СССР с Академией наук Китая; о помощи КНР в проведении экспертизы по 122 темам научно-технической проблематики; переписка о взаимобмене и командировании китайских и советских специалистов по более чем 300 научно-исследовательским темам (например, о пребывании китайских специалистов в Институте металлургии АН СССР), документы о помощи СССР в области системы высшего образования КНР и о межгосударственных связях с КНР различных учебных заведений СССР. В фонде также широко представлены документы и вспомогательные материалы по контролю этапов выполнения и передаче китайской стороне техники и технической документации (акты, счета по контрактам), по советско-китайскому сотрудничеству в областях техники, науки, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, производства продуктов химической промышленности, медицины и образования, документы и материалы о помощи в комплексном освоении и использовании природных ресурсов КНР, в том числе газа, угля, нефти и т.д., т.е. по всему спектру помощи СССР КНР.

В постсоветский период появилось большое количество мемуарной литературы, в той или иной степени затрагивающей вопросы по-

²⁷ URL: <http://www.ihst.ru/content/petropavlovskaya>

²⁸ С 1953 г. — Дальневосточная комиссия при Министерстве внешней торговли (МВТ) СССР, с 1954 г. — Советско-китайская комиссия МВТ СССР. Эта комиссия с 1955 г. перешла из МВТ в ведение Управления по внешним экономическим связям Совмина СССР и затем, в 1959 г. — Государственного комитета Совета Министров по науке и технике (ГКНТ).

мощи СССР Китаю в 1950–1960-е годы, обсуждавшиеся на государственном уровне. Это воспоминания партийных и государственных деятелей, дипломатов²⁹, академиков³⁰, а также специалистов, принимавших участие в военных действиях на территории Китая³¹.

Окончание политического противостояния между Россией и Китаем, активизация советско-китайских межгосударственных отношений на современном этапе и широкая публикация источников вызвали всплеск интереса исследователей к проблемам советско-китайского сотрудничества в советский период. Продолжили свою работу уже известные китаисты-международники. В 1999–2002 гг. вышло три издания книги О.Б. Рахманина «К истории отношений России—СССР с Китаем в XX веке»³² о более чем 80-летней (1917–2000) истории отношений СССР/РФ с Китаем с кратким анализом важнейших событий того периода. Появились новые работы о международных отношениях СССР и КНР. Значительный вклад в китаеведение в целом и в анализ советско-китайских отношений внес доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Юрий Михайлович Галено-

²⁹ *Абрасимов П.А.* Четверть века послом Советского Союза. М., 2007; *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 1998; *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае (из воспоминаний дипломата). М., 1999; *Воротников В.И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995; *Катица М.С.* На разных параллелях: записки дипломата. М., 1996; *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М., 1990; *Крутиков К.А.* На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003. С. 128–131; *Микоян А.* Так было. М., 1999; *Рахманин О.Б.* Страницы пережитого. М., 2005; *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997; *Шелест П.Е.* ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995; *Шепилов Д.Т.* Непримкнувший. Воспоминания. М., 2001; *он же.* Воспоминания // ВИ. 1998. № 10.

³⁰ Первые впечатления от Китая. Путевой дневник академика А.И. Опарина. Сентябрь–октябрь 1951 г. // ИА. 2006. № 4; Нас необычайно тепло и сердечно встретили. Из доклада академика А.М. Панкратовой о поездке в КНР осенью 1954 г. // ИА. 2008. № 2; *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30–90-е гг.). М., 1992; *он же.* Возвращение к Воротам небесного спокойствия. М., 2002.

³¹ *Абрамов Ю., Елков И.* «Китайские добровольцы» из России // Российская газета, 06.03.1992; *Абрамычев А.И.* Правда о забытой войне // Наш современник. 2010. № 6; *Вишневецкий Б.* Спецкомандировка в неизвестную войну // Вечерний Петербург. 15.08.1992; *Лукашин В.* О чем умолчал генерал Цой Гван // Известия. 27.10.1990; *Мякинин Г.* В небе Шанхая // Смена. 04.04.1990; *Орехов Б.* Тогда меня звали Бо Нинфу // Правда. 09.09.1992.

³² *Рахманин О.Б.* К истории отношений России—СССР с Китаем в XX веке. М., 2002; *он же.* К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценки экспертов). М., 1999; *он же.* К истории отношений России—СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. М., 2000.

вич³³. Заявленная тема затрагивалась также в учебных пособиях по истории Китая. В этой связи необходимо отметить учебник «История Китая»³⁴, подготовленный известными историками-китаеведами под редакцией заведующего кафедрой истории Китая в ИСАА при МГУ, доктора исторических наук Арлена Вааговича Меликсетова. В первом в нашей стране и, к сожалению, единственном двухтомном учебнике по истории КНР доктора исторических наук Виктора Николаевича Усова³⁵ вопросы советской помощи Китаю были затронуты в традиционном ключе.

В целом, в отечественных работах по изучаемому вопросу в 1990–2000-х годах наблюдается переосмысление опыта советско-китайских отношений в различных областях. Вместе с тем недостаточное финансирование российской науки в 90-е годы, когда в стране началось размывание костяка научных кадров при отсутствии притока молодых исследователей, привело к тому, что крупных обобщающих работ по заявленной теме немного и представлены они, как правило, диссертационными исследованиями.

Большого внимания заслуживает тщательное и достаточно объективное историческое исследование Татьяны Георгиевны Зазерской «Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы)»³⁶. Работа опубликована на основе кандидатской диссертации, защищенной автором в 1998 г. Как по области исследования — военно-промышленный комплекс и участие советских специалистов в его формировании, прежде не затронутой в отечественной историографии, так и по сделанным выводам монография носит новаторский характер. Т.Г. Зазерская широко использовала ранее недоступные материалы и документы, отложившиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ, бывший Архив МИД СССР), в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, бывший Центральный государственный архив народного хозяйства СССР — ЦГАНХ СССР) и др. Автор книги на конкретном примере работы советских специалистов успешно решила задачи,

³³ Галенович Ю.М. 50 лет с Китаем. М., 2010; *он же*. «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. В 2 т. М., 1992.

³⁴ История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2002.

³⁵ Усов В.Н. История КНР. В 2 томах. Т. 1. 1949–1965 гг. М., 2006. По жанру эту книгу вряд ли можно назвать учебным пособием в полной мере. В ней отсутствует адаптация фактического материала для нужд учебного процесса. Скорее она может играть роль источника для учебников и лекционных курсов.

³⁶ Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы). СПб., 2000.

позволяющие рассмотреть процесс реализации политики помощи СССР Китаю. Т.Г. Зазерская определила место и роль советских специалистов в общей структуре советской экономической помощи Китаю, степень их участия в разработке новых видов военно-промышленного производства в КНР. Наибольший интерес представляет информация об условиях командирования специалистов, их пребывания и деятельности в КНР, а также проблемах, возникавших в ходе работы.

Автор монографии сопоставила мотивацию руководства двух стран в отношении оказания помощи и ее принятия Китаем. С точки зрения Т.Г. Зазерской, советское руководство, оказывая экономическую помощь Китаю, стремилось приблизить к себе Китай. СССР, предоставляя льготные кредиты КНР, исходил главным образом из политических и военно-стратегических соображений. Кредиты предоставлялись в товарной форме (поставки оборудования, топлива, большого количества вооружений) с погашением в товарной же форме продукцией местного производства. Таким образом, деньги не покидали страну, а экономическое взаимодействие с Китаем оборачивалось непосредственной выгодой для СССР в виде получения продовольственных товаров и стратегического сырья в обмен на широкий рынок для сбыта продукции своей машиностроительной и военной промышленности. Советская финансовая и военная помощь КНР рассматривалась автором и как важное средство укрепления экономических позиций СССР³⁷. Китайским руководством советская экономическая помощь воспринималась как необходимая, но целесообразная лишь временно, поскольку Китай стремился укрепить за счет нее экономическую независимость³⁸. Эта разница целей, по мнению автора книги, легла в основу будущего противостояния СССР и Китая. Книга Т.Г. Зазерской вызвала интерес у читателей, получила хороший отклик за рубежом, а ее материалы активно используются и цитируются как в России, так и за ее пределами.

Отдельным аспектам советской помощи Китаю в 50-е годы прошлого века посвящены статьи в различных сборниках, публикации в научных журналах и материалах тематических конференций. Тема участия советских специалистов в строительстве нового Китая затронута в статье старшего научного сотрудника ИДВ РАН Аллы Леонидовны Верченко «Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.)».

³⁷ Там же. С. 171.

³⁸ Там же. С. 174.

опубликованной в юбилейном выпуске журнала «Проблемы Дальнего Востока», посвященном 60-й годовщине образования КНР³⁹. Используя материалы публикаций китайских историков, автор статьи приводит конкретные сведения об участии советских специалистов в восстановлении и строительстве Аньшаньского, Уханьского, Баотоуского и других металлургических комбинатов, плотин и электростанций на реках Янцзы, Хуайхэ, Сунгари, железных дорог и мостов и т.д. В статье приводятся факты, свидетельствующие о подготовке советскими специалистами квалифицированных рабочих и руководящих работников в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР. Кроме того, А.Л. Верченко широко использует документы Архива АН СССР/РАН о научно-технической помощи советских советников и консультантов в организации науки, составлении научных планов, в экспедициях по изучению природных ресурсов Китая, его флоры и фауны, в составлении карт, разведке полезных ископаемых, исследовании морских и пресных вод и их обитателей. В статье представлена также деятельность сотрудников АМН СССР по организации в КНР современной системы здравоохранения, в том числе по формированию новейших направлений медицины, медицинских научных, исследовательских и учебных институтов, строительству заводов медицинской промышленности, исследованию лекарственных ресурсов Китая и составлению атласа лекарственных растений, совершенствованию промышленно-санитарной службы и охраны труда на производстве. Работа А.Л. Верченко широко цитируется в публикациях по данной тематике. Вместе с тем автор, на наш взгляд, несколько преувеличивает уровень эффективности воздействия на многовековую культуру Китая «лучших достижений мирового и советского искусства», то есть хореографии, актерского мастерства, музыки и живописи. На один из важных культурно-цивилизационных аспектов взаимоотношений СССР и КНР в 50-е годы — беспрецедентное культурное проникновение Советской России — обратил внимание доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Александр Владимирович Ломанов⁴⁰.

В постсоветский период сотрудничеству двух стран в научно-технической области с середины прошлого века и до настоящего времени посвящены статьи ведущего научного сотрудника ИДВ РАН

³⁹ Верченко А. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // ПДВ, 2009. № 5. С. 71–79.

⁴⁰ Подробнее см.: Ломанов А.В. Культурно-цивилизационные аспекты российско-китайского взаимодействия. С. 371–376.

Александра Васильевича Шлындова «Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах»⁴¹ и уже упоминавшейся И.А. Петропавловской «Советско-китайское научно-техническое сотрудничество (1950 — конец 1965 г.)»⁴². В большой статье А.В. Шлындова на наиболее значимых примерах 50–60-х годов прошлого века рассматриваются истоки всего комплекса вопросов научно-технического сотрудничества России и Китая в области самолетостроения, энергетики, химической промышленности, судостроения и т.д. Автор статьи доказывает, что многие образцы китайской техники не являлись оригинальными китайскими разработками, а были созданы путем нелегального копирования советской техники, поставляемой в КНР до сворачивания сотрудничества двух стран в результате идеологических разногласий.

В последние десятилетия внимание исследователей стало уделяться крупному блоку вопросов, ранее не затрагиваемых советской историографией, в частности советской военной помощи КНР в 1949–1960 гг. Специальной работы по этой теме пока нет, имеется лишь несколько статей отечественных авторов⁴³. Современный российский военный специалист, публицист Александр Борисович Широкоград посвятил этой теме одну из глав монографии «Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество»⁴⁴. Работа обобщает сведения из уже опубликованных статей и материалов и интересна данными о советской военной помощи КНР в техническом оснащении Народно-освободительной армии Китая (НОАК), подготовке военных кадров, а также обучении личного состава Народно-освободительной армии Китая, прошедшего

⁴¹ Шлындов А. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах // ПДВ, 2008. № 5. С. 15–16; № 6. С. 17–41.

⁴² Петропавловская И.А. Советско-китайское научно-техническое сотрудничество (1950 — конец 1965 г.) // 22-й Международный конгресс по истории науки. Пекин, 24–30 июля 2005 (22nd International Conference for History of Science). Beijing, July 24–30, 2005. URL: <http://www.ihst.ru/content/petropavlovskaya>

⁴³ Горбачев Б.Н. Российско-китайские связи в военной области // 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009). Тез. докл. XVIII Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2009. Ч. 2; Сотникова И.Н. Военная помощь КНР СССР в 1949–1960 гг. // I Всерос. конф. «Проблемы новейшей истории Китая» (Москва, 22–23 мая 2010 г.) / ИМ ИДВ РАН. Вып. 1. М., 2011. С. 153–170; Демин А., Серов Г. Разведчики U-2 над Китаем, или Зенитчики устанавливают рекорды // Авиация и космонавтика, 2002. № 2–4; Демин А. Авиация Великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации. М., 2008.

⁴⁴ Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004.

военную подготовку как на территории своей страны, так и в военных учебных заведениях Советского Союза. Данные о работе и количестве советских военных специалистов проходили по ведомству Министерства обороны СССР и сложно поддаются учету. Поэтому конкретные сведения о количестве советников и специалистов Советской армии и ВМФ, побывавших в Китае, а также об участии советской группировки в военных действиях на стороне КНР, приводимые А.Б. Широко-радом, приобретают значительную ценность. Широко привлекая работу Т.Г. Зазерской, автор высказывает мнение о том, что коренная перестройка и модернизация китайских вооруженных сил не была бы возможной без военных специалистов Советского Союза, без советских военных поставок артиллерии, самолетов, кораблей и подводных лодок и т.п.

Парадоксальное стремление руководителей КНР как можно в более короткие сроки «освободиться» от зависимости от СССР за счет советской же помощи нашло отражение в сотрудничестве двух стран в области таких приоритетных направлений, как ракетостроение и атомная энергия. Впервые закрытая прежде тема советского участия в китайском атомном проекте была рассмотрена в статьях чрезвычайного и полномочного посла, доктора исторических наук, ведущего специалиста в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями Роланда Тимербаева⁴⁵, а также в воспоминаниях известного российского физика-теоретика Бориса Лазаревича Иоффе⁴⁶. Советский вклад в китайскую атомную программу исследовали В.Н. Усов⁴⁷ и другие авторы⁴⁸.

Надо отметить, что при жизни И.В. Сталина советская помощь Китаю была строго регламентирована. СССР не собирался посвящать

⁴⁵ Тимербаев Р. Как СССР помогал Китаю создавать атомную бомбу // Ядерный контроль. 1998. № 3 (39).

⁴⁶ Иоффе Б. Особо секретное задание. Из истории атомного проекта в СССР // Новый мир. 1999. № 5. С. 144–155; № 6. С. 161–172.

⁴⁷ Усов В. Своя атомная бомба // ААС. 1996. № 2. С. 72–75; он же. Как атомный вопрос испортил дружбу СССР и Китая // Время новостей. № 143. 06.08.2003.

⁴⁸ Негин Е.А., Смирнов Ю.Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Международный симпозиум «Наука и общество. История советского атомного проекта. 40–50-е годы». М., 1997. Т. 1. С. 306–309; Сотникова И.Н. СССР и атомный проект КНР // 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 гг.). Тез. докл. XVIII Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Ч. 1. М., 2009. С. 184–188; Вольнец А. Бомба председателя Мао // Русская планета. 23 октября 2014. URL: <http://rusplt.ru/world/bomba-predsedatelya-mao-13787.html>; Тольц В. Рождение китайской атомной... // Радио Свобода. 03.10.2009. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1843257>.

Китай в разработки секретных областей науки. С приходом к власти Н.С. Хрущева положение изменилось, помощь хлынула в Китай большим и зачастую не контролируемым потоком. Благодаря участию СССР в Китае стала развиваться ядерная физика, начались работы сначала по использованию атомной энергии для нужд народного хозяйства, а затем, и об этом свидетельствуют авторы всех публикаций, было решено передать Китаю секреты ядерного оружия. Фундамент китайской атомной промышленности и вооружения закладывался при мощной поддержке СССР, на основе советских проектов и по большей части руками советских специалистов. Без этой поддержки Китай не смог бы выполнить впоследствии свой атомный проект. К началу 1960 г., когда китайский военный атомный проект был готов на 80%, вследствие межправительственных разногласий в СССР было принято решение не предоставлять КНР данных о технических особенностях атомной бомбы. По оценкам отечественных экспертов, советская помощь в атомной области позволила КНР по крайней мере на 10–15 лет ускорить создание ядерного оружия и сэкономить 2,5 млрд. долларов. Китайское атомное устройство впервые было взорвано на полигоне возле оз. Лобнор, на северо-западе страны, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе 16 октября 1964 г. в 13 часов по пекинскому времени. Журналист-обозреватель и руководитель историко-архивной службы Издательского дома «Коммерсантъ» Евгений Петрович Жирнов обратил внимание на тот факт, что, содействуя созданию в Китае собственной атомной бомбы, СССР подхлестнул гонку вооружений и расползание ядерных секретов по горизонтали — от одного обладателя к другому⁴⁹.

Помимо атомной технологии СССР предоставил КНР и средства доставки ядерных зарядов. В монографии А.Б. Широкограда затрагивается история участия СССР в создании ракетного щита КНР, в развертывании первого ракетного дивизиона Национально-освободительной армии Китая и поставках самого современного на то время вооружения, которое в СССР только реализовывалось и имело особую важность для КНР. По воспоминаниям сына Н.С. Хрущева Сергея Никитича, в Китай ушли образцы самонаводящихся крылатых ракет: катерной П-15 и береговой обороны — «Кометы». Их собирались создавать на вновь строящихся с помощью Советского Союза заводах Китая. СССР обещал передать ракету Р-12, способную доставлять ядерные боеголовки. Причем «предполагалось, что про-

⁴⁹ Жирнов Е. Как это делалось в Китае. Хорошая бомба при плохой игре // Коммерсантъ Власть, № 38 (244). 21.10.1997.

изводство ракет в обеих странах начнется практически одновременно»⁵⁰.

Отечественные исследователи постсоветского периода продолжают изучение истории советско-китайских культурных связей. Частично эти вопросы освещаются в общих работах по международным связям в области культуры. Среди исследований современных российских ученых наиболее полной является работа о взаимоотношениях СССР и КНР в области культуры в 50-е годы XX в., принадлежащая Павлу Анатольевичу Калашникову, который защитил в 2010 г. на кафедре истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов кандидатскую диссертацию на тему: «Советско-китайские культурные отношения (1949–1964 гг.)»⁵¹. В диссертационном исследовании рассматривается богатая и разнообразная практика культурного обмена между двумя странами, когда были разработаны и реализованы новые формы сотрудничества в самых разных областях культуры — в образовании, науке, искусстве, художественной культуре.

Говоря о помощи Советского Союза в подготовке китайских национальных научных кадров и специалистов для растущих потребностей китайской экономики, П.А. Калашников отмечает, что в течение всего рассматриваемого периода КНР занимала ведущее место среди других иностранных государств по количеству граждан, обучавшихся в СССР. Автор повторяет сведения книги О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова о широком советско-китайском межвузовском обмене, который проявился в процессе массового обучения в Советском Союзе китайских студентов, аспирантов и стажеров, а советские преподаватели оказывали содействие КНР в деле проведения реформы высшего образования, включая создание новых кафедр и лабораторий в китайских вузах, организацию обучения в аспирантуре. С 1949 по 1960 г. в СССР было подготовлено около 10 тыс. китайских специалистов, в том числе большое количество специалистов высшей квалификации, занимавших в свое время в КНР высокие государственные посты.

Что касается советско-китайского сотрудничества в области театрального искусства, кинематографии и литературных связей, то, по свидетельству П.А. Калашникова, они носили культурно-ознакомительный характер и осуществлялись в форме проведения совместных

⁵⁰ Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. М., 1994. Т. 1. С. 347.

⁵¹ Калашников П.А. Советско-китайские культурные отношения (1949–1964 гг.). М., 2010. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/sovetsko-kitajskie-kulturnye-otnosheniya-1949-1964-gg.html>

международных выставок, организации коллективных и частных поездок деятелей культуры СССР и Китая, издания совместных публикаций. В отношении Китая, считает автор, можно говорить о значительной помощи СССР в области организации науки, музейного и театрального дела.

П.А. Калашников отмечает значительную роль в деле активизации и корректировки культурного взаимодействия двух стран Посольства СССР в КНР и общественных организаций, в первую очередь Общества китайско-советской дружбы, которые были каналами осуществления сотрудничества, а также одновременно выполняли политико-пропагандистские задачи, оказывали влияние на формирование общественного мнения в Китае. Оценивая деятельность советских государственных и общественных организаций в сфере культурного обмена в 1949–1964 гг., автор предлагает идейно-политическое объяснение: принципы культурного взаимодействия двух стран были подчинены идеологической концепции и строились в соответствии с конкретными задачами и приоритетами внешнеполитических доктрин. П.А. Калашников говорит об использовании советской стороной культурных контактов с Китаем в качестве «сферы своей идеологической пропаганды».

Сотрудничеству между Россией и Китаем в области науки в 1950–1960 гг., политико-социальному фону и анализу научных реформ в Китае посвящены материалы сборника статей международной конференции «Российско-китайские контакты в области фундаментальной науки», которая состоялась 23–24 сентября 2004 г. в Санкт-Петербурге⁵². Вопрос о новых подходах к изучению отечественными исследователями советско-китайского сотрудничества в 50-е годы в материалах данного сборника уже затрагивался в историографической статье А.Л. Верченко⁵³. Можно только добавить, что в статье доктора биологических наук, главного научного сотрудника Информационно-аналитического центра (ИАЦ) «Архив истории науки» Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ИИЕТ) РАН Елены Соломоновны Левиной «История и проблемы советско-китайского сотрудничества в 1950-х — начале 1960-х годов»⁵⁴, подготовленной

⁵² Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. Сб. статей / Отв. редактор Э.И. Колчинский. СПб., 2005.

⁵³ Подробнее см.: *Верченко А.Л.* Некоторые новые моменты в изучении советско-китайского сотрудничества в 50-е годы // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академик М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 553–567.

⁵⁴ *Левина Е.С.* История и проблемы советско-китайского сотрудничества в 1950-х — начале 1960-х годов (по материалам российских архивов) // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. С. 92–116.

по материалам российских архивов (АРАН, РГАНИ), впервые проанализированы формы и содержание научного сотрудничества двух стран. В содержании всего спектра научной помощи, оказанной китайской стороне, автор публикации определила несколько направлений: создание организационной структуры управления наукой в КНР (с указанием основных участников с советской стороны), обмен научной информацией, подготовка научных кадров и совместные исследования (особенно в эколого-географической области) и т.д. Анализируя такую эффективную форму сотрудничества, Е.С. Левина особое внимание обратила на значение института советских советников при АН КНР, направлявшихся в Китай сроком на два года и внесших неоценимый вклад в становление новых для Китая областей науки.

Помощи советских ученых китайским коллегам в области этнографии и лингвистики посвящены работы этнографа и лингвиста, историка науки, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге Александра Михайловича Решетова «Советские этнографы и лингвисты в Китае во второй половине 1950-х гг.»⁵⁵, а также доктора филологических наук, главного научного сотрудника ИДВ РАН Ольги Исааковны Завьяловой «Языковая ситуация и языковая политика в КНР»⁵⁶.

Широкомасштабной поддержке, оказанной Советским Союзом КНР в 1950-е годы в сфере здравоохранения, и вкладу российских врачей в медицину Китая посвящена статья историка медицины, доктора медицинских наук Дальневосточного государственного медицинского университета Павла Эдуардовича Ратманова «Советско-китайское сотрудничество в области здравоохранения в 50–60-е гг. XX в.»⁵⁷. Помощь СССР Китаю включала строительство фармацевтических предприятий, медицинского городка, обучение медицинских и научных кадров, командирование специалистов для наладки поставляемого оборудования. Научно-практические связи медиков СССР и Китая стали особенно интенсивными в 1950-е годы. По свидетельству П.Э. Ратманова, поддержка, оказанная Советским Союзом КНР

⁵⁵ Решетов А.М. Советские этнографы и лингвисты в Китае во второй половине 1950-х гг. (опыт научного сотрудничества) // Там же; Решетов А.М., Хэ Гоань. Советская этнография в Китае // Советская этнография, 1990. № 4. С. 76–93.

⁵⁶ Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/167-yazykovaya-situacziya-i-yazykovaya-politika-v-knr>

⁵⁷ Ратманов П.Э. Советско-китайское сотрудничество в области здравоохранения в 50–60-е гг. XX в. // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока. 2012. № 4.

в сфере здравоохранения, была комплексной и способствовала созданию современной национальной системы здравоохранения. В 1950-е годы Советский Союз передал КНР самые передовые в то время медицинские и фармацевтические технологии. Опыт советского здравоохранения во многом был успешно внедрен в КНР. Как и все сотрудничество, эти отношения в 1960-е годы были свернуты.

Из последних работ настоящего времени стоит остановиться на публицистической статье журналиста, писателя и ведущего в ЖЖ (Живой журнал) рубрику «Моя китайская библиотека» Алексея Николаевича Волынца «Как Сталин в Китай инвестировал»⁵⁸, в которой пересматривается традиционная точка зрения на помощь Советского Союза КНР в 1950–1960-е годы. Не отрицая масштабы советской помощи и ее беспрецедентности в международной практике, автор публикации указывает на умалчиваемые ранее моменты в сотрудничестве двух стран.

А.Н. Волынец пытается опровергнуть устоявшееся представление, что Советский Союз оказывал слишком много безвозмездной помощи Китаю в ущерб собственным интересам, считая, что в действительности это совсем не так для эпохи И.В. Сталина и не вполне верно для времен Н.С. Хрущева. Так, в 1949 г. из СССР было поставлено товаров на сумму 420 млн. рублей и в ответ получено товаров и сырья на 436 млн. Это же, по мнению автора публикации, относится к поставкам Китаю больших объемов оружия: СССР безвозмездно передал китайской стороне исключительно трофейное японское вооружение, захваченное советскими войсками в 1945 г. Новейшее же вооружение И.В. Сталин предложил КНР оплачивать свободно конвертируемой валютой или золотом.

Факт выделения СССР, испытывавшим дефицит валютных запасов, беспрецедентного кредита Китаю почти в 15 млрд. долл. находит в статье А.Н. Волынца объяснение. Он полагает, что это было сделано взамен на согласие китайского руководства не размещать на территории Поднебесной базы американских «летающих крепостей», которые с территории Западного Китая могли бы достичь Урала — главного промышленного центра послевоенного СССР. Как пишет автор, почти треть этого кредита сразу же вернулась в СССР в качестве оплаты начавшихся поставок новейшего советского оружия.

⁵⁸ Волынец А. Как Сталин в Китай инвестировал // Русская планета. 7 октября 2014 г. URL: <http://rusplt.ru/society/kak-stalin-v-kitay-investiroval-13386.html>

А.Н. Волынец раскрывает сущность сталинской политики: при всех льготах и выгодах для КНР многомиллионные кредиты были выгодны для СССР, поскольку предоставляли крупнейшие заказы советской промышленности, прочно привязывая экономику Китая к советской. Практика предоставления кредитов для оплаты собственной продукции ныне является одной из наиболее распространенных и выгодных форм экономической деятельности. А.Н. Волынец считает, что экономика Китая целенаправленно привязывалась не только к СССР, но и к экономикам восточноевропейских сателлитов Москвы, жестко контролировавшихся из Москвы. Эти страны вывозили из Китая продукты питания, цветные металлы и другое сырье, а поставляли ему различные промышленные товары, в том числе химическое оборудование.

Автор публикации также говорит о советско-китайских АО, деятельность которых анализировал М.И. Сладковский. Помимо прочего, АО занимались в Синьцзяне добычей и обогащением урановой руды для советской атомной промышленности. Для получения дефицитного натурального каучука, необходимого советской промышленности, СССР предоставил Китаю целевой кредит в сумме 8,55 млн. рублей специально для создания и развития каучуконосных плантаций на о. Хайнань.

А.Н. Волынец приводит факты взаимодействия сторон в области культуры, или, как он пишет, советской культурной экспансии в Китай:

— за первые три года существования КНР с помощью представителей СССР было переведено на китайский и издано в Китае более трех тысяч наименований советских книг по различным отраслям науки;

— была начата перестройка всех учебных программ и учебных планов по образцу советских вузов;

— в Китае началось массовое изучение русского языка. За два первых года существования КНР в стране было открыто 12 институтов русского языка. Факультеты, отделения и курсы русского языка были открыты во всех высших учебных заведениях Китая. Более того, во всех средних школах Маньчжурии местные власти ввели русский язык в качестве обязательного предмета;

— начиная с 1949 г. в Китае был широко представлен советский кинематограф. Учитывая, что китайский кинематограф был еще не развит, а западный недоступен, фактически каждый китайский горожанин 50-х годов минувшего столетия вырос на советском кинематографе.

Таким образом, тесное взаимодействие и сотрудничество в области образования, науки и культуры, которые как в российской, так и в китайской историографии связываются с прогрессом в развитии КНР, интерпретируются автором и требуют осмысления и изучения.

А.Н. Вольнец обращает внимание также на такой важный аспект советско-китайских отношений, как передача от СССР Китаю необходимого административного, управленческого опыта и соответствующих управленческих технологий. Большинство министерств, создававшихся в Пекине после провозглашения КНР, имели организационную структуру, идентичную соответствующим советским министерствам, включая Госплан КНР. При помощи СССР в Китае были созданы не только экономические планы, но и вся система статистики и статистического учета, без которых невозможно управление и развитие сложной экономики. С помощью советских специалистов в Китае начал издаваться журнал «Тунци гунцзо тун сунь» («Вестник статистической работы»), было выпущено большое количество статистических сборников по всем отраслям китайской экономики. Все китайские министерства, административные и учебные заведения, промышленные предприятия копировали не только форму и структуру советских аналогов, но и методы их работы.

Из сказанного выше А.Н. Вольнец приходит к выводу, что переданный Китаю уникальный опыт и управленческие (менеджерские) технологии регулирования государственной экономики по своему значению и стоимости вполне сопоставимы, если не превосходят роль и стоимость материальных средств, переданных из СССР Китаю в те годы. Этот опыт к середине XX в. находился в СССР на высоком уровне развития, зачастую опережая соответствующий опыт иных, в том числе экономически развитых капиталистических стран. Управленческие технологии были наработаны в ходе успешной форсированной индустриализации во время Второй мировой войны и послевоенного восстановления экономики.

Смерть Сталина в марте 1953 г., по мнению автора работы, изменила ситуацию. По сути, СССР отошел от прежней сталинской практики продуманного и взаимовыгодного сотрудничества с КНР. Во второй половине 1950-х годов советско-китайские экономические отношения, считает А.Н. Вольнец, претерпели заметные изменения, из взаимовыгодных (и зачастую несколько более выгодных для СССР) все более превращаясь в одностороннюю помощь со стороны Совет-

ского Союза. Сделанные И.В. Сталиным масштабные «инвестиции» при его слабом преемнике остались без «дивидендов».

Обзор отечественных работ, посвященных одной из самых ярких страниц советско-китайских отношений 1950–1960-х годов, позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие значительного комплекса исследований по заявленной теме, уровень разработанности проблемы не представляется достаточным, существует ряд открытых вопросов. Многие аспекты истории двусторонних отношений в этой области и степень их эффективности изучены лишь частично. Так, до настоящего времени недостаточно представлена нормативная правовая база регулирования экспорта товаров и услуг, т.е. правовая основа механизма сотрудничества, существовавшая в форме договоров, соглашений, заключенных на государственном, правительственном, межведомственном и академическом уровнях.

Кроме того, отсутствует комплексное исследование по проблеме советской помощи Китаю, включающее в себя весь спектр форм и направлений взаимодействия двух стран, в то время как углубленный анализ и объективное изучение исторического опыта советско-китайских отношений в 1949–1960 гг. могут быть использованы политиками и участниками современного российско-китайского диалога, служить дальнейшей оптимизации внешнеполитической деятельности России на китайском направлении.

А.А. СИЗОВА

Основные направления исследований гуманитарных контактов России и Китая в российской историографии начала XXI века

Статья исследует вопросы российской историографии о взаимодействии России и Китая в гуманитарной сфере в начале XXI в. В работе рассмотрены результаты и особенности анализа отечественными учеными контактов двух стран и культур в гуманитарной сфере, выделены ключевые направления российско-китайского взаимодействия в гуманитарной области на национальном и региональном уровнях, представлена оценка в историографии роли официальной и «общественной» дипломатии в укреплении двусторонних гуманитарных связей, а также специфики восприятия и взаимовлияния двух культур. Предпринята попытка выявить новые черты и тенденции в динамично формирующейся сфере исследования социально-культурных контактов России и Китая в современной российской науке.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, гуманитарная сфера, культура, взаимодействие, специфика восприятия и взаимовлияния двух культур, социально-культурные контакты.

В структуре двусторонних отношений России и Китая, которые в первом и начале второго десятилетия XXI в. приобрели характер динамичного стратегического партнерства, выделяется весьма крупный блок гуманитарных связей, объемы и разнообразие форм которых увеличиваются с каждым годом. По наблюдениям некоторых авторов, несмотря на большой объем работ, посвященных социально-культурному измерению взаимодействий России и Китая в начале XXI столетия, данная тема по состоянию на конец первого десятилетия нового века не получила всестороннего освещения в трудах отечественных и китайских ученых¹. Однако с начала 2010-х годов

¹ Соловьева Е.В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена. 2009. № 1. С. 105.

количество трудов, в том числе комплексных исследований, посвященных тематике сотрудничества России и Китая в этой сфере, неуклонно возрастает и охватывает все большее число аспектов двустороннего социального и культурно-духовного взаимодействия.

В данной работе будут кратко рассмотрены основные направления исследований, проведенных российскими авторами в области российско-китайских гуманитарных контактов в нулевых и начале 10-х годов XXI в. и отражающих их ключевые темы.

Российско-китайские отношения имеют длительную историю. В XXI в. стратегическое партнерство двух стран неуклонно углубляется, что отражается в новых договоренностях на уровне глав КНР и РФ, глав правительств и других уровнях взаимодействия². Кроме того, достаточно высокой интенсивностью и разнообразием отличаются взаимодействия на неправительственном уровне, в рамках «культурной», или «общественной» («народной»), дипломатии³ — между субъектами и муниципальными образованиями двух государств, учебными заведениями, научными организациями, общественными объединениями (в том числе Обществами дружбы⁴), культурными центрами, клубами (например, русские клубы в Китае), землячествами (например, китайские землячества в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Владивостоке и т.д.), породненными городами и т.д. Россотрудничество так оценивает значимость народной дипломатии для международных отношений: «Народная дипломатия вмещает в себя всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран, дает уникальный инструментарий для расширения международных общественных связей государства»⁵.

Большое значение для двусторонних отношений в гуманитарной сфере имело заключение Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 16 июля 2001 г. (срок действия договора — 20 лет с возможностью автоматической пролонгации на 5 лет). Документ заложил международно-правовой фундамент много-

² Среди комплексов значимых договоренностей 2014 г. можно выделить многочисленные соглашения, договоры и протоколы, подписанные в ходе официального визита Президента РФ В.В. Путина в КНР в мае 2014 г. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/1643>

³ Общественная дипломатия. Россотрудничество. — URL: <http://www.rs.gov.ru/node/307>

⁴ Международный союз общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (ПАМС). — URL: <http://old.rs.gov.ru/node/18955>

⁵ Общественная дипломатия. Россотрудничество. — URL: <http://www.rs.gov.ru/node/307>

векторного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в новом столетии. В рамках нового этапа отношений стороны поставили перед собой в качестве одной из задач расширение социальной базы данных отношений, установление конструктивного диалога культур и цивилизаций, развитие контактов не только на межгосударственном, но и на межрегиональном уровнях, динамичных связей между организациями и предприятиями, преодоление идеологических и иных разногласий, возрождение дружбы двух наций.

Кроме данного договора, правовую базу развития гуманитарных контактов составляют межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 г., целый ряд специальных соглашений, планы культурного сотрудничества, рабочие планы по взаимодействию между отдельными ведомствами двух государств.

Ключевую роль в координации российско-китайского межгосударственного взаимодействия и стратегического сотрудничества в различных областях играет механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая. Органом, непосредственно задействованным в координации развития и стимулирования двусторонних гуманитарных отношений, является Межправительственная российско-китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, созданная в соответствии с договоренностью руководителей РФ и КНР на встрече в Пекине 18 июля 2000 г. об активизации взаимодействия в социально-гуманитарной сфере и решением, принятым на пятой регулярной встрече глав правительств России и Китая в г. Пекине 3–4 ноября 2000 г.⁶. Очередное заседание комиссии прошло 14–15 сентября 2014 г. в Ульяновске⁷. В состав комиссии входят подкомиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, группа по сотрудничеству в области архивов⁸, оргкомитет по проведению молодежных обменов между РФ и КНР и другие подразделения.

⁶ О Российской части Российско-китайской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. — URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-dksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/432569f10031dce6432569ae0050b908?OpenDocument>.

⁷ Межправительственная российско-китайская комиссия проведет заседание в Ульяновске. — URL: <http://ulpressa.ru/2014/07/24/mezhpravitelstvennaya-rossiysko-kitayskaya-komissiya-provedet-zasedanie-v-ulyanovske/>

⁸ Состоялось XI заседание Российско-Китайской рабочей группы по сотрудничеству в области архивов Межправительственной Российско-Китайской комиссии по

Среди институтов культурной дипломатии особую роль играет Российско-Китайский комитет дружбы, мира и развития, учрежденный главами Российской Федерации и КНР в 1997 г. Членами комитета являются представители органов государственной власти, общественно-политических и деловых кругов, дипломаты, деятели культуры и науки, работники средств массовой информации, что отвечает задачам расширения социальной базы двусторонних отношений. В рамках комитета работает ряд подкомиссий, ответственных за конкретные направления двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере, — наука и инновации, религиозные, гендерные вопросы, региональное сотрудничество, здоровый образ жизни, работа с людьми с ограниченными возможностями и другие направления.

12 ноября 2014 г. в Пекине состоялась первая встреча сопредседателей комитета — Бориса Титова и Дай Бинго. Сопредседатель с китайской стороны подчеркнул значимость комитета как инструмента развития гуманитарных связей и отметил, что «Китай готов вместе с российской стороной, согласно достигнутому единству мнений лидеров двух стран, приложить активные усилия для выполнения задач комитета, эффективно продвигать дружественные контакты и практическое сотрудничество между народами двух стран, непрерывно укреплять социальную основу и осознание важности двустороннего сотрудничества»⁹. По мнению Б. Титова, данная международная структура «станет главным звеном для содействия гуманитарному общению», а российская сторона готова и далее содействовать дружественной коммуникации и культурным обменам. Следующее, 10-е совещание комитета должно состояться в 2015 г. в Москве. В 2015 г. Россия и Китай провели ряд совместных мероприятий, посвященных 70-летию победы во Второй мировой войне и Антияпонской войне.

По мнению современных экспертов в области изучения международных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, внешнеполитическая доктрина Российской Федерации, опубликованная в 2008 г., дает весьма общую трактовку современному мировому развитию и международным взаимодействиям в АТР по принципу «мир и сотрудничество лучше конфронтации». Среди факторов, которые в краткой и среднесрочной перспективе будут влиять на восприятие Россией

гуманитарному сотрудничеству. — URL: http://archives.ru/international/commissions/china_2014.shtml

⁹ Первая рабочая встреча сопредседателей Китайско-Российского комитета дружбы, мира и развития // Международное радио Китая. 12.11.2014. — URL: <http://russian.cri.cn/841/2014/11/12/1s529926.htm>

угроз и возможностей, исходящих из АТР, авторы называют общую философию внешней политики России. В рамках основных положений этой философии наряду с представлениями о «жесткой безопасности» рассматривается и содержание «мягкой безопасности» России в Тихоокеанской Азии. При этом в новой доктрине Россия позиционирует себя как один из трех компонентов «европейской цивилизации»¹⁰. В то же время в последние годы достаточно влиятельной становится концепция евразийства, акцентирующая равнозначность для российской внешней политики как европейского, так и азиатского направления.

В трудах российских специалистов отражена мысль о необходимости активизировать многовекторное сотрудничество с Китайской Народной Республикой. Интеграция экономики России в экономику Северо-Восточной Азии должна сопровождаться активным развитием социальных, культурных контактов, персональных связей приграничного населения с целью смягчения потенциальных трений между представителями непохожих друг на друга культур и цивилизаций. При этом отмечается, что не только малочисленность населения и неразвитость социально-экономической инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока, потребность в трудовых ресурсах и инвестициях должны являться стимулами для развития экономических и прочих контактов с КНР¹¹.

Примечательно, что, на фоне роста напряженности в отношениях с государствами Североатлантического региона и возникших трудностей России во взаимопонимании со странами НАТО вследствие украинского кризиса, значительные изменения претерпел характер восприятия населением России образа Китая. В массовом сознании образ этой страны все более приобретает положительные оттенки. В соответствии с данными опроса населения в 2014 г., КНР представляется россиянам важнейшим стратегическим и экономическим партнером, союзником, дружественным государством¹². Эксперты отмечают, что наблюдавшаяся в восприятии, в частности, некоторых региональных элит угроза «утраты контроля над российской дальневосточной территорией» вследствие демографической экспансии Китая, экспансии китайского капитала и пр. снизилась уже в самом начале 2000-х го-

¹⁰ Треугольник Россия — Китай — США в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М., 2009. С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2708. Россия-Китай: от вражды и конкуренции — к дружбе и сотрудничеству. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115042>.

дов. Однако предупреждают, что ухудшение социально-экономического положения в стране, в особенности в сибирских и дальневосточных регионах, может повлиять на возобновление восприятия российско-китайского взаимодействия в этом ключе.

В то же время существует мнение, что между Россией и Китаем нет подлинного этнокультурного обмена¹³. А.Е. Лукьянов отмечает, что потребность налаживания этого обмена объективно ощущается по мере углубления хозяйственных и технических контактов двух стран. Экономические условия диктуют необходимость хозяйственного взаимодействия двух стран, но на культурном, бытовом и духовном уровнях сохраняется отчужденность народов и восприятие друг друга как принципиально «чужих», «других». Поэтому еще с начала 1990-х годов очевидной является потребность в активных действиях традиционной, а также культурной дипломатии, в изучении Россией духовных основ китайской цивилизации и китайской культуры в целом. Если это понимание на глубинных уровнях не будет найдено, есть потенциальный риск деградации позитивной динамики двусторонних отношений в случае изменения конъюнктуры российско-китайского экономического обмена.

На протяжении первого и начала второго десятилетия XXI в. объемы финансирования институтов и организаций КНР, ответственных за реализацию задач «культурной дипломатии», постоянно увеличиваются. В реализации программ работы с соотечественниками за рубежом участвуют такие ключевые ведомства, как Министерство иностранных дел РФ, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Министерство образования и науки (в том числе Федеральное агентство по делам молодежи), Министерство культуры (в том числе Федеральное агентство по туризму), Министерство спорта, Министерство коммуникаций и связи, Роспечать и другие министерства и службы.

Проблемам взаимодействия России и Китая в исторической ретроспективе и на современном этапе, в том числе изучению концептуальных основ гуманитарных отношений двух стран и культур, посвящено значительное количество работ отечественных востоковедов и специалистов в области практики международных отношений.

¹³ Лукьянов А.Е. Этнокультурное взаимодействие России и Китая // Народы Евразии: проблемы межцивилизационных контактов / Отв. ред. В.С. Мясников. М., 2005. С. 74.

Большой вклад в исследование философских, духовно-цивилизационных основ многовекового диалога России и Китая внес академик М.Л. Титаренко. Одной из магистральных линий в его труде «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы» является поиск путей преодоления евроцентричности в мировоззрении и внешнеполитическом мышлении россиян и акцент на необходимости развития евразийской идентичности¹⁴. Академик М.Л. Титаренко положительно оценивает впечатляющие успехи китайского народа на пути модернизации, экономического и социального развития, подчеркивая упорный труд, который приложили китайские коллеги в ходе обучения у СССР и других стран практикам индустриализации, партийного строительства, социальной организации¹⁵.

В трудах М.Л. Титаренко подробно анализируются динамика двусторонних взаимодействий, в том числе отдельных событий — встреч, визитов, форумов, а также содержание подписанных международных документов, явившихся знаковыми для укрепления стратегического партнерства России и Китая. Так, например, исследователем была всесторонне изучена значимость визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Китай 21–23 марта 2006 г., в ходе которого было заключено большое количество двусторонних соглашений, направленных на развитие партнерства в широком спектре областей, и было положено начало реализации инициативы «перекрестных» годов национальных культур¹⁶.

Концептуальные основы гуманитарных контактов России и Китая в новом тысячелетии также анализировались в труде Ю.М. Галеновича «История взаимоотношений России и Китая». Автор, рассматривая контакты в сферах науки, образования, искусства, информации как отдельные аспекты двусторонних отношений, дает развернутые комментарии ключевых событий в истории отношений двух стран, важнейших двусторонних документов, им сопутствующих, а также работ китайских ученых, посвященных данным темам¹⁷. Таким обра-

¹⁴ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 301–302.

¹⁶ Титаренко М.Л. Важный этап российско-китайских отношений (К итогам визита президента РФ В.В. Путина в Китай) // Китайская Народная Республика в 2006 г. (Политика, экономика, культура). Ежегодник ИДВ РАН. М., 2007.

¹⁷ Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4-х кн.: Кн. IV. Две нации — три партнера (1991 — начало XXI в.). М., 2011. С. 329–332.

зом, это позволяет проследить эволюцию гуманитарной составляющей российско-китайских отношений, ее значение в процессе становления стратегического партнерства двух держав. При этом Ю.М. Галенович, анализируя рассуждения китайских ученых о цивилизационных основах российско-китайского диалога, отмечает, что последний не должен базироваться на его противопоставлении «цивилизации и традициям Запада». Более того, автор не соглашается с позицией китайских ученых о том, что в отношениях России и Китая наблюдается нечто новое в цивилизационном плане, так как на протяжении всей истории контактов шло постепенное знакомство цивилизаций и углубление духовного общения. При этом ни для одной из этих цивилизаций не существует какой-либо угрозы со стороны контрагента в процессе интенсификации их контактов¹⁸. Возможность укрепления взаимодействия Китая и России во всех областях, нередко характеризуемого фразой «наверху жарко, а внизу холодно», во многом зависит не только от взаимодополняемости экономик, но и от уровня доверия между руководителями обеих стран и взаимного доверия двух народов.

Исторические и цивилизационные основы российско-китайского гуманитарного взаимодействия рассматриваются также в известной монографии А.Д. Воскресенского «Россия и Китай: историческая динамика политических взаимовлияний»¹⁹, коллективном труде под редакцией А.В. Лукина «Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений»²⁰, монографии «Россия и Китай: парадигмы межкультурного взаимодействия» под редакцией В.П. Рожкова²¹.

Оценку стратегической значимости культурного сотрудничества для отношений России и Китая дает С. Ливишин. Исследователь подчеркивает важную роль, которую могут сыграть в развитии культурного диалога правительственные и неправительственные организации. Посредством активизации их всестороннего взаимодействия данное

¹⁸ Там же. С. 396–399.

¹⁹ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004.

²⁰ Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.

²¹ Россия и Китай: парадигмы межкультурного взаимодействия / Под ред. В.П. Рожкова. Саратов, 2013.

партнерство, по мнению автора, должно выйти на новую ступень, характеризующуюся интенсификацией контактов на межличностном уровне, а также созданием положительного образа государств и культуры у каждого участника взаимодействия²².

В последние годы культурное направление сотрудничества России и Китая получило отражение и в специальных диссертационных исследованиях. Примером может являться работа А.Р. Аликберовой, в которой проводится комплексный анализ этапов, направлений и основных итогов развития культурных и образовательных связей России и Китая в конце XX — начале XXI в. Автор подчеркивает значимость фактора проработанности межправительственной нормативно-правовой базы для развития двусторонних культурных отношений, повышения уровня сотрудничества и интереса к взаимодействию в этой сфере. В то же время отмечаются уменьшение масштабов данных отношений и сужение их социальной базы по сравнению с периодом конца 40 — 50-х годов XX в., отсутствие у России четкой стратегии укрепления своего культурного влияния и развитых институтов формирования положительного образа России в Китае, ясно сформулированных интересов в культурных проектах²³.

Изучение приоритетных направлений гуманитарного и культурного сотрудничества России и Китая на современном этапе также входит в задачи диссертационной работы Г.Н. Сытенко, которая включает в исследование проблему недостаточности правовой базы, регулирующей культурные связи России и Китая, при всем многообразии последних на рубеже XX–XXI вв.²⁴. Условия, динамику важнейших событий и некоторые аспекты отношений России и Китая в сфере культуры в последнем десятилетии XX в. — середине первого десятилетия XXI в. в своей диссертации изучил И.Н. Ганьшин²⁵. Ключевые итоги российско-китайского культурного сотрудничества в нача-

²² Лившин С. 2006 — Год России в Китае. Новое качество партнерства // ПДВ. 2006. № 1. С. 11–21.

²³ Аликберова А.Р. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования: 1990–2000-е гг.: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Казань, 2014. С. 24.

²⁴ Сытенко Г.Н. Формирование и реализация приоритетных направлений российско-китайского сотрудничества в 1991–2011 годы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 24.

²⁵ Ганьшин И.Н. Формирование и реализация приоритетных межгосударственных отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1991–2005 годы: опыт и перспективы: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2009.

ле 2000-х годов также анализируют в своих работах Н. Новикова, Д.Е. Никитин (Августин)²⁶.

Проблемам архитектоники социально-культурного пространства Китая в условиях его межкультурного взаимодействия с Россией посвящены работы Т.Н. Кучинской. Автор указывает на то, что на новом историческом этапе основы мирного сосуществования России и Китая дополнились новыми, в том числе принципами взаимного уважения к выбору партнеров и союзников, взаимного благоприятствования развитию друг друга и взаимодополняемости. Совместные проекты в гуманитарной, культурной, экологической отраслях необходимы для дальнейшего развития отношений, как и совершенствование нормативной базы контактов и системы взаимной информированности стран²⁷.

Вопросы культурной совместимости России и Китая рассматриваются в работе Л.А. Горобец. Отмечается совпадение некоторых культурных черт, укрепляющих фундамент взаимодействия обеих цивилизаций²⁸.

В работах О.А. Нестеровой исследуются стратегии и тактики российско-китайской межкультурной коммуникации, особенности практик международного общения и межкультурного дискурса²⁹. В совместной работе О.А. Нестеровой и И.Л. Шершнева российско-китайский диалог изучается в контексте развития института общественной дипломатии в современном мире. Анализируя ценностные основы взаимодействия российской и китайской культур, авторы рассматривают пути реализации стратегий (коммуникативных, дискурсивных)

²⁶ Новикова Н. Итоги и проблемы китайско-российского стратегического партнерства, внешнеполитического, экономического и культурного сотрудничества // Изменения в мировой экономике и политике после глобального финансового кризиса 2007–2008 годов и их влияние на Китай и Россию. М., 2011. С. 48–61; Августин (Никитин Д.Е.). Китайский дракон и русский медведь. СПб., 2011.

²⁷ Кучинская Т.Н. Социально-культурное пространство трансграничья как ресурс соразвития России и Китая (региональные практики Забайкальского края и Северо-Восточного региона КНР). М., 2012; она же. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дис. ...докт. филос. наук. Чита, 2013.

²⁸ Горобец Л.А. Взаимодействие культур России и Китая: проблема культурной совместимости // Вестник Челябинского гос. университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 12–17. — URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/272/002.pdf>.

²⁹ Нестерова О.А. Россия и Китай: Теория и практика межкультурной коммуникации / Отв. ред. Ю.А. Сухарев. М., 2008; она же. Особенности современного российско-китайского межкультурного дискурса. М., 2008.

дипломатии «второй дорожки» в отношениях двух стран и культур³⁰. Вопросам специфики межкультурной коммуникации россиян и китайцев и ее лингвистической составляющей посвящены исследования А.А. Хаматовой³¹.

Исследованию международно-правовой базы культурных связей России и Китая уделил внимание И.А. Рогачев. Анализируя степень активности в реализации положений Договора 2001 г., он дает оценку достижениям работы двух сторон в этой области в сравнении с прошлыми эпохами, формулирует новые направления и элементы стратегического видения стран, потенциальные результаты и перспективы этих взаимодействий на региональном и международном уровнях, а также их значение для региональной и глобальной безопасности³². Вопросы правового обеспечения российско-китайских отношений в сфере культуры также рассматриваются в публикациях Е.В. Соловьевой³³.

Неоценимую роль в развитии российско-китайских гуманитарных контактов играет Общество российско-китайской дружбы (ОРКД)³⁴. 29 октября 2014 г. ОРКД отметило свое 57-летие. По словам председателя Общества, директора Института Дальнего Востока РАН, академика М.Л. Титаренко, главной задачей организации является «ознакомление российской общественности с жизнью Китая, его историей и культурой, достижениями в социально-экономическом развитии, участие в развитии сотрудничества с Китаем, расширение общественной базы российско-китайских отношений»³⁵.

Деятельность Общества российско-китайской дружбы и Общества китайско-российской дружбы — первого в Китае общества дружбы с зарубежными странами, их вклад в развитие дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем рассматриваются и в многочисленных

³⁰ *Нестерова О.А., Шеринев И.Л.* Общественная дипломатия и межкультурные коммуникативные стратегии (на примере российско-китайского взаимодействия). М., 2012.

³¹ *Хаматова А.А.* Российско-китайское взаимодействие: проблемы межкультурной коммуникации // *Материалы Межд. науч.-практ. конф. «Русская цивилизация в северной Пасифике»*. Владивосток, 2009. С. 34–42.

³² *Рогачев И.* Российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве: Итоги первого года // *ПДВ*. 2002. № 4. С. 21–29.

³³ *Соловьева Е.В.* Культурное взаимодействие России и Китая на современном этапе развития: обзор политико-правовых документов // *Ойкумена*. 2009. № 4. С. 129–133.

³⁴ Официальный сайт Общества российско-китайской дружбы. — URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/>

³⁵ Приветственное слово Председателя Общества российско-китайской дружбы, директора ИДВ РАН, академика М.Л. Титаренко. — URL: <http://www.ifes-ras.ru/old/orkd/>

трудах академика М.Л. Титаренко. В частности, в докладах, собранных в книге «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире...»³⁶. Результаты работы, особенности функционирования ОРКД и значимость данной общественной организации для развития партнерских отношений России и Китая как на современном этапе, так и в исторической ретроспективе освещены в ярком труде первого заместителя председателя Общества, старшего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН Г.В. Куликовой³⁷, а также в других ее публикациях³⁸. Г.В. Куликова тоже подчеркивает значимость инициативы проведения «перекрестных» годов для укрепления доверия и взаимного уважения России и Китая.

Важными для ознакомления с деятельностью Общества российско-китайской дружбы являются работы старшего научного сотрудника ИДВ РАН А.Л. Верченко, в которых освещены многие мероприятия, проводимые общественной организацией, в том числе в рамках «перекрестных годов», и оценена их значимость для развития отношений России с ее китайскими друзьями³⁹. В публикациях К.В. Внукова, заместителя председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, анализируются не только события международного взаимодействия, в том числе визиты руководителей государств и ведомств, но и основные позиции сторон по различным вопросам двусторонних связей, а также разнообразные формы и содержание сотрудничества. Подчеркивается важность укрепления социальной базы российско-китайских отношений и координации стратегий развития сопредельных регионов Китая и России для развития не только экономических, но и социально-культурных связей⁴⁰.

³⁶ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. С. 301–302.

³⁷ *Куликова Г.В.* Россия — Китай: Народная дипломатия. М., 2012.

³⁸ *Куликова Г.В.* Друзья — это вечное достояние // Китайская Народная Республика в 2006 г. (Политика, экономика, культура). Ежегодник ИДВ РАН. М., 2007; *она же.* ОРКД: укрепление доверия, взаимопонимания и сотрудничества // Там же; *она же.* Российско-китайские отношения и народная дипломатия (на примере деятельности обществ дружбы) // 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы). Тез. докл. XVIII Межд. науч. конф., 21–23 октября 2009 г.: в 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 15–19.

³⁹ *Верченко А.Л.* Мероприятия Года Китая в России // Китайская Народная Республика в 2007 г. (Политика, экономика, культура). ИДВ РАН. М., 2008.

⁴⁰ *Внуков К.* Год России в Китае и Год Китая в России — две половинки единого целого // ПДВ. 2007. № 1. С. 33–37; Семинар академика С.Л. Тихвинского. 19.06.2009 г. — URL: http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=57&cntnt01category_id=2&cntnt01returnid=65

Проведение «национальных годов» России и Китая, по мнению специалистов, стало важным шагом в укреплении двустороннего взаимодействия и ознакомлении населения двух стран с культурой, наукой, спортом, здравоохранением и повседневной жизнью своих соседей. Несмотря на то что сотрудничество в гуманитарно-социальной сфере служит одним из приоритетных направлений в двусторонних отношениях, по оценкам экспертов, оно до сих пор не приобрело должного масштаба. В 2000–2010-е годы Российско-Китайский комитет дружбы, мира и развития, центральные и местные государственные органы двух стран, общественные организации осуществляли большую работу по повышению осведомленности граждан России и Китая в области культуры и истории страны-соседа, созданию положительного имиджа собственной страны в глазах партнера.

С этой целью руководители Российской Федерации и Китайской Народной Республики договорились о проведении в 2006 г. «Года России в Китае» и «Года Китая в России» в 2007 г. Среди проектов сотрудничества — ежегодные фестивали культуры, создание совместных вузов, активизация совместной работы санитарно-эпидемиологических служб, популяризация китайской медицины, плановые туристические и спортивные обмены, сотрудничество СМИ, обмены делегациями творческой интеллигенции и др.

За 2006–2007 гг. сторонами было проведено более 500 мероприятий в различных областях взаимодействия. Мероприятия гуманитарного характера дополнили совместные инициативы в политико-стратегической, экономической, военной сферах. Принимая во внимание удачный опыт годов культуры, лидеры государств приняли решение продолжить проведение серии мероприятий на регулярной основе как имеющих не только гуманитарную и просветительную, но и стратегическую важность.

В 2009–2010 гг. прошли «перекрестные» «языковые годы» (2009 г. — Год русского языка в Китае, 2010 г. — Год китайского языка в России). К 2010 г. было приурочено открытие Китайского культурного центра в Москве и Российского культурного центра в Пекине (сентябрь 2010 г.), имеющих широкий диапазон деятельности и привлекающих к сотрудничеству общественные организации и образовательные учреждения. Так, при Российском культурном центре работают музыкальная школа и школа изобразительного искусства, библиотека, клуб любителей фотографии, кружки и секции. По оценкам официальных лиц и экспертов, «языковые годы» стали важным шагом

к решению проблемы нехватки переводчиков китайского и русского языков⁴¹.

В 2012 и 2013 гг. Россия и Китай реализовали проект «перекрестных» годов туризма. Ярким примером оригинальности многочисленных мероприятий, проведенных в рамках Года китайского туризма в России, явилось приглашение китайских журналистов побывать в 22 регионах России, познакомиться с их природой, туристическими ресурсами и жизнью людей (проект «Здравствуй, Россия»)⁴². Во многом благодаря этому проекту, по данным Ростуризма, поток китайских туристов в Россию в течение года вырос на 50% (3 млн. чел.), и к 2015 г. его рассчитывалось довести до 5 млн. чел.⁴³. В 2013 г. в России была проведена широкая медиакампания «Здравствуй, Китай», в рамках которой с культурным и природным достоянием, а также возможностями туризма страны-соседа знакомились уже россияне⁴⁴.

Большое количество мероприятий, направленных на укрепление контактов и углубление взаимопонимания между двумя народами, было намечено на 2014 и 2015 гг., которые решено объявить Годами дружеских молодежных обменов России и Китая. Данные обмены предполагают целый ряд направлений — от сферы культуры до научного сотрудничества. Организаторы мероприятий рассчитывают, что более глубокая осведомленность молодежи двух стран о жизни и интересах друг друга окажет положительное влияние на отношения России и Китая в самых разных аспектах.

Разнообразие форм мероприятий в рамках проводимых годов культуры весьма велико (научно-практические конференции, кинофестивали, концерты, фестивали (студенческие, школьные, иные), выставки (образовательные, книжные, изобразительного искусства и т.д.), летние лагеря, встречи молодых ученых и предпринимателей, обмены в сфере СМИ, спорта, образования, совместные мероприятия в области туризма, архивного дела, форумы руководителей учебных заведений), что способствует расширению социальной основы российско-

⁴¹ Горобец Л.А. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в Дальневосточном регионе // Дискуссия. Январь 2014. № 1 (42). — URL: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=999>

⁴² В Китае стартовал туристический медиапроект «Здравствуй, Россия» // Жэньминь жибао он-лайн. 17.08.2012. — URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7913613.html>

⁴³ Гуштин Э. В России стартовал масштабный медиапроект «Здравствуй, Китай» // Российская газета. Столичный выпуск. № 6105 (129). 18.06.2013. — URL: <http://www.rg.ru/2013/06/17/kitai-site-anons.html>

⁴⁴ В России стартовал туристический медиапроект «Здравствуй, Китай». — URL: <http://russian.cri.cn/1661/2013/07/03/1s474317.htm>

китайского партнерства и во многом объясняет рост популярности китайского языка и культуры в современной России.

События в рамках «перекрестных» годов и их значение для развития двусторонних гуманитарных отношений были довольно широко освещены в работах отечественных исследователей, в частности, в публикациях К.Н. Внукова⁴⁵, А.Л. Верченко⁴⁶, С.В. Ливишина⁴⁷ и других авторов⁴⁸. По случаю Года китайского языка в России в 2010 г. Институтом Конфуция при Калмыцком государственном университете была опубликована коллективная монография «Россия и Китай: взаимодействие культур», в которой рассмотрены вопросы культуры Китая, ее взаимодействия с российской культурой, методики преподавания китайского языка как иностранного и русского языка китайским студентам⁴⁹.

В первом десятилетии 2000 — начале 2010-х годов в российской науке все более широко разрабатывается тематика взаимного восприятия России и Китая, в том числе выявляется специфика формирования образов данных стран в общественном сознании стран-партнеров. Весьма глубокую историографическую проработку данной темы осуществила О.А. Нестерова в диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук «Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия»⁵⁰. Отдельные аспекты темы раскрываются в публикациях В.В. Калиты⁵¹, В.Я. Романюка⁵².

Особого внимания заслуживает крупная работа А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI ве-

⁴⁵ Внуков К. Год России в Китае и Год Китая в России — две половинки единого целого. С. 33–37.

⁴⁶ Верченко А.Л. Мероприятия года Китая в России.

⁴⁷ Ливишин С. 2006 — Год России в Китае. Новое качество партнерства. С. 11–21.

⁴⁸ Россия–Китай: перекрестный год туризма // Материалы Межд. науч.-практ. конф. / Редкол.: И.Ю. Лапина и др. СПб., 2012.

⁴⁹ Россия и Китай: взаимодействие культур / Г.М. Борликов и др. Элиста, 2010.

⁵⁰ Нестерова О.А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия: дисс. ...д-ра филос. наук. М., 2010.

⁵¹ Калита В.В. Этнические стереотипы жителей Дальневосточного приграничья (на примере россиян и китайцев). Владивосток, 2007; *он же*. Кросскультурное исследование динамики этнических стереотипов русских и китайцев. Владивосток, 2012.

⁵² Романюк В.Я. Мифы и реалии «китайского чуда». Как вести бизнес с китайцами. М., 2002.

ках», в которой основательно обобщен опыт взаимодействия России и Китая на протяжении четырех столетий и подробно изучен характер эволюции образа Поднебесной в общественном сознании российского населения⁵³.

Восприятие российским народом китайского и китайским народом российского в последние годы выделилось в направление, активно изучаемое в современной российской историографии. Весьма популярным аспектом является анализ культурных стереотипов и мифов. Одним из наиболее распространенных мифов исследователи называют «китайскую угрозу» российским Дальнему Востоку и Сибири, связанную с избыточной численностью населения и ресурсной недостаточностью в КНР. На изучение особенностей взаимного восприятия русских и китайцев на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая нацелено исследование Д.А. Владимировой⁵⁴.

Сюжеты восприятия Китая на российском Дальнем Востоке и азиатской части России в Китае рассматриваются и владивостокским ученым В.Л. Лариным. Автор отмечает, что одной из острейших проблем развития российско-китайских отношений, несмотря на нарастающие объемы двусторонней торговли и совершенствование инфраструктуры контактов, по-прежнему являются недостаток взаимного доверия и понимания на всех уровнях — «от премьер-министров до „челноков“ и студентов», осознание абсолютной инаковости цивилизаций, языковые и психологические барьеры, многочисленные негативные стереотипы⁵⁵. Данные факторы препятствуют более эффективной коммуникации населения стран, нуждающихся друг в друге, и конструкция «свой-чужой», наряду с одновременным осознанием важности Китая для экономического развития региона, остается преобладающей у большинства дальневосточников.

Большой интерес как для специалистов, так и для широкого читателя представляет сборник очерков известных российских ученых,

⁵³ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

⁵⁴ *Владимирова Д.А.* Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая (вторая половина XIX — начало XXI в.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.

⁵⁵ *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избранные статьи и доклады. Владивосток, 2011. С. 111–112.

общественных деятелей, дипломатов, представителей литературной среды «Китай глазами российских друзей»⁵⁶. На страницах сборника нашли отражение статьи, очерки и воспоминания выдающихся специалистов-китаеведов (С.Л. Тихвинского, И.А. Рогачева, В.В. Овчинникова, Б.Л. Рифтина, Д.Н. Воскресенского и др.) о своих визитах в Китай, опыте учебы и работы в этой стране в разные годы XX–XXI вв., о восприятии в России образа Китая в разные исторические эпохи, об отдельных сюжетах взаимодействия двух стран — и в период братской дружбы в 1950-е годы, охлаждения в 1960–1980-е годы и нового расцвета в 1990–2000-х годах. Каждый из очерков раскрывает новые страницы и грани восприятия представителями России Китая в его динамичном развитии и отражает глубокое понимание авторами китайской культуры, духовных основ российско-китайского взаимодействия, значимости его развития на благо обеих стран.

Особенностям формирования образа Китая в России на современном этапе, а также его отражения в отечественной и зарубежной историографии посвящен коллективный труд сотрудников Института Дальнего Востока РАН «Образ Китая в современной России: некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых»⁵⁷. Книга написана в содружестве с учеными университета Цинхуа, под редакцией Н.Л. Мамаевой. Проблемы восприятия друг друга россиянами и китайцами рассмотрены в докладах участников международной конференции «Россия и Китай: Взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее)»⁵⁸.

Одно из центральных мест в историографии гуманитарных контактов России и Китая на современном этапе занимают работы, посвященные двусторонним связям в области образования. При этом в последние годы внимание отечественных исследователей привлекают вопросы сотрудничества не только между высшими, но и между общеобразовательными учебными заведениями.

Межрегиональное сотрудничество вузов получило постепенное развитие с 1980-х годов. По мнению экспертов, значительную роль в раз-

⁵⁶ Китай глазами российских друзей / О-во российско-китайской дружбы. М., 2012.

⁵⁷ Образ Китая в современной России: некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / Сост. А.Л. Верченко, Н.Л. Мамаева. М., 2007.

⁵⁸ Россия и Китай: Взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее) // Материалы Межд. науч. конф. ИДВ РАН. М., 2006.

витии данных связей сыграли конференции, встречи и совещания руководителей вузов и научно-исследовательских институтов в 1990-х годах⁵⁹. Специалисты отмечают возрастающую роль Владивостока как одного из центров языковой и китаеведческой подготовки в России, а также других городов Дальнего Востока — Уссурийска, Благовещенска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре — в формировании пространства культурных взаимодействий России и Китая и обеспечении квалифицированными кадрами для сопровождения двусторонних контактов.

На изучение динамики, форм и особенностей развития образовательного сотрудничества России и Китая в начале XXI столетия, его значения для развития двусторонних культурных контактов и обогащения обеих культур направлены исследования А.Р. Касимовой⁶⁰, М.С. Емешкиной⁶¹, В.А. Ручина⁶², И.Ю. Шевченко⁶³ и других авторов⁶⁴.

Расширяется круг публикаций, в которых рассматриваются проблемы и перспективы академической мобильности студентов и аспирантов. В частности, исследованию динамики российско-китайского обмена в области высшего образования, характера контингента студентов в вузах КНР в 1978–2009 гг. посвящена работа А.Л. Арефьева⁶⁵.

В статье Л.А. Горобец отмечается, что в России, в особенности на Дальнем Востоке и в Сибири, в первом десятилетии 2000-х — начале

⁵⁹ *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М., 2005. С. 195.

⁶⁰ *Касимова А.Р.* Анализ российско-китайских отношений в области образования с 90-х гг. XX века (на примере регионов) // Модернизация: государство, общество, экономика и культура. Казань, 2010. Вып. 6. С. 41–50.

⁶¹ *Емешкина М.С.* Сотрудничество России и Китая в области образования с 1991 г. по настоящее время // Всерос. науч.-практ. конф. «Обеспечение защиты интересов Российской Федерации в пограничной сфере в аспекте реализации государственной стратегии развития Дальнего Востока». Хабаровск, 2013. С. 493–499.

⁶² *Ручин В.А.* Культурная составляющая образовательных контактов России и Китая // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Благовещенск, 2013. С. 127–130.

⁶³ *Шевченко И.Ю.* Современные тенденции в системе образования Китая и России как перспектива межгосударственного сотрудничества // Там же. С. 158–163.

⁶⁴ Сотрудничество высших учебных заведений Китая и России в начале XXI века: итоги и перспективы // Материалы Рос.-Китайск. науч.-практ. конф. СПб., 2005.

⁶⁵ *Арефьев А.Л.* Российские студенты в китайских вузах // Демоскоп Weekly. № 441–442. 1–14 ноября 2010. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit03.php>

2010-х годов была создана достаточно развитая педагогическая и методическая база изучения китайского языка и культуры. Китайский язык преподается не только в государственных, но и в частных образовательных центрах, число которых возрастает. Расширяется деятельность культурных клубов, в рамках которых дети и взрослые знакомятся с китайской цивилизацией, повседневной жизнью китайцев, достижениями культуры, что кроме выполнения просветительской функции служит делу воспитания культурной толерантности у подрастающего поколения⁶⁶.

Неуклонно увеличивается количество работ и научных мероприятий по методике преподавания китайского языка в России и русского языка как иностранного — для китайских учащихся в России и в Китае. Анализируются этнокультурные и этнопсихологические, технические трудности, с которыми сталкиваются преподаватели иностранных языков и обучающиеся. Рассматриваются формы, методы, проблемы в отборе содержания обучения китайскому языку, культуре Китая, страноведению на разных ступенях образования, вопросы аспектного преподавания, подбора учебных пособий и другие сюжеты⁶⁷.

Отдельная группа работ посвящена деятельности Институтов Конфуция в России — анализу ее форм и проблем, роли в распространении китайского языка и культуры Китая в России в целом и в регионах в частности. Авторы отмечают возрастающую активность Институтов по обучению китайскому языку и в области образовательных обменов между Россией и Китаем. Некоторые из этих работ включают размышления об образовательной и просветительской роли данных институтов в культурной дипломатии КНР. Среди форм деятельности институтов, количество которых в мире, в соответствии с планом «Ханьбань», к 2020 г. должно достичь 1000, специалисты

⁶⁶ Горобец Л.А. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в Дальневосточном регионе.

⁶⁷ Веклич Ж.В., Макарина Г.А. Социокультурный аспект в преподавании китайского языка // Дальний Восток: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 163–165; Брут М.В. Использование «чайной культуры» в воспитании национальной толерантности у учащихся общеобразовательной школы во внеклассной работе // Амурский научный вестник. Комсомольск-на-Амуре, 2007. С. 63–67; Методика преподавания восточных языков: аспектизация, компьютеризация, новые учебные пособия: Сб. ст. участников I Междунар. конф. Москва, НИУ ВШЭ, 22–23 апреля 2013 г. СПб., 2013; Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 14–19 мая 2014 г.). Вып. 4 / Отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014.

упоминают курсы по китайскому языку и гимнастике тайцзицюань, творческие и лингвистические конкурсы, программы повышения квалификации преподавателей в КНР, услуги перевода (например, в ДФУ в 2008 г. открыт специализированный Центр переводов), издание журналов (например, журнал «Партнеры» в Благовещенском государственном педагогическом университете). Попытки анализа политико-идеологического аспекта развития сети Институтов Конфуция и использования «мягкой силы» КНР в России предпринимаются в работе А.А. Завьяловой⁶⁸.

В ряде публикаций последних лет проводится анализ сотрудничества Китая и России в сфере искусства. Исследуемый период характеризуется активизацией двусторонней деятельности по проведению международных фестивалей в самых разных областях искусства и культуры. Вопросы проведения, форм международных фестивалей на межгосударственном (под эгидой Министерства культуры РФ и др.) и межрегиональном уровнях (в Амурской области, в Приморье, Сибири, Харбине, Цицикаре, Пекине и т.д.), анализа их результатов рассматриваются, в частности, в упомянутых исследованиях Л.А. Горобец и работах В.А. Ведякина⁶⁹. Большинство работ по этой теме носит информационный обобщающий характер и не нацелено на выявление закономерностей двустороннего взаимодействия в данной сфере. Проблеме развития рынка искусства как одного из пространств межкультурных контактов России и Китая посвящена работа Н.А. Карлик⁷⁰.

В последние годы в российской историографии сложилось полноценное направление исследований регионального измерения российско-китайских отношений. Специалисты отмечают, что наиболее интенсивное развитие двусторонних гуманитарных связей осуществляется именно на межрегиональном уровне. С 1990-х годов в контакты с регионами Китая вступили Сибирь и Дальний Восток. Некоторые авторы подчеркивают «стихийность» и слабую скоординированность этих взаимодействий⁷¹. Активные контакты через протяженную гра-

⁶⁸ Завьялова А.А. Институты Конфуция: интеграция или экспансия? // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54–59.

⁶⁹ Ведякин В.А. Амур — река дружбы // Вестник культуры Дальнего Востока. Вып. 1. Хабаровск, 2001. С. 4–5.

⁷⁰ Карлик Н.А. Россия — Китай: особенности межкультурного диалога и рынок искусства // Художественный рынок как объект гуманитарного знания. СПб., 2004. С. 193–201.

⁷¹ Горобец Л.А. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в Дальневосточном регионе.

ницу включают как коммуникацию между частными лицами, являющуюся привычной для данного региона, так и организованный обмен в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры, туризма и других гуманитарных областях. В последние годы, по данным ряда авторов, контакты стали приобретать более четкие очертания, регулярность, улучшились их документально-правовое обеспечение и надзор со стороны государства. Осуществлявшиеся до начала 2000-х годов контакты на уровне местных органов власти, организаций и предприятий после заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. были интегрированы в систему регулярных российско-китайских отношений.

Примером «экспорта» культурных объектов России в Китай на региональном уровне стала реализация проекта «Тройка» в г. Суйфэньхэ. В рамках проекта были открыты Центр славянской культуры «Тройка» и деревня с одноименным названием. Данный «квартал» постепенно становится не только уголком культуры, приобщающей местное население к «русскому миру», но и бизнес-центром, где нередко проводятся российско-китайские переговоры и встречи⁷².

Среди трудов представителей региональных научных центров по вопросам российско-китайского гуманитарного взаимодействия наибольшей концептуальной значимостью обладают работы директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларина, который рассматривает данные вопросы в общем контексте отношений России со странами Восточной Азии на национальном и региональном уровнях⁷³. Автор уделяет особое внимание межцивилизационным аспектам российско-китайских отношений и подчеркивает важность развития приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке России и в Северо-Восточном Китае, традиционно являвшихся «контактными зонами» для двух

⁷² Русский язык в Китае востребован и популярен // Пресс-служба Законодательного собрания Приморья. 12.04.2009. — URL: http://www.newsvl.ru/vlad/2009/04/12/russian_way/

⁷³ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях; *он же*. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006; *он же*. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // ПДВ. 2008. № 2. С. 40–53; *он же*. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избр. ст. и докл.; *он же*. Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. Владивосток, 2010.

цивилизаций. Препятствиями для дальнейшего углубления взаимодействия В.Л. Ларин называет глубокие предрассудки и недоверие друг к другу участников данных контактов⁷⁴, которые необходимо преодолевать для выведения двусторонних отношений на новую высоту.

В работе «Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века...» автор рассуждает над сутью «евразийского» статуса России и предпринимает попытку очертить перспективы дальнейшей реализации политики в Восточной Азии. В.Л. Ларин считает, что для тихоокеанской части России велика вероятность не успеть на набирающий скорость «евразийский поезд» при той неопределенности в векторах и тактиках внешней политики, которые выбраны к началу XXI в.⁷⁵ Профессор В.Л. Ларин отмечает, что наряду с целым рядом сфер напряженности в АТР «европейская цивилизационно-культурная „самость“, имидж, унаследованный от советской внешней политики, ее неуверенные, а порой и неуклюжие шаги в сфере азиатской политики» будут и в долгосрочной перспективе определять пассивность России в международных процессах в АТР и минимальные возможности влиять на экономическое и политическое развитие Восточной Азии⁷⁶. В этой ситуации автор очерчивает перспективу «азиатизации» Азии и проблему возможного возникновения конфликта ценностей, исповедуемых США, с одной стороны, и Китаем — с другой, или возникновения новой культуры посредством синтеза американских и китайских ценностей, при которых Россия как цивилизация и культура окажется в невыгодном положении пассивного наблюдателя. При реализации сценария «культурной экспансии» Востока, активизации Китаем «мягкой силы» и навязывания модели так называемого «пекинского консенсуса» межцивилизационное и гуманитарное взаимодействие России и Китая, по мнению ученого, будет носить принципиально другой характер⁷⁷.

В.Л. Ларин поднимает вопрос угрозы общероссийской идентичности в дальневосточном регионе. Он отмечает, что с начала 2000-х годов российская идентичность на Дальнем Востоке испытывает все большее давление извне, и активное укрепление экономических и гуманитарных связей региона с приграничьем Китая, а также с Японией

⁷⁴ Ларин В.Л. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века. С. 47.

⁷⁵ Ларин В.Л. Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века. С. 22.

⁷⁶ Там же. С. 26.

⁷⁷ Там же. С. 33–34.

и Южной Кореей имеет результатом углубление восприятия культуры данных стран и эрозию российской идентичности⁷⁸. В условиях наличия существенных демографических, социальных и экономических проблем на российском Дальнем Востоке проникновение азиатской культуры в этот регион может иметь амбивалентный эффект. В.Л. Ларин подчеркивает, что за несколько столетий Россия так и не смогла интегрироваться в экономическое, политическое и культурное пространство Тихоокеанского региона, и одной из ключевых причин этого являются «отсутствие адекватного восприятия и понимания этого пространства, попытки расположиться в нем со своей системой координат и ценностей, сначала державных, а затем коммунистических»⁷⁹. Для прокладывания пути на Восток России, по мнению автора, предстоит масштабная работа по изучению региона, изменению в первую очередь философии освоения Сибири и Дальнего Востока, преобладающей среди элит, «европоцентричного» мировоззрения населения страны.

Особенности взаимодействия сибирского и дальневосточного регионов России с регионами Китая рассматриваются также в специальном разделе коллективного труда «Россия и Китай: четыре века взаимодействия», подготовленном исследователями В.Л. Лариным, В.Г. Дацышеном и Г.Н. Романовой⁸⁰.

Существенный вклад в изучение специфики социально-культурного взаимодействия России и Китая в региональных измерениях, культурного ландшафта приграничных регионов России и Китая, складывания некой новой модели данного межцивилизационного диалога внесли работы В.С. Морозовой⁸¹. По мнению автора, взаимовлияния, складывающиеся в приграничье, формируют особую культуру прилегающих к границе районов двух стран, в частности Забайкалья и Северо-Восточного Китая. При этом исследователь, отмечая интенсифи-

⁷⁸ Там же. С. 41.

⁷⁹ Там же. С. 45–46.

⁸⁰ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. С. 409–512.

⁸¹ Морозова В.С. РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края) // ПДВ. 2010. № 2. С. 135–140; она же. Формирование культурного ландшафта российско-китайского приграничья в условиях социокультурного взаимодействия // ИМ ИДВ РАН. Сер. Г. М., 2013. Вып. 19. С. 177–187; она же. Проекция региональной культуры в этнокультурном ландшафте российско-китайского приграничья // ОГК. Т. XLIII, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М., 2013. С. 308–317; она же. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. ...д-ра филос. наук. Чита, 2013.

кацию межкультурного взаимодействия России и Китая в приграничных зонах в последние десятилетия, также идентифицирует возможную угрозу сохранению культурной идентичности российских приграничных регионов и предлагает внедрение в культурную политику России модели «диалогичности региональных культур приграничья», которая должна стать значимым элементом российской стратегии по сохранению и развитию национальной культуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке⁸².

Исследователь Н.П. Рябченко подчеркивает значимость Дальневосточного региона в развитии междивизиационного диалога России и Китая и указывает на необходимость преобразования его как некоей зоны встречи нескольких культур, некоего «моста» в основу межкультурного взаимодействия со странами Восточной Азии. Ученый также уделяет внимание вопросам культурной безопасности России ввиду активизации взаимовлияния культур на Дальнем Востоке⁸³. Взгляд на приграничные зоны как культурное явление на примере российского Дальнего Востока предлагает А.А. Пылкова⁸⁴.

Обращая внимание на становящуюся все более явной проблему коммерциализации культуры в российско-китайских региональных отношениях, имеющую негативные последствия для углубления культурного обмена, О.Н. Рябченко исследует инициативу создания приграничного культурного коридора в Северо-Восточном Китае, в том числе политику КНР по изучению культуры соседних стран и проект «культурного пояса», предполагающего расширение взаимодействий с Россией в экономической и гуманитарной, в том числе в туристической, сферах, углубление духовного общения двух цивилизаций⁸⁵.

⁸² Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья. С. 37.

⁸³ Рябченко Н.П. Россия — Восточная Азия: проблемы культурных заимствований // Россия–Китай–Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. Материалы Межд. науч. конф. Владивосток, 2000. С. 110–116; *он же*. Дружественные связи России и Китая на Дальнем Востоке: история и современность // Ойкумена. 2009. № 3. С. 9–16; *он же*. Договор исторического значения: К 60-летию подписания советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 126–133; *он же*. Проблема культурной безопасности России // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 159–173.

⁸⁴ Пылкова А.А. Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): автореф. дисс. ...канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2004.

⁸⁵ Рябченко О.Н. Формирование приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 166–169.

Особенности гуманитарного взаимодействия Китая с отдельными регионами России, как сибирскими и дальневосточными, так и в других частях страны, в начале XXI столетия также освещены в работах А.П. Тарасова (с Забайкальем)⁸⁶, С.К. Сараевой (с Астраханским краем)⁸⁷ и других авторов⁸⁸.

Безусловно, в рамках одной статьи не представляется возможным охватить вниманием все многочисленные публикации, которые могут быть отнесены к данной широкой теме. Однако по результатам исследования указанных работ мы можем сделать следующие предварительные выводы.

Значительная часть российских исследователей считает наиболее предпочтительной концепцией российско-китайских отношений достижение стабильного равновесия не только в политическом и торгово-экономическом, но и гуманитарном взаимодействии. Необходимость достижения данного баланса проявляется на глобально-стратегическом, региональном и двустороннем уровнях отношений. Многовекторное стратегическое партнерство с КНР, основанное на взаимодополняемости ресурсов и достижений в отдельных сферах, в том числе в социально-культурной, должно напрямую способствовать решению данных задач.

Отечественные эксперты в целом отмечают, что в начале XXI в. складываются весьма благоприятные условия для развития российско-китайских социальных и культурных контактов. Прогнозируется увеличение объемов и количества форматов этих контактов. Повышается значимость развития систем региональных экономических и культурно-духовных взаимодействий. При этом многие исследователи согласны с тем, что с российской стороны к основным проблемам гуманитарного взаимодействия России и Китая, в осо-

⁸⁶ Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

⁸⁷ Сараева С.К. Межкультурное сотрудничество России и Китая в XX–XXI вв.: Астраханский край и КНР // Россия и Китай: взаимодействие культур. Пекин, 2010. С. 115–122.

⁸⁸ Филоненко В.В. Туристические связи Хабаровского края со странами Северо-Восточной Азии // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: материалы Второго международного симпозиума. В 2 т. Хабаровск, 2006. Т. 1. С. 151–154; Шаяхметова И.А. К вопросу о реализации сотрудничества России и Китая в образовательной сфере (на примере Башкирского государственного университета и Ляонинского нефтехимического университета) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2011. С. 175–177.

бенности на региональном уровне, можно отнести: отсутствие системы мониторинга и оценки эффективности, долгосрочного планирования, интегративного подхода в гуманитарном сотрудничестве, последовательной поддержки контактов региональных и федеральных властей на всех уровнях. Более пристальное внимание должно уделяться развитию культурных контактов в зоне приграничья двух стран.

Среди изученных российских трудов в указанный период подавляющее большинство составляют статьи и доклады. Данная проблематика является достаточно новой для российской науки, поэтому количество крупных монографий по различным ее направлениям к настоящему времени еще невелико.

Высоко разнообразие изучаемых вопросов двустороннего гуманитарного взаимодействия. Авторы охватывают вниманием как традиционные вопросы образовательных связей, так и концептуальные основы российско-китайского культурного обмена и многие другие важные вопросы социально-культурного диалога России и Китая.

В отечественной науке возрос интерес к межкультурному, а не только межгосударственному взаимодействию, что особенно ярко проявилось в публикациях начала 2010-х годов. Начинают выстраиваться культурологические и философские концепции изучения отношений России и Китая как культур и цивилизаций, в то время как в 1990-х — первом десятилетии XXI в. более пристальное внимание уделялось политическим, военным и экономическим аспектам отношений.

В публикациях российских ученых изменились дискурс и система понятий, применяемых для характеристики российско-китайских отношений. Исследователи отошли от определений «нерушимая дружба», «дружба навеки», «великая дружба», «братская дружба» и в основном характеризуют двусторонние отношения на современном этапе с помощью более сбалансированных понятий «партнерство», «взаимовыгодное сотрудничество» и т.д.

Положительным является увеличение числа работ представителей научных центров Сибири и Дальнего Востока, которые вносят важнейший вклад в изучение региональных аспектов российско-китайских гуманитарных отношений и приграничного сотрудничества. Отмечается возрастающий интерес к социально-культурным аспектам взаимодействия РФ и КНР специалистов и из других регионов России, что позволяет говорить о данной тематике как о востребованной и перспективной.

Специалисты прогнозируют, что социально-гуманитарный и экономический аспекты отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики в обозримом будущем будут развиваться еще более динамично. При этом, несмотря на взаимопонимание по многим вопросам международных отношений и мировой политики, готовность к компромиссам, построение плодотворного и обоюдовыгодного взаимодействия, реализация всех намеченных программ потребуют от России и Китая больших усилий. В настоящий момент у двух сторон есть для этого все условия и, что наиболее значимо, — внутренняя мотивация и готовность к диалогу. Нет сомнений, что углубление сотрудничества России и Китая будет давать новые импульсы для развития научного знания, включая исследования многогранных гуманитарных контактов между странами и народами.

Д.А. СМЕРНОВ

Советская историография о поиске путей развития Китая после завершения «культурной революции» (1976–1978)

Статья посвящена советским исследованиям событий в Китае, происходивших после завершения «культурной революции». Анализируются содержащиеся в этих исследованиях оценки изменений в расстановке сил в руководстве страны, развития общей социально-политической ситуации и идеологического курса КПК в ходе борьбы между сторонниками продолжения «левомоистской» линии в политике и экономике и сторонниками проведения линии на проведение глубоких реформ во главе с Дэн Сяопином, завершившейся победой последних на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., который стал переломным моментом в новейшей истории Китая, открывшим период реформ и внешней открытости.

Ключевые слова: «идеи Мао Цзэдуна», Дэн Сяопин, Хуа Гофэн, «два „абсолютно“», «практика — критерий истины», XI съезд КПК, «культурная революция».

Поиски путей развития в русле социалистической модернизации в Китае шли, как там принято говорить, «извилистым путем». По сути, первым модернизационным проектом КПК стала выдвинутая Мао Цзэдуном на рубеже 1930–1940-х годов теория «новой демократии», под лозунгом которой коммунистам удалось привлечь на свою сторону крестьянство и «промежуточные слои населения» и победить в гражданской войне Гоминьдан, основав в 1949 г. новое государство — Китайскую Народную Республику.

По мере завершения аграрной реформы, составлявшей важную часть экономической программы «новой демократии», Мао Цзэдун, вопреки возражениям Лю Шаоци, настаивавшего на продолжении «новодемократического» курса в течение достаточно длительного вре-

мени, принял решение о форсировании перехода к социализму, воплотившееся в принятой в 1952 г. Генеральной линии на построение социализма при опоре на советскую помощь. Благодаря реализации этого курса в КНР был заложен фундамент современной индустрии, подготовлен большой отряд специалистов, создана основа для развития научно-технического потенциала.

В середине 1950-х годов Мао Цзэдун взял курс на резкое «ускорение» социально-экономического развития Китая методами проведения принудительной коллективизации крестьянства и обобществления частнособственнического сектора городской экономики, вскоре перешедшее в проведение «большого скачка» и объединение крестьян в «народные коммуны», что привело к преобразованию подавляющей части китайского общества в однородную социальную массу, пригодную к использованию для нужд мобилизационной экономики. Проведение этой политики сопровождалось резким ухудшением отношений с Советским Союзом, вплоть до разрыва всех связей между двумя странами, постепенно перешедшим в состояние военно-политической конфронтации. Последовательность Мао Цзэдуна в осуществлении скорейшего перехода КНР в середине 1950-х годов к модели развития, сопряженной с совершением невиданного в истории рывка в социально-экономическом измерении, представляется по-своему закономерной, хотя трудно поддаются пониманию методы ее проведения. Если же рассмотреть в совокупности все аспекты политики «большого скачка» и «народных коммун», включая также и прогрессирующее со времени XX съезда КПСС ухудшение советско-китайских отношений, очевидней становится цель этой политики, состоявшая не только в том, чтобы «догнать и перегнать» Англию, но и добиться, пусть и такими методами, политической, военной и экономической самостоятельности от СССР, одновременно установить тотальный контроль над всем обществом со стороны возглавлявшейся Мао Цзэдуном партократии. Хотя непосредственные результаты внедрения «военного коммунизма» оказались провальными, задача утверждения полной внешней самостоятельности и создания механизма командно-административной системы и экономики мобилизационного типа была выполнена.

После наступившего затем ухудшения ситуации в экономике вплоть до массового голода Мао Цзэдуну пришлось временно отступить, и в стране началось проведение политики «урегулирования», в ходе которого были скорректированы основные социально-экономические установки КПК и началось исправление последствий «большого

скачка» и искусственной «коммунизации» в социально-экономической жизни страны.

В декабре 1964 г. Мао Цзэдун призвал к превращению Китая в течение «не очень долгого» исторического срока в «мощное социалистическое модернизированное государство», и тогда же Чжоу Эньлай на 1-й сессии ВСНП 3-го созыва конкретизировал этот призыв, поставив задачу проведения в Китае «в течение нескольких десятков лет» четырех модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники. Однако претворение в жизнь программы четырех модернизаций вскоре было надолго прервано организованной Мао Цзэдуном и его сторонниками в руководстве КПК так называемой «культурной революцией», направленной на отстранение от власти той части партийно-государственного руководства, которая не разделяла левацкий подход к определению пути и методов развития страны. Во время «культурной революции» происходило разрушение партийно-государственных институтов, на целое десятилетие было остановлено и отброшено назад развитие сфер образования, науки и культуры, были развязаны массовые репрессии и фактически проводилась принудительная мобилизация всего населения на участие в бесконечных идейно-политических проработках под лозунгом «продолжения классовой борьбы при диктатуре пролетариата», в ходе которых оно подвергалось массовому зомбированию в духе «красного цитатника» «председателя Мао».

Под угрозой дезорганизации и разрушения всей системы управления, хаоса и анархии в общественно-политической жизни, что не могло не отражаться и на развитии экономики, не говоря уже об опасности перерастания борьбы политических элит в гражданскую войну, Мао Цзэдун был вынужден пойти на проведение политики «урегулирования» кризисной ситуации. Осенью 1973 г. ЦК КПК, по указанию Мао Цзэдуна, принял решение вернуть Дэн Сяопина — одного из главных «объектов» критики, шельмования и т.п. «культурной революции», на высшие руководящие посты в партии и правительстве с целью восстановления системы управления страной. В январе 1975 г. на 1-й сессии ВСНП 4-го созыва Чжоу Эньлай в докладе о работе правительства вновь призвал к выполнению до конца текущего века выдвинутой в 1964 г. программы четырех модернизаций. Претворением этого курса в жизнь занимался Дэн Сяопин, фактически осуществлявший руководство повседневной работой ЦК КПК и Госсовета КНР. В ходе «всестороннего упорядочения» в 1975 г. важнейших сфер жизни страны им были поставлены задачи по созданию эффек-

тивной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощения деятельности военного и административного аппарата, усиления руководства предприятиями путем «восстановления и оздоровления» нормативной базы, и в первую очередь внедрения «системы ответственности», проведения в жизнь принципа распределения по труду. В политико-идеологическом плане им была поставлена задача усиления партийного руководства для обеспечения политической стабильности и экономического развития. Эта задача должна была решаться в ходе «упорядочения» партии, прежде всего ее руководящих звеньев, направленного на преодоление состояния идейного и организационного кризиса, в котором она пребывала во время «культурной революции».

Вскоре «банде четырех» удалось перехватить инициативу в свои руки, Дэн Сяопин был обвинен в игнорировании «успехов культурной революции» и насаждении «теории» приоритета производительных сил. Эти обвинения были поддержаны Мао Цзэдуном, и в конце 1975 г. Дэн Сяопин вновь был отстранен от государственного управления, а повседневное руководство работой ЦК КПК было передано официальному преемнику Мао Цзэдуна Хуа Гофэну. Вернуться к осуществлению программы социалистической модернизации Дэн Сяопину удалось только после обеспечения необходимых для этого политических условий, сложившихся уже после смерти Мао Цзэдуна, которая открыла возможность для отстранения от власти «банды четырех» в октябре 1976 г.

Поиски путей развития Китая после окончания «культурной революции», завершившиеся в декабре 1978 г. проведением 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, ставшего поворотным моментом, открывшим новый период исторического развития Китая на пути проведения политики реформ и внешней открытости, привлекли пристальное внимание советских исследователей (Р.М. Асланов, Н.Х. Ахметшин, Б.П. Барахта, А.В. Виноградов, Л.М. Гудошников, А.П. Давыдов, К.А. Егоров, Т.М. Емельянова, А.Н. Желоховцев, М.С. Капица, В.А. Кривцов, С.Д. Маркова, Р.М. Неронов, Э.П. Пивоварова, О.Б. Рахманин, Е.М. Румянцев, В.Я. Сидихменов, В.П. Слабнов, М.И. Сладковский, В.Ф. Сорокин, Г.А. Степанова, Г.Н. Тайгачев, М.Л. Титаренко, Н.Н. Трубочкин, П.Н. Федосеев, В.Ф. Феоктистов, Т.В. Хариотонова, Г.Н. Ященко и многие другие).

При рассмотрении взглядов и оценок советских исследователей текущей ситуации в Китае следует учитывать политические реалии

того, уже весьма далекого от современности, периода в истории СССР и КНР, характеризовавшегося господством официальной марксистско-ленинской идеологии в СССР (еще в «доперестроечной» трактовке) и состоянием военно-политической конфронтации между нашими странами, что, естественно, не могло не сказаться на отношениях к проходившим в КНР процессам.

При анализе ситуации, складывавшейся в Китае после смерти Мао Цзэдуна, советские китаеведы исходили из того, что свержение «банды четырех» в сентябре–октябре 1976 г. представляло собой «верхушечный переворот, который не повлек за собой кардинальных перемен в политике», а сама борьба с «четверкой» была «по существу, борьбой за власть». С целью сохранения сложившегося к концу «культурной революции» механизма власти, недопущения к руководству страной репрессированных кадровых работников, ветеранов партии во главе с Дэн Сяопином Хуа Гофэн пытался отстаивать идейные лозунги и политические методы «культурной революции», а в экономической сфере — продолжал настаивать на использовании методов «большого скачка», уже приведших в свое время народное хозяйство страны к развалу. Этот курс обосновывался принципом «два „абсолютно“»: «Мы должны решительно отстаивать абсолютно все решения, принятые председателем Мао, неуклонно следовать абсолютно всем указаниям, данным председателем Мао».

В стране сохранялась напряженная обстановка, находившаяся, по признанию самого Хуа Гофэна, «на грани катастрофы» и характеризовавшаяся постоянными волнениями и беспорядками, порожденными, подчеркивалось в трудах советских китаеведов, «прежде всего недовольством китайских трудящихся промаоистским курсом нового руководства». Произошедшие после этого изменения в расстановке сил в китайском руководстве были закреплены на «тайно проведенном» в середине августа 1977 г. в Пекине XI съезде КПК. Проведению съезда предшествовал 3-й пленум ЦК КПК 10-го созыва, «навечно исключивший из партии» участников «банды четырех» и реабилитировавший Дэн Сяопина, который вернулся на высокие посты во власти, а продвигавшиеся им так называемые «моменты прагматизма» были включены в число программных установок руководства страны.

Анализируя итоги съезда, советские китаеведы прежде всего отмечали относительную стабилизацию расстановки сил в высшем эшелоне власти на основе компромисса между Хуа Гофэном, добившимся сохранения состава Политбюро, сложившегося после свержения «банды четырех», и сторонниками Дэн Сяопина. При этом нужно от-

метить, что в рассматриваемых нами «установочных» статьях¹ практически обойден вопрос о каких-либо оценках группировки Дэн Сяопина в руководстве КПК, что представляется оправданным хотя бы в силу неопределенности на тот момент будущего вектора развития Китая, а также позиции самого Дэн Сяопина, вынужденного до определенного времени, по крайней мере внешне, «подстраиваться» под «общую линию». Констатировалось лишь, что «при определении путей внутреннего развития КНР в китайском руководстве, по-видимому, не устранены разногласия, касающиеся степени модификации курса прошлых лет». Часть руководства Китая, представляемая Хуа Гофэном, сосредоточившим в своих руках «такую большую власть, которой ранее формально не обладал ни один из руководителей КНР», «согласна лишь на незначительную корректировку» линии «культурной революции».

Как отмечалось в историографии, другая же часть руководителей, под которой подразумевалась группировка прагматиков во главе с Дэн Сяопином, выступала «за ускорение экономического подъема» и за «более рациональное развитие народного хозяйства»; придавала «большое значение образованию, науке и технике». Дэн Сяопин характеризовался советскими китаеводами как лидер, «обладающий большим политическим и административным опытом, имеющий репутацию партийного ветерана и участника революционной войны, пользующийся определенной поддержкой в армии», но которому «тем не менее выйти на первую роль не удается».

Выделялась также и группа «центристов» во власти, в которую входили Е Цзяньин, Ли Сяньнянь и другие деятели, которые «хотя и были задеты в начальный период „культурной революции“, но в целом не пострадали от нее и даже возвысились». Они характеризовались как представители группы «прагматиков» (вместе с вновь реабилитированным Дэн Сяопином) и в то же время «как сторонники закрепления нынешнего соотношения сил между выдвинутыми „культурной революции“ и старыми кадрами», пытающиеся «играть роль арбитра», стоящего над «двумя основными группами».

В то же время исследователи констатировали проведение кадровой чистки на местах от сторонников «культурной революции» с заменой первых лиц в ряде мест на «старые кадры», пострадавшие в ходе

¹ ПДВ. 1977. № 4; Маоизм после Мао Цзэдуна. Сб. материалов Межд. конф. по проблемам, связанным с выходом 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна» и пропагандистской кампанией, развернутой в связи с этим пекинским руководством. М., 1978. С. 17, 30, 39–41, 45–46, 65–66, 85–87, 90–94, 111–117.

«культурной революции», а также проведение линии на дальнейшее повышение роли армии, являвшейся в то время «главной реальной силой, обеспечивающей контроль над положением в стране», с одновременным расширением использования репрессивных методов в «наведении всеобщего порядка».

Прозвучавшая на XI съезде КПК критика и самокритика и признание фактов широкого распространения в партийном и государственном аппарате фракционности, беспринципного лавирования и очковтирательства отражали, как отмечалось советскими китаеоведами, как повышение авторитета в массах нового китайского руководства, так и стремление к достижению «еще большего взаимопонимания с империалистическими кругами на Западе». По сути, группа Хуа Гофэна в руководстве КПК под предлогом разоблачения мнимого извращения «линии и идей Мао Цзэдуна» попыталась «списать» на «банду четырех» «все провалы политики и практики маоизма внутри и вне страны» и «подкорректировать некоторые наиболее скомпрометировавшие себя маоистские установки» с целью создания «обновленной версии маоизма», «более замаскированной марксистской фразеологией» и более эффективной, чем первоначальная. Констатировалось, что изменения в идеологии сопровождались и определенными уступками требованиям трудящихся, прежде всего в плане преодоления уравнительного распределения и совершенствования системы оплаты труда.

Также отмечалось, что одним из главных вопросов текущего периода стал вопрос о партии в условиях вступления страны в «новый период своего развития» после завершения «культурной революции» при «сохранении генерального курса Мао Цзэдуна во всех областях политической, экономической, социальной и культурной жизни Китая» и «закреплении маоизма и на будущее в качестве идеологической основы деятельности партии и государства». Это означало, что вместо «демонтажа» маоизма может произойти его «ремонтаж» путем освобождения от «наиболее одиозных, окончательно себя дискредитировавших частей», но «не затрагивающий ни существа политического курса, ни основ существующего режима».

В условиях продолжения подготовки к войне и принимая во внимание заявления нового руководства КНР о невозможности улучшения отношений с Советским Союзом, с которым «не может быть никакого примирения», а также намерения перейти к доктрине «народной войны» (в рамках перехода от оборонительной концепции к наступательной), такого рода «ремонтаж» маоизма, как отмечалось в некоторых работах, давал основания рассматривать его как «еще

более опасный» курс, нацеленный на воплощение в жизнь стратегии великоханьского шовинизма Мао Цзэдуна. Делался также вывод о том, что «приход к власти современных маоистов может обеспечить более гибкое и эффективное приспособление маоизма к реальным и противоречивым потребностям современного китайского общества», включая возможный отказ от «экстремистских крайностей в руководстве экономикой, культурой, наукой, в отношении к интеллигенции, молодежи и т.д.», а также «учет некоторых требований масс». Все это, в условиях «более квалифицированного» руководства и технологической помощи со стороны Запада, могло «привести к существенному подъему производства».

Обновленная версия маоизма была закреплена на XI съезде КПК в Уставе партии и на 1-й сессии ВСНП нового, 5-го созыва в феврале 1978 г. в новой Конституции КНР, политически и юридически оформивших «идеи Мао Цзэдуна» в качестве «руководящей идеологии» страны в новый период, наступивший после смерти Мао Цзэдуна и отстранения от власти «банды четырех». Вместе с тем отмечались определенные шаги нового китайского руководства в социальной сфере, в частности повышение зарплаты значительной части рабочих и служащих, налаживание работы образовательных и научных учреждений и т.д., а также в сфере некоторой демократизации политического режима, что проявилось в расширении положений вновь принятой Конституции относительно прав граждан и выборности органов власти, что «делало более привлекательным фасад китайского государства».

Отмечалось, что в целом внутривнутриполитические мероприятия китайского руководства носили «строго дозированный» и утилитарно-прагматический характер с целью создания условий для осуществления «четырёх модернизаций». Проводимая «осторожная корректировка маоизма не затрагивала основных положений т.н. „идей Мао Цзэдуна“», пропаганда аргументировала все начинания китайского руководства в этой области ссылками на Мао Цзэдуна, а развернувшаяся впоследствии «полемика по вопросу о практике как единственном критерии истины» рассматривалась как «защита идей Мао Цзэдуна».

Как подчеркивали советские исследователи, попытки стабилизировать положение в стране сталкивались с серьезными препятствиями, поскольку «внутри китайского руководства сохранялись напряженность и разногласия по ряду аспектов внутривнутриполитической линии», прежде всего по поводу масштабов и глубины проводимой чистки сторонников «банды четырех». Отмечалось в связи с этим, что призывы к расширению масштабов кадровой чистки свидетельствовали «об

усилении позиций Дэн Сяопина и группирующихся вокруг него партийно-государственных и военных деятелей старшего поколения» при одновременном ослаблении позиций и влияния Хуа Гофэна, который, однако, «сдавал свои позиции с боем и заставил своих политических оппонентов пойти на уступки и компромисс». В результате «в 1978 г. он сохранил за собой все занимаемые посты, никто из выдвиженцев „культурной революции“ не был выведен из состава Политбюро», а состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва «официально санкционировал завершение кампании чистки сторонников „четверки“».

В идеологическом плане в это время наметились две тенденции: первая — к строгому соблюдению «идей Мао», согласно которым «взаимосвязь политики и экономики трактуется как противоречие и политика признается „главной стороной противоречия“, а экономика — „неглавной“». Вторая тенденция — «к отходу от ортодоксальной „революционной“ линии Мао, заведшей страну в тупик», требовавшая «вплотную заняться разработкой плана экономического строительства — программы „четырёх модернизаций“».

В процессе обоснования и пропаганды программы «четырёх модернизаций» «была подкорректирована маоистская концепция приоритета политики перед экономикой». В ходе этой корректировки выдвинутый Мао Цзэдуном принцип «политика — командная сила» стал трактоваться в противоположном его изначальному смыслу ключе, а именно что «в конечном счете политика служит экономике». Советскими исследователями отмечалось при этом, что принцип материального стимулирования труда признавался только как «вспомогательное средство» наряду с основным — морально-политическим стимулированием, то есть «гарантией» проведения экономической работы являлась идейно-политическая работа. За защитой маоистской концепции приоритета политики стояла попытка «сохранения общественного статуса маоизма», поскольку отказ от этой концепции нанес бы существенный ущерб статусу маоизма в китайском обществе. В то же время уже тогда стало очевидно, что «разногласия в китайском руководстве по поводу методов осуществления экономического курса прямо затрагивали общественный статус идеологии маоизма»².

² Актуальные вопросы политической системы и внутривластного положения в КНР // Докл. и сообщения пятой конференции ИДВ АН СССР. М., 1979. С. 4–9; Информационные материалы (1978 г.) ИДВ АН СССР. М., 1979. С. 3–12, 27–38.

По нашему мнению, маоизм в его тогдашней трактовке становился идеологическим тормозом для намечавшихся группировкой Дэн Сяопина рыночных реформ, который был убран с пути преобразований в китайской экономике уже вскоре — в июне 1981 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, на котором «идеям Мао Цзэдуна» и месту Мао Цзэдуна в истории КНР была дана новая официальная трактовка, сохраняющаяся и поныне. Согласно новой трактовке, в эти идеи включались только «правильные» идеи Мао Цзэдуна, прежде всего его теория «новой демократии», концепции партийного строительства и строительства основ социализма, а теория «большого скачка» и концепция «культурной революции» объявлялись «ошибочными». Таким образом, в такой специфической форме «идеи Мао Цзэдуна» были «вписаны» в качестве одной из идейных основ в дэновскую теорию строительства социализма с китайской спецификой.

В середине 1978 г. разногласия об отношении к «идеям Мао Цзэдуна» приняли форму «дискуссии по проблемам истины». Советские исследователи пристально следили за перипетиями этой дискуссии, за которой стояла борьба двух линий в руководстве КПК по вопросу о будущем пути развития страны — между сторонниками социализма, основанного на всеобщем обобществлении и развивающегося по пути совершенствования командно-административной системы, хотя и с использованием в ограниченной мере рычагов материального стимулирования и проведения политики внешней открытости, и сторонниками рыночного социализма, развивающегося по пути проведения политики реформ и внешней открытости.

Отношение Дэн Сяопина к «теоретическому» наследию маоизма характеризовалось советскими исследователями «стремлением не отбросить его, а пересмотреть в прагматическом духе, придать ему более „современное“ звучание». При этом отмечалось, что в свое время сам Мао Цзэдун использовал для отхода от позиций марксизма-ленинизма (под видом его «творческого развития») три положения, которые Дэн Сяопин назвал «самым основным принципом марксизма»: «искать истину, опираясь на реальные факты», «исходить из реальной обстановки» и «соединять теорию с практикой». Подчеркивалось, что именно Дэн Сяопин был «идейным вдохновителем кампании пропаганды „проблем гносеологии“, в ходе которой был подвергнут критике маоистский принцип „два абсолютно“». После проведения по всей стране в августе–сентябре 1978 г. мероприятий по обсуждению темы практики как «единственного критерия истины» развернувшаяся идеологическая кампания продолжилась под лозунгом «рас-

крепостить сознание», «под которым подразумевался призыв „исходить из реальности“», избавившись от «идеологических оков», якобы наложенных на общественное сознание Линь Бяо и «четверкой», а позже этот перечень «оков» дополнил и «советский опыт».

На последующем этапе «теоретико-гносеологические выкладки» отошли на задний план, вперед вышли конкретные требования к кадровым работникам: проявлять инициативу, деловитость, независимость от «указаний», а если последуют «новые указания», то их следует претворять в жизнь, сообразуясь с конкретной обстановкой, то есть «исходить из реальности». Это приводило советских исследователей к выводу о том, что на самом деле «проблемы гносеологии служили лишь поводом и теоретическим прикрытием борьбы между сторонниками „делового“ и „идеологического“ подходов к решению задач социально-экономического курса». По сути, тем самым была расчищена идеологическая «почва» для принятия на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. установки на «перенесение центра тяжести всей работы на четыре модернизации», что являлось «уступкой прагматической линии Дэна». Пленум, признавший ошибочность ряда решений Мао Цзэдуна, в то же время в духе дэновского прагматизма подтвердил признание «идей Мао Цзэдуна» в качестве идеологической платформы партии, но в «очищенном» от извращений «четверки» виде, согласившись на «прагматическую реинтерпретацию идейного содержания маоизма»³.

Как видно из содержания дававшихся советскими китаеводами оценок развития внутривластного положения и идеологической ситуации в Китае в переломный для его истории момент, когда был определен долговременный вектор последующего развития КНР по пути проведения политики реформ и открытости, характеристики советских историков в общем достаточно адекватно отражали происшедшие в Китае изменения. Жизнь подтвердила правильность приводившихся здесь оценок относительно сохранения, в модернизированной форме, «идей Мао Цзэдуна» в качестве одной из основ идеологической платформы КПК. Подтвердилась и точка зрения советских китаеведов о неизбежности отказа китайского руководства от экстремистских проявлений в сферах экономики, культуры, социальной политики.

³ Актуальные вопросы политической системы и внутривластного положения в КНР // Докл. и сообщения 6-й конференции ИДВ АН СССР. М., 1980. С. 1–5, 19–33; ПДВ. 1980. № 1. С. 119–130.

Д. А. СМИРНОВ

Российская историография о положении в КНР в период углубления политики реформ и открытости (1992–1997)

Статья посвящена оценкам и выводам российских исследователей относительно процесса политической эволюции КНР на этапе углубления политики реформ и открытости, наступившем после поездки Дэн Сяопина на Юг Китая в начале 1992 г.

Ключевые слова: политическая система, КПК, идеология, Цзян Цзэминь, национализм, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, реформа, социализм.

В 1990-е годы перед российскими исследователями встала сложная задача дать объективную оценку политическим процессам в Китае после выдвижения Дэн Сяопином в начале 1992 г. установки на углубление политики проведения реформ и внешней открытости после нескольких лет «замораживания» реформ вследствие серьезной дестабилизации обстановки весной–летом 1989 г. После волны «бархатных» революций, уничтожившей социалистические режимы в Восточной Европе, и распада СССР, а также неудавшейся попытки проведения «цветной» революции в Китае российские исследователи оказались перед необходимостью переосмысления исторического опыта социализма и выработки новых подходов к анализу процесса трансформации «классического» социализма советского типа на пути построения рыночной экономики. Это переосмысление проходило в ожесточенной полемике между сторонниками «классического» социализма и адептами рыночной экономики и западной модели демократии. Важнейшими вопросами стали соотношение рыночной экономики с однопартийной системой, а также конкретное содер-

жание, цели, задачи и темпы проведения реформы политической системы социализма.

Полемика велась в обстановке кардинальных геополитических изменений, произошедших в мире в начале 1990-х годов, связанных с превращением мира после распада СССР из двухполюсного фактически в многополюсный, с укреплением глобальной гегемонии США. Новые обстоятельства поставили китайское руководство перед необходимостью обеспечения стабильного развития страны, укрепления ее безопасности и международных позиций в новых исторических условиях.

Кардинальные перемены в мире оказали влияние на общественные настроения в Китае, где в конце 1980-х годов проявилось недовольство населения ростом цен на фоне разрастания коррупции, произошло совмещение фактора внутренней социальной напряженности с фактором внешнего влияния, чем воспользовались оппозиционные элементы для расшатывания ситуации в целях свержения социалистического строя под лозунгами демократизации. Одновременно наметился раскол в руководстве КПК по вопросу об отношении к выступлениям оппозиции, что еще больше обострило ситуацию, завершившуюся трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь.

Последовавший за этими событиями трехлетний период борьбы против «буржуазного либерализма» привел как к усилению в Китае левацких настроений, проявлявшихся в противопоставлении рынка социализму и боязни подрыва социализма в результате развития рыночных отношений, так и к появлению у части коммунистов сомнений относительно перспектив дальнейшего развития социализма.

Анализ сложившейся ситуации был сделан Дэн Сяопином во время его инспекционной поездки на Юг Китая в январе–феврале 1992 г., когда он призвал проводить реформы и открытую политику на протяжении 100 лет, видя в этом гарантию спасения социализма в Китае и сохранения всенародной поддержки КПК. При этом он выдвинул ряд новых теоретических положений, обозначив абсолютный приоритет развития производительных сил на пути совмещения социализма с рынком при сохранении существующей политической надстройки, что было расценено в Китае как настоящий теоретический «прорыв». Исходя из того, что план и рынок при социализме не противоречат друг другу, Дэн Сяопин призвал не бояться идти на «риск» в проведении социально-экономического экспериментирования по использованию инструментов рыночной экономики в отсутствие достаточного практического опыта строительства социализма китайского

типа («год-два проводить эксперименты, получится — распространять, ошибемся — исправлять»).

В этой связи он указывал на то, что в идеологии «левые» опаснее «правых», поскольку выглядят «революционнее». И хотя в Китае противодействовать нужно и тем и другим, основную проблему, по его мнению, создавали «левые», которые видели главную опасность в том, что развитие экономики по рыночным рельсам приведет к «мирному перерождению». Все это требовало устранения существовавших тогда идеологических препятствий в виде «боязни того, что везде слишком много капитализма» и «сползания» на капиталистический путь. Для этого Дэн Сяопин призвал подчинить всю работу по управлению государством трем главным критериям: обеспечению развития производительных сил социалистического общества, обеспечению укрепления совокупной государственной мощи и обеспечению повышения уровня жизни народа.

Эти установки Дэн Сяопина были закреплены в решениях мартовского пленума ЦК КПК 1992 г. и в последующих решениях ЦК КПК, направленных на ускорение рыночных реформ, и окончательно утверждены на состоявшемся в октябре 1992 г. XIV съезде КПК, принявшем решение об ускорении развития страны путем создания системы социалистической рыночной экономики.

При рассмотрении общих итогов исторического пути КНР с момента ее создания российские исследователи отмечали, что «в более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме — в условиях Китая — общую тенденцию развития социализма — «социалистической идеи» — от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму». Ими подчеркивалось, что для осуществления реформ в таких крупных странах, как Китай и СССР, необходимы «политическая стабильность, сильная, авторитетная власть, способная преодолеть сопротивление реформам „вверху“ и „внизу“, создание условий для реализации реформ „мерами сверху при поддержке снизу“, для того чтобы обеспечить экономическую и политическую стабильность при переходе к новым условиям жизни и производства»¹. При этом не исключалось, что набирающий силу социально-экономический плюрализм «неизбежно потребует адекватных политических перемен». Но в то же время отмечалась необоснованность точки зрения на развитие политической ситуации в КНР после смерти Дэн Сяопина, основан-

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений. М., 1994.

ной на «некорректном механическом экстраполировании сегодняшнего дня в завтрашний», а также в связи с наличием у правящей китайской элиты опыта собственного прошлого, подкрепленного уроками СССР, резко обострившего у нее «инстинкт самосохранения» и умение маневрировать накопленными ресурсами для решения фундаментальных проблем страны. Подчеркивалась необходимость постепенности в проведении реформ и недопущения резких скачков, чреватых дестабилизацией обстановки.

Что касается проблемы сохранения целостности государства на базе развития рыночных отношений, традиционного для Китая регионализма, особенно сепаратизма на национальных окраинах, то отмечалось, что существующая политическая система обеспечивает «мощный, эффективный контроль над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами», что подкрепляется «традиционной глубокой вовлеченностью армии в политические структуры власти», в силу чего армия является «гарантом сдерживания регионализма (сепаратизма) и подрыва государства»².

В ближайшей перспективе внутривластного развития отмечалась неизбежность складывания коллективного руководства после смерти Дэн Сяопина ввиду отсутствия равного его фигуре харизматичного лидера, при сохранении авторитаризма как «постоянного политического атрибута Китая», который будет становиться более просвещенным³.

Главную роль в проведении политики реформ и внешней открытости и в поддержании социально-политической стабильности играет Компартия Китая, составляющая стержень государственно-политического механизма КНР. Анализируя роль и место партии в развитии страны на новом этапе, российские исследователи отмечали специфику этого этапа, характеризовавшегося созданием рыночной экономики при сохранении существующей политической системы с ее основой в виде институтов собраний народных представителей при наличии «жесткой монополии КПК на власть» и отказе от заимствования западных политических моделей в силу «соображений о поддержании политической стабильности и единства». Вместе с тем выделялся такой «новый момент» в государственно-политическом строительстве в КНР, как декларирование задачи построения правового государства, в

² *Титаренко М.Л.* Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации — условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востокведение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 70.

³ *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.

русле выполнения которой КПК взяла на себя обязательство действовать в рамках закона⁴.

В этом проявился «постепенный переход правящей партии от командно-административного стиля управления государством и обществом, принявшего абсурдные формы в период „культурной революции“, к менее централизованной форме руководства, включающей активное функционирование государственных и общественных структур, а также элементы диалога КПК с политическими партиями и общественными организациями». Важнейшей характерной чертой реформ, осуществляемых КПК, стали «последовательность, постепенность и поэтапность».

Задачи проведения в жизнь стратегии реформ, требовавшие изменения стиля управления страной, поставили правящую партию перед необходимостью перестройки собственной деятельности, прежде всего по пути разграничения партийных и государственных функций, децентрализации власти и постепенного преодоления ее «чрезмерной концентрации». Задачей партии, согласно принятому на ее XII съезде (1982 г.) Уставу, стало «главным образом руководство в политическом, идеологическом и организационном отношениях», что отразилось на конкретных практических задачах партии, стиле и методах ее работы и на структуре ее аппарата управления при сохранении партийного влияния на все органы государственно-административного управления.

Особое внимание уделялось перестройке кадровой работы, борьбе с коррупцией, выполнению контрольных, рекомендательных и воспитательных функций партии, достижению «устойчивого равновесия в управленческой сфере между партией, собраниями народных представителей, народными правительствами и судебно-прокурорскими органами». Одновременно «в рамках медленно текущей политической реформы с китайской спецификой усиливался курс на правовое обеспечение функционирования всех элементов государственного механизма и общества»⁵.

Как отмечается в историографии, произошедшие изменения нашли отражение в двух сериях принятых в 1990-е годы поправок к Конституции. Анализируя первую серию этих поправок, принятых в 1993 г., российские исследователи обращали внимание на то, что они были

⁴ *Асланов Р.М.* КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 372–392.

⁵ *Мамаева Н.Л.* Коммунистическая партия Китая — ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. С. 393–410.

направлены на конституционное закрепление «социализма с китайской спецификой». Так, в текст Конституции была внесена поправка о том, что «Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма», а также определение «социализма в модернизированном виде» и положения о необходимости «отстаивать реформы и открытость», об упразднении народных коммун, об установлении права на хозяйственную самостоятельность предприятий государственной и коллективной собственности и т.д. Отмечалось, что за переименованием «государственного сектора экономики» в «сектор экономики, основанный на государственной собственности» стоит преобразование производственных отношений, поскольку фактическое владение собственностью государства переходит к самостоятельным хозяйственным организациям.

В серии поправок, принятых в 1999 г., особо отмечалось добавление в Конституцию положения о том, что «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством», а также целый ряд поправок, закрепляющий сложившееся к этому времени в экономике КНР положение, при котором «наряду с общественным развивается и частный сектор, где распределение осуществляется не только по труду», кроме того, закрепляется семейный подряд как основная система хозяйствования в деревне, без передачи отдельным крестьянским хозяйствам собственности на землю.

Подводя итоги изменениям в Конституции в рассматриваемый период, российские исследователи пришли к выводу о том, что главный смысл этих изменений состоит в «закреплении уже произошедших изменений в общественном строе страны, заключающихся, прежде всего, в признании равноправия на длительный исторический период различных форм собственности и развития Китая по пути регулируемой государством рыночной экономики, официально именуемой в КНР „социалистической рыночной экономикой“». Вместе с тем подчеркивалось, что в том, что касается реформирования политической системы, «основная внутривнутриполитическая задача китайского руководства усматривается сейчас во всемерном поддержании политической стабильности внутри государства, что исключает экспериментирование с политической системой, не исчерпавшей своей сравнительно высокой эффективности в обеспечении экономического прогресса, модернизации страны, высокого авторитета КНР в мировом сообществе»⁶.

⁶ Гудошиников Л.М. О поправках к Конституции // Китайская Народная Республика в 1999 г. Политика, экономика, культура. Ежегодник ИДВ РАН. М., 2001. С. 17–20.

При анализе социально-политической эволюции КНР в период углубления политики реформ и открытости российскими исследователями отмечалась необходимость учета «характера и мощи инерции в исторической эволюции общества», имеющего свои культурно-исторические особенности и качественные характеристики, «делающие практически невозможными произвольные его трансформации». Это зависит от «культурно-исторических доминант», то есть от «заданных прошлым направлений и одновременно ограничителей исторического движения» в Китае, таких как приоритет государства, государственная собственность как высшая ее форма, отсутствие демократических традиций, норм и институтов, господство отношений «государство—подданный». В этой ситуации «партия-государство» становится «оболочкой», прикрывающей совершенно новые общественные отношения, вырастающие из новых устоев жизни, и новую систему ценностей. Но проблема китайского общества в том, что пока не сложились самостоятельные общественные движения, а партия-государство, в интересах собственного самосохранения, препятствует осознанию новыми социальными слоями своих интересов и их самоорганизации, формированию гражданского общества и решительно выступает против многопартийности и традиционного парламентаризма. Вместе с тем существует опасность отрыва партии-государства от общества, что может вызвать ослабление созидательного потенциала общества и обострение социальных проблем и противоречий⁷.

Таким образом, как нам представляется, руководству КПК пришлось действовать в сложной идеологической обстановке, обусловленной «самоликвидацией» мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом, в момент очевидного расхождения между официальными пропагандистскими установками, сформировавшимися в период гражданской войны и социалистического строительства в КНР, и курсом КПК на развитие рыночной экономики. Сохранение власти КПК и ее авторитета как вдохновителя и организатора реформ в новых условиях, характеризующихся ускорением порожденного политикой реформ процесса дифференциации китайского общества, требовало разработки приемлемой и привлекательной для всех социальных слоев, а также соотечественников на Тайване идеологической платформы, в основу которой вместо прежнего принципа классовой борьбы легла бы новая идея, которая объединила бы все классы и слои китайского общества. По сути, «именно национальная идея была

⁷ Гельбрас В. Реформы в КНР: проблема оценки итогов // МЭиМО, 1995. № 7. С. 18–31.

положена в основу принятой в начале периода реформ платформы „строительства социализма с китайской спецификой“, и это всячески подчеркивалось в формулировках того образа будущего Китая, который призвано строить нынешнее поколение»⁸.

Этому способствовала волна национализма, поднявшаяся в Китае после развала социалистической системы во главе с бывшим Советским Союзом. Ее возникновение во многом было обусловлено «снижением» авторитета марксизма-ленинизма и все большим «ослаблением влияния тезисов о классово-борьбе и о диктатуре пролетариата». В появлении призывов в китайских СМИ к замене коммунистической идеологии знаменем национализма и суньятсеновской установкой на строительство «госнации» нашли свое проявление сложности, связанные со столкновением реальных потребностей правящей партии с невозможностью для нее отказаться от давно сформировавшейся идеологической основы: марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна. Вероятно, этим объясняется дополнение этой основы на XV съезде КПК (1997) «теорией Дэн Сяопина» и определенным выпячиванием роли Сунь Ятсена и некоторых из его идей. По сути, эта волна национализма была «обращена своим острием вовне, а не внутрь страны», сплавивая народ «на лозунге сопротивления или защиты от внешнего давления или гнета», против проводимой Западом политики «сдерживания или ограничения» усиления Китая, на «противопоставлении тому, что именуется „всесторонней вестернизацией“, действуя против нее по принципу острие против острия»⁹.

Подъем волны национализма, отмечал Ю.М. Галенович, охватил широкие слои китайского народа, включая и образованную его часть, «а также рядовых, простых людей», часть граждан КНР, обучавшихся или работавших за границей. Это способствовало «охлаждению отношения к вестернизации», на смену которому пришел интерес к конфуцианству, даосизму, буддизму, в целом к китайской классической науке и классическому образованию, возрождению ряда старых традиций. В то же время это «укрепляло социальную основу КПК», «отвлекая внимание людей от вопросов борьбы за права человека», с которыми ассоциировался образ Запада, оказывало влияние на общественную поддержку для проведения политики давления, в том числе силового, на Тайвань, проблема воссоеди-

⁸ Смирнов Д.А. «Идеи Мао Цзэдуна» и современная идеологическая ситуация в КНР // КНР — 1991: внутреннее положение / ИБ ИДВ РАН. М., 1993. № 2. С. 19–35.

⁹ Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века // ИБ ИДВ РАН. № 7. М., 1999. С. 107–109, 112–114.

нения которого с материковым Китаем рассматривалась как следствие «заговора иностранцев, внешних сил», а также тайбэйских властей, позиция которых не воспринималась как «выражение желания масс людей на Тайване».

Подъем национализма оказал влияние и на «китайских демократов», которые стали превращаться в «постепеновцев», выступающих за «созидательный национализм, содействующий демократизации и конституционному порядку» и отказавшихся от лозунга «Долой КПК!» в пользу «медленных, но неуклонных изменений»¹⁰.

Вместе с тем российскими исследователями отмечалось, что «в современном Китае широкой социальной базы для оппозиции практически не существует», поэтому, с одной стороны, «не следует преувеличивать» нараставшее «противоречие между социально-экономическим плюрализмом и политической монополией КПК», а с другой — нужно учитывать способность однопартийного политического механизма «обеспечивать развитие страны и продолжение преобразований, в том числе осуществлять демократические подвижки в политической области»¹¹.

Политическая монополия КПК опиралась на «солидную экономическую основу в виде госсектора, который доминирует в народном хозяйстве и через различные каналы в той или иной степени контролирует другие уклады». Власть КПК над страной «закреплена ее безраздельным контролем над политическим механизмом, а также законодательно — в Конституции и других нормативных актах, как открытых, так и закрытых». После событий на площади Тяньаньмэнь были приняты меры по повышению эффективности системы государственной безопасности, в том числе при помощи армии, для чего был принят «Устав НОАК по предотвращению беспорядков». Но основной гарантией сохранения прочной власти КПК являлись «высокие темпы развития страны и повышение жизненного уровня абсолютного большинства населения», благодаря чему КПК оставалась «ведущей силой китайского общества, надежно контролировала ситуацию в стране и не имела конкурентов в выполнении функции гаранта стабильности и единства Китая»¹².

При вступлении Китая в постдэнэовский период отмечалось возрастание власти генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя,

¹⁰ Там же. С. 113–114, 116, 132.

¹¹ Китай в 1996 г. Обзор основных событий внутривнутриполитической жизни // ПДВ. 1997. № 4. С. 58.

¹² Китай в 1995 г. Организационно-политическая работа КПК // ПДВ. 1996. № 3. С. 24.

опиравшегося на массовый «импорт шанхайцев» в центральные партийно-государственные органы при одновременной потере им прежней «мощной поддержки» со стороны Дэн Сяопина и тех силовых центров, на которые он имел возможность опираться, что вынудило его «постоянно учитывать мнение региональных лидеров». Цзян Цзэминю удалось устранить своего соперника в борьбе за власть секретаря Пекинского горкома КПК Чэнь Ситуня по обвинению в коррупции, но в то же время ради сохранения стабильности он прекратил перевод в центральный аппарат своих людей из Шанхая¹³.

Анализируя принимавшиеся партийно-государственным руководством во главе с Цзян Цзэмином меры по укреплению руководящей роли КПК в китайском обществе, российские исследователи выделяли сохранение ведущей роли партийных организаций на предприятиях госсектора, усиление партийного контроля над кадровой политикой, активизацию борьбы с коррупцией, оживление деятельности парторганизаций в деревне, укрепление низовых властных структур — комитетов сельских жителей и комитетов городских жителей, борьбу с местничеством, ведомственностью и семейственностью, укрепление уставных норм в жизни и деятельности партии, в том числе гарантий прав членов партии, продолжение административно-кадровой реформы. Вместе с тем отмечалось, что реальная причина активизации мер по укреплению партийного строительства и партийного контроля за государственным аппаратом, при всем многообразии, состоит в том, что «нарастающий плюрализм китайского общества разъедает организационную систему партии». Это осознавалось китайским руководством, «но оно все еще надеется, что можно поправить положение старыми методами, не прибегая к глубоким политическим реформам».

Отсюда, как следует из подборки событий организационно-политической работы КПК, возник вопрос о степени «остроты противоречия между экономическими и политическими преобразованиями», которая определялась следующими факторами: «экономической мощью негосударственных укладов, уровнем политического самосознания класса собственников и связанных с ними социальных групп, уровнем политического самосознания населения в целом, способностью правящей элиты решать социально-экономические проблемы страны и надежностью механизма ее контроля над обществом». На

¹³ Там же. С. 22–23; Галенович Ю.М. Уход из жизни Дэн Сяопина и изменения в китайском руководстве // Китай на рубеже тысячелетий. Материалы науч. конф. ЦИПИК. ИДВ РАН. Сер. «Общество и государство в Китае в ходе реформ». Вып. 3. М., 1998. С. 22–25.

момент середины 1990-х годов, по мнению российских исследователей, перечисленные факторы «ни по отдельности, ни в совокупности не подошли к такому состоянию, чтобы поставить в повестку дня вопрос о радикальных политических реформах», поскольку «нынешняя политическая система, несмотря на все свои недостатки и сбои, пока еще способна обеспечивать поступательное развитие общества, хотя ее потенциал явно ослабевает»¹⁴.

В то же время острые противоречия в китайском обществе усилили «идеологические расхождения в КПК». Как отмечали российские китаеведы, в Китае в рассматриваемый период не было «сколько-нибудь серьезных сил, выступающих за возвращение к маоистскому прошлому», но появилось «правое социально-экономическое течение, выступающее за формирование свободной рыночной экономики», среди сторонников которого были «представители директорского корпуса, часть чиновников хозяйственных ведомств, немало менеджеров и членов правления корпораций из числа детей и прочих родственников власть предержащих», которые «крайне заинтересованы» в использовании имеющихся в их руках политических и административных полномочий для «превращения из почти что собственников де-факто в настоящих собственников де-юре». Учитывая эти особенности текущей ситуации, российские исследователи прогнозировали дальнейшее осложнение идеологической обстановки в партии, возникновение открытых идеологических дискуссий, которые сдерживались лишь партийной дисциплиной, подкрепляемой нежеланием раскачивать внутривнутриполитическую ситуацию. Вместе с тем китайское руководство весьма осторожно подходило к вопросам ведения идеологической работы, ограничиваясь запретами обсуждений лишь вопросов, касающихся принципиальных основ существующего общественного строя, руководящего положения партии, и вопросов сохранения территориальной целостности страны. При этом сформировавшаяся к тому времени официальная идеологическая платформа КПК открывала «весьма широкий простор для свободы мысли и творчества во всех сферах», за исключением вышеупомянутых идеологических табу¹⁵.

Что касается идеологических основ КПК, то констатировалась «твердая линия руководства КПК на сохранение авторитета Мао Цзэдуна», продиктованная убежденностью в том, что дискредитация Мао Цзэдуна неизбежно могла бы привести к подрыву власти КПК так, как это произошло с КПСС после развенчания Сталина и Ленина. При

¹⁴ Китай в 1995 г. Организационно-политическая работа КПК. С. 25–30.

¹⁵ Там же. С. 32–33.

этом подчеркивалось, что в вопросе поддержания авторитета Мао Цзэдуна партийное руководство опиралось на широкую народную поддержку, в первую очередь со стороны многочисленной части населения, не получившей особых выгод от экономических реформ, а также тех, кто был недоволен чрезмерной социальной ценой реформ при отсутствии «сколько-нибудь влиятельных настроений в пользу переоценки исторической роли Мао Цзэдуна». Отсюда делался вывод о сохранении сформировавшегося к тому времени официального идеологического подхода к Мао Цзэдуну «и в обозримом будущем» в интересах сохранения политической и социальной стабильности, что «в то же время затруднит процесс дальнейшей демократизации в идеологии и политическом механизме»¹⁶.

В то же время отмечалось осознание партийным руководством необходимости демократизации системы контроля над представительными органами власти (что сразу же вызвало недовольство со стороны чиновников, начавших обвинять СНП в «подрыве принципа партийного руководства кадровой политикой») и над партгосаппаратом, прежде всего по линии развития системы государственной службы. Подчеркивалось, что демократизация системы контроля над партгосаппаратом сталкивалась с сохранением принципа руководящей роли партии, а потому эта демократизация «не может не носить ограниченного характера»¹⁷.

При анализе внутривластной ситуации была поднята проблема выявления факторов, угрожающих социально-политической стабильности в стране. К ним относились: неудовлетворительное состояние общественного правопорядка, экономические преступления, и прежде всего коррупция в государственном и общественном аппарате, рост цен и инфляция, неудовлетворенность части населения уровнем доходов и условиями жизни, социальным статусом, плохое состояние окружающей среды и недовольство политикой руководства страны, особенно проводимой демографической политикой. Отмечалось также особое значение для обеспечения социально-политической стабильности надлежащего решения проблемы взаимоотношений центра и мест, включая многоплановые экономические аспекты этой проблемы.

Подчеркивалось, что повышенное внимание руководства КПК к проблеме социально-политической стабильности обусловлено сле-

¹⁶ Китай в 1996 г. Обзор основных событий внутривластной жизни // ПДВ. 1997. № 4. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 60–61.

дующими обстоятельствами. Во-первых, собственным историческим опытом социальных протестов, принимавших нередко масштабные разрушительные формы, государственных переворотов, военного регионализма, национальных восстаний, гражданских войн и хаоса «культурной революции». Во-вторых, повышенной чувствительностью китайского руководства к разного рода протестным выступлениям в силу социалистического типа общественного развития с руководящей ролью коммунистической партии, особенно после распада СССР и мирового социалистического лагеря и нарастающего давлением со стороны Запада по вопросу демократии и прав человека. В-третьих, наличием «тайваньского фактора» — населенного китайцами государственно-политического образования с иным общественным строем. В-четвертых, нарастанием угрозы сепаратизма на национальных окраинах КНР в условиях появления независимых государств с мусульманским населением на границе с Китаем на месте бывших советских среднеазиатских республик и усиления исламского фундаментализма.

Тем не менее на основе анализа всей совокупности потенциальных рисков дестабилизации обстановки делался вывод о том, что «можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в ближайшие 10–15 лет Китай не столкнется с такими крайними формами социально-политической нестабильности, как распад государства и насильственная смена общественного строя. По-видимому, практически маловероятна и возможность резкой дестабилизации социально-экономической ситуации в стране, сопровождающейся утратой центром контроля за положением в регионах, экономической депрессией, голодом и т.д.»¹⁸.

В ряде работ прослеживалась эволюция национальной политики КПК. Констатировалось, что первый период этой эволюции был связан со становлением многоуровневой системы национальной автономии для неханьских народов после образования КНР, создававшей административно-правовую базу для учета интересов коренного населения национальных окраин, но носившей в значительной мере номинальный характер в обстановке доминирования великоханьского шовинизма. За этим последовал период «культурной революции», характеризовавшийся полным попранием прав и интересов национальных меньшинств под лозунгом «слияния национальностей». И, наконец, период реформ — в этот период происходило последовательное исправление прежнего курса, «шаг за шагом подвергались крити-

¹⁸ *Портяков В.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР // ПДВ. 1998. № 2. С. 17–28.

ке и отбрасывались почти все установки политики КПК в этой области, выдвигавшиеся с 1957 г.».

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в рамках стратегии реформ Дэн Сяопина КНР «вышла на путь конструктивного решения национального вопроса; при этом в стране была сформирована целостная теория национального вопроса с учетом китайской специфики». Прежде всего, был восстановлен статус национального вопроса, значимость которого во внутренней политике возросла и которому был придан «статус стратегической проблемы». Была признана необходимость преодоления пережитков великоханьского шовинизма в умах кадровых работников и признания принципа равноправия национальных меньшинств. Повысился жизненный уровень неханьских национальностей, о чем свидетельствует рост их численности до 100 млн. человек (8,98% всего населения) в 1995 г. Развитая система национальной автономии — от уровня национальной волости до автономного района на правах провинции — позволила в значительной степени учитывать специфические особенности и интересы национальных меньшинств. В 80–90-е годы была образована многоступенчатая система национального законодательства, расширялась подготовка национальных кадров, а также использование их на руководящих должностях в национальных районах.

Вместе с тем «еще нельзя» было говорить о том, что неханьцы стали в полной мере «хозяевами в собственном доме», так как сохранялась «докучливая опека над всеми сторонам жизни» этих народов. В то же время в условиях перехода страны к рыночной экономике, ускорившего нарастание разрыва в уровне развития между ханьскими (в первую очередь приморскими провинциями) и национальными окраинами, власти КНР «сочли целесообразным снять свою прежнюю установку о ликвидации фактического неравенства неханьцев» в пользу ликвидации «разрыва» в уровне развития ханьских и национальных регионов¹⁹.

В русле развития национальной политики в период реформ китайские власти стали больше внимания уделять проблемам малочисленных народностей (этносы численностью до 100 тыс. человек). Российскими исследователями отмечалось отставание этих народностей «в политическом, экономическом и культурном отношениях», особенно на западе Китая. Благодаря принятым мерам численность этих народов начала увеличиваться, но в период реформ у малых народностей по-

¹⁹ Москалев А.А. Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ. С. 458–472.

явились новые проблемы, вызванные «ломкой их традиционного уклада жизни» и воздействием других факторов, из-за чего у ряда народов стал повышаться уровень заболеваемости и распространения алкоголизма²⁰.

В ряде работ российских исследователей был проанализирован процесс подготовки перехода Сянгана под суверенитет КНР, начиная с ведения переговоров с Великобританией в 1984 г. и кончая анализом специфики административно-политического устройства Сянгана в составе КНР (с 1997 г.). Отмечалась «удачная работа в области правового, организационного и кадрового обеспечения начального этапа преобразований политической системы». В то же время констатировалось, что китайское руководство не форсирует окончательную перестройку доставшейся в наследство от англичан политической системы Сянгана во избежание социальных беспорядков, экономического ущерба и подрыва международного престижа КНР. Эта линия была одобрена на состоявшемся в 1997 г. XV съезде КПК, подтвердившем, что политические установки: «сянганцы управляют Сянганом» и «высокий уровень автономии Сянганского особого административного района КНР» — рассчитаны на длительную перспективу²¹.

Объектом внимания российских исследователей стало возрастание значения демократических партий в политической жизни КНР на этапе проведения политики реформ. Эти партии, с одной стороны, не играют заметной роли, поскольку она определена для них в формате «участия в политической жизни» под руководством КПК; с другой — уже сам факт их существования в политической системе КНР означает признание многопартийности. Демократические партии являются для КПК каналами обратной связи с различными слоями общества, позволяющими еще на этапе обсуждения с этими партиями важнейших решений общегосударственного масштаба «сгладить острые углы» и «выпустить пар» в случае создания в обществе напряженной обстановки. Эти партии играют созидательную роль в экономике, науке, медицине и других сферах деятельности, а также вносят большой вклад в развитие связей Китая с соотечественниками на Тайване и обширной зарубежной китайской диаспорой.

²⁰ *Лазарева Т.В.* Проблемы малочисленных национальностей в КНР // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. Тез. докл. VIII Межд. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир». М., 1998. С. 111–114.

²¹ *Гудошиков Л.М., Кокарев К.А.* Важный шаг в объединении Китая (о некоторых политико-юридических аспектах воссоединения Сянгана с КНР) // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. С. 362–381.

Был также изучен такой специфический институт власти, как НПКСК, выполняющий в КНР функции единого фронта и не имеющий аналогов в России ни по широте общественного представительства, ни по выполняемым функциям. Отмечалось возрастание роли этого института по мере углубления политики реформ, ведущей к усложнению социального состава китайского общества и нарастанию в нем идейного плюрализма²².

С переходом Китая к политике реформ больше внимания стало уделяться низовому звену территориального общественного самоуправления — комитетам населения в городах (и ранее существовавшим), а с началом проведения политики реформ — созданию института комитетов сельского населения. При этом прежде всего отмечались обновление и принятие в годы реформ новых законов, регламентирующих данную сферу общественного самоуправления КНР, в первую очередь Закона об организации комитетов сельского населения, согласно которому комитетам сельского населения были предоставлены широкие права как в сфере самоуправления, так и в хозяйственной, и в административной сферах²³.

Были рассмотрены основные проблемы развития женского движения в КНР. Отмечено улучшение социально-экономического положения женщин в целом благодаря проведению политики реформ, принятию ряда законов, защищающих права женщин, а также повышению их роли в политической жизни страны. В то же время констатировались «сложность и неоднозначность» положения женщин в современном Китае вследствие живучести старых представлений о женщине, отрицательное влияние рыночных отношений на возможность их трудоустройства и получения ими образования, недостаточное, относительно их доли в населении, место женщин в политических и административных структурах власти. При этом возрастающая активность Китая в международном женском движении свидетельствовала о «намерении Пекина превратить Китай в центр женского движения, и не только в региональном масштабе»²⁴.

²² Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.

²³ Емельянова Т.М. Сравнительное исследование организаций самоуправления в Китае // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. Тез. докл. VIII Межд. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир». М., 1998. С. 47–54.

²⁴ Емельянова Т.М. О реформе органов государственной власти КНР в 1993–1994 гг. // Китай, китайская цивилизация и мир. Сб. докл. и сообщений V Межд. науч. конф. М., 1995. С. 35–44.

Обобщая вышеизложенный материал, можно прийти к выводу о том, что в работах российских исследователей 1990-х годов была достаточно всесторонне проанализирована эволюция политического строя в КНР по мере вступления Китая в новый этап политики реформ и открытости, характеризовавшийся ее углублением на фоне ускоряющейся дифференциации китайского общества и усложнения идеологической ситуации в стране по мере нарастания в китайском обществе идейного плюрализма. При этом практически всеми исследователями, в разных интерпретациях, констатировалось сохранение авторитарного политического режима при постепенном развитии процесса демократизации разных сторон общественно-политической жизни, в том числе внутри самой КПК. Следует отметить подтвержденную временем оправданность выдвигавшихся ими прогнозов относительно способности правящей партии, несмотря на острые социальные и идеологические противоречия в стране, обеспечить длительное сохранение социально-политической стабильности и преемственность идеологического курса КПК (в том числе сохранение авторитета Мао Цзэдуна как вождя китайской революции), опираясь прежде всего на весьма эффективную экономическую политику.

Т. Г. ГЕРАСИМОВА

Об изучении истории КПК в СССР и России

Рассматриваются различные этапы исследования истории КПК на фоне изучения новейшей истории Китая в бывшем СССР и России. На основе работ советских и российских ученых, изданных в начале 1950 — 2000-х годах, автор выделяет проблемы, которые стояли в центре внимания наших историков, а также прослеживает постепенное переосмысление и углубление некоторых направлений деятельности КПК под влиянием новых исторических и политических условий. Подчеркивается, что богатый исторический материал, представленный в этих научных трудах, является основой для последующих исследований.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, история КПК, Компартия Китая, СССР, новейшая история Китая, китаеведение, историография.

Российские и советские исследования по истории Китая неразрывно связаны с изучением истории Коммунистической партии Китая. Исследовательская работа по данному направлению в бывшем Советском Союзе и России осуществлялась параллельно с развитием революционной ситуации в Китае в 1920–1940-х годах, с эволюцией отношений между компартиями Китая и Советского Союза, между двумя государствами после образования КНР.

В течение длительного времени между компартиями Китая и Советского Союза существовали тесные, дружеские отношения. В отличие от ученых других стран, у российских историков имелись преимущества. У них была возможность ознакомления в период революционного движения в Китае (1920–1949) с различного рода информацией, включая партийные документы КПК. Представители Коминтерна и ВКП(б), принимавшие участие в революционном процессе в Китае, или работавшие в Китайской Республике (КР) советские спе-

циалисты изучали ситуацию внутри страны и процесс принятия решений высшим руководством КПК. Некоторые историки также имели доступ, хотя и ограниченный, к архивным материалам Коминтерна, Политбюро ЦК КПСС и МИД СССР. Многие из них, кроме того, были участниками революционного движения в Китае и позднее — социалистического строительства в КНР¹.

Как известно, репрессии второй половины 1930-х годов и Вторая мировая война нанесли огромный урон советскому китаеведению. После войны китаеведов осталось немного, пришлось готовить новые кадры. Со второй половины 40-х до середины 60-х годов XX столетия начинается восстановительный этап исследований истории КПК в Советском Союзе, совпадающий с послевоенным периодом советско-китайской дружбы. Исследования по проблемам Китая возобновились только в конце 1940-х годов. Победа демократической революции в Китае в 1949 г., образование нового Китая, отношения дружбы, взаимопомощи и сотрудничества между двумя странами значительно способствовали развитию советского китаеведения.

Созданный в Ленинграде Институт востоковедения Академии наук СССР в 1950 г. переехал в Москву, был слит с Тихоокеанским институтом, в результате чего возник новый Институт востоковедения. Отдел Китая, образованный в этом НИИ, стал центром исследований проблем Китая в структуре АН СССР. В октябре 1956 г. с целью всестороннего и глубокого исследования Китая было принято решение о создании в Москве еще одного специализированного научно-исследовательского учреждения — Института китаеведения Академии наук СССР, которому с 1957 г. было разрешено издавать научный журнал «Советское китаеведение» периодичностью шесть номеров в год².

В конце 1959 — начале 1960-х годов советско-китайские отношения начали ухудшаться, что очень сильно отразилось на китаеведении. В конце 1960 г. Н.С. Хрущев дал указание объединить Институт китаеведения и Институт востоковедения и образовать Институт народов Азии. Созданный в этом институте Отдел Китая обладал определенной самостоятельностью. Журнал «Советское китаеведение»

¹ Говай чжунгун данши яньцзю шупин (Обозрение зарубежных исследований по истории КПК) / Гл. ред. Лян И, Ли Сянцзянь. Пекин, 2005.

² Тихвинский С.Л. Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды: инф.-библиогр. справочник / Сост. В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова; отв. ред. М.Л. Титаренко; науч. консультант С.Л. Тихвинский. М., 2006. С. 7–15 (далее — Институт Дальнего Востока. 50 лет); Документы из Архива РАН // Там же. С. 19.

успел выйти только в четырех номерах, был закрыт и впоследствии переименован в «Народы Азии и Африки».

Обострение идеологической полемики между КПК и КПСС привело к тому, что основной задачей Отдела Китая Института народов Азии стала подготовка материалов для проведения руководством КПСС полемики с КПК. В 1964 г. большая часть сотрудников этого Отдела была переведена в Институт экономики мировой социалистической системы, после чего в этом НИИ был образован Отдел истории, ставший предшественником созданного позднее Института Дальнего Востока АН СССР³.

Несмотря на то что в конце 1950-х — начале 1960-х годов научно-исследовательские учреждения непрерывно реорганизовывались, исследования истории китайской революции велись не прекращаясь. Советские ученые по разным каналам получали из Китая большое количество документальных материалов по истории КПК, в том числе переизданные в Китае печатные издания КПК раннего периода.

Важным обстоятельством, определившим во многом содержание и уровень исследований, была предоставленная, в частности Институту Дальнего Востока (ИДВ), редкая в те годы возможность использовать коллекцию документов о Компартии Китая в архиве Коминтерна и документы его руководящих органов, относящиеся к Китаю, материалы представителей ИККИ в Китае и другие ценные первоисточники. Разработка архивных материалов создала особо благоприятные условия для выполнения задач, стоявших перед историками института. Широким фронтом осуществлялось исследование основных событий и процессов в истории КПК и китайской революции, отношениях между ВКП(б), Коминтерном и КПК, и на этой основе шла подготовка к написанию очерков, а затем и обобщающих трудов по истории КПК и КНР⁴.

Кроме того, важным историческим материалом для советских ученых стали изданные в начале 1950-х годов «Избранные произведения» Мао Цзэдуна⁵. Многие ученые Института востоковедения Академии наук СССР, Института китаеведения, Института народов Азии, а также Института стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, Московского государственного института международных отношений (МГИМО)

³ Институт Дальнего Востока. 50 лет. С. 15; *Титаренко М., Барышников В.* Выдающийся ученый-китаевед и организатор науки Михаил Иосифович Сладковский (к 50-летию ИДВ РАН и 100-летию со дня рождения М.И. Сладковского) // ПДВ. 2006. № 2. С. 83.

⁴ *Глушин В., Григорьев А.* Изучение истории Китая в ИДВ РАН // ПДВ. 1996. № 5. С. 95–96.

⁵ *Мао Цзэ-дун.* Избр. произведения, в 4 т. / Пер. с кит. М., 1952.

МИД СССР, Ленинградского и Дальневосточного государственных университетов (ЛГУ и ДВГУ) развернули исследования по проблемам истории Китая. В этот период росло число исследовательских тем, но специально историей КПК не занимались. Основные усилия были сосредоточены на новейшей истории (*сяньдайши*), более половины исследований были посвящены изучению современной политики.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов многие ученые, например Г.В. Ефимов, Г.Б. Эренбург, М.Ф. Юрьев и В.Н. Никифоров⁶, основываясь на объемном историческом материале, используя результаты довоенных исследований, подготовили ряд обзорных работ.

В этих работах была сохранена теория деления китайской революции на три периода, предложенная советскими историками еще до 1950-х годов. Собранный в работах богатый исторический материал был востребован в последующих исследованиях.

В 1950-е годы в СССР вышло большое количество специализированных исторических трудов, в которых исследовались различные периоды истории китайской революции. Советские ученые описывали, что представляла собой китайская революция, но не указывали при этом особенности революционного процесса. Вот почему некоторые ученые, в частности В.Н. Никифоров⁷, называют это время «очерковым» этапом исследований истории китайской революции. Работы, подготовленные в эти годы, по стилю написания и по форме изложения по большей части напоминают учебники или учебные справочники.

Главным достижением исследовательской работы советских историков на этом этапе стал коллективный труд Института китаеведения АН СССР «Очерки истории Китая в новейшее время» под редакцией А.С. Перевертайло; авторский коллектив — Т.Н. Акатова, Г.В. Астафьев, В.И. Глунин, Б.П. Гуревич, Н.П. Виноградов, В.П. Илюшечкин, К.В. Кукушкин, А.Г. Крымов, А.В. Меликсетов, Б.А. Митбрейт, А.С. Мурзин, В.И. Семанов, Г.Д. Сухарчук⁸.

Авторы стремились изложить историю Китая в новейшее время в рамках системного анализа, показать внутреннюю и международную

⁶ Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949, 1951; Эренбург Г.Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время / Под ред. А.А. Губера. М., 1951; Никифоров В., Эренбург Г., Юрьев М. Народная революция в Китае. Изд. 2, испр. и доп. М., 1953.

⁷ Никифоров В.Н. Конец «очеркового» этапа в изучении полуколониального периода в истории Китая // НАА. 1961. № 6. С. 160–164.

⁸ Очерки истории Китая в новейшее время / Ред. коллегия: А.С. Перевертайло (отв. ред.) и др. М., 1959.

обстановку, характер освободительной борьбы и социалистическое строительство в стране, раскрыть великую организующую роль Коммунистической партии Китая. Они попытались обобщить не только историю китайской революции, но и историю начального периода Китайской Народной Республики. Недостатками этой работы, полагали советские ученые, были отсутствие анализа «Резолюции по некоторым вопросам истории» КПК и «Избранных произведений» Мао Цзэдуна, полное заимствование терминологии и выводов китайской исторической науки, использование традиционной периодизации революционной войны, принятой у китайских историков⁹.

На восстановительном этапе советские ученые прилагали также немало усилий для исследования истории Народно-освободительной армии Китая (НОАК), гражданской войны в Китае, а также руководящей деятельности КПК в вооруженном противостоянии с вооруженными силами Гоминьдана.

В этой связи можно упомянуть работы М.Ф. Юрьева «Роль революционной армии на первом этапе китайской революции» и «Красная армия Китая»¹⁰; Б.Г. Сапожникова «Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк»¹¹; А.А. Мартынова «Славная народно-освободительная армия Китая»¹²; В.И. Глунина «Третья гражданская революционная война в Китае (1946–1949 гг.). Очерк политической истории»¹³. Опубликованы исследования В.Н. Никифорова «Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937–1945 гг.)»¹⁴; В.П. Илюшечкина «Борьба КПК за победу народно-демократической революции в 1931–1940 гг.»¹⁵; К.В. Кукушкина «Подъем национально-освободительного движения в Китае накануне антияпонской вой-

⁹ См. подробнее: *Ефимов Г.В.* Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Ч. IV. Л., 1980. С. 35–40.

¹⁰ *Юрьев М.Ф.* Роль революционной армии на первом этапе китайской революции / Под ред. Г.Б. Эренбурга. М., 1952; *он же.* Красная армия Китая. М., 1958.

¹¹ *Сапожников Б.Г.* Первая гражданская революционная война в Китае 1924–1927 гг. Военно-исторический очерк. М., 1954.

¹² *Мартынов А.А.* Славная народно-освободительная армия Китая. М., 1957.

¹³ *Глунин В.И.* Третья гражданская революционная война в Китае (1946–1949 гг.). Очерк политической истории / Отв. ред. Г.В. Астафьев. М., 1958.

¹⁴ *Никифоров В.Н.* Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937–1945 гг.). М., 1950.

¹⁵ *Илюшечкин В.П.* Борьба КПК за победу народно-демократической революции в 1931–1940 гг. / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952.

ны»¹⁶; В.И. Глунина «Борьба КПК за победу народной демократии в период третьей гражданской революционной войны (1946–1949 гг.)»¹⁷. Большое внимание в этих работах уделялось этапам развития единого фронта в Китае.

В работах Т.Н. Акатовой «Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка»¹⁸ и А.И. Картуновой «Рабочее движение в Шанхае с 1925 г. по апрель 1927 г.»¹⁹ говорилось об отдельных периодах рабочего движения в Китае. Книги В.Н. Никифорова «Гоминьдановские реакционеры — предатели Китая (1937–1945 гг.)»²⁰; Ю.М. Гарушянца «Движение 4 мая 1919 года в Китае»²¹ и Н.Д. Коробова «Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944–1946 гг.»²² посвящены антиимпериалистической борьбе китайского народа и его борьбе за демократию. Некоторые ученые, используя архивные материалы, занимались исследованиями советско-китайских отношений. Назовем работы М.С. Капицы «Советско-китайские отношения»²³ и М.А. Персика «Дальневосточная республика и Китай. 1920–1922 гг.»²⁴.

Много статей и исторических материалов по проблемам китайской истории публиковалось на страницах таких изданий, как «Советское китаеведение», «Народы Азии и Африки», «Вопросы востоковедения», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Вестник Московского университета», «Вестник Ленинградского университета» и др.

Новый этап изучения истории КПК в СССР прослеживается в период противостояния КНР и СССР (с середины 60-х до первой половины 80-х годов XX столетия). В 1960-е годы КПК и КПСС, КНР и СССР от расхождений во взглядах пришли к расколу, а к середине 1960-х годов оказались в ситуации противостояния, что серьезным образом сказалось на характере советских исследований истории КПК

¹⁶ Кукушкин К.В. Подъем национально-освободительного движения в Китае накануне антияпонской войны / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954.

¹⁷ Глунин В.И. Борьба КПК за победу народной демократии в период третьей гражданской революционной войны (1946–1949 гг.) / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954.

¹⁸ Акатова Т.Н. Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М., 1959.

¹⁹ Картунова А.И. Рабочее движение в Шанхае с 1925 г. по апрель 1927 г. / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1960.

²⁰ Никифоров В.Н. Гоминьдановские реакционеры — предатели Китая (1937–1945 гг.). М., 1953.

²¹ Гарушянец Ю.М. Движение 4 мая 1919 года в Китае. М., 1959.

²² Коробов Н.Д. Борьба КПК за мир и демократию в Китае в 1944–1946 гг. / Политическое консультативное совещание 1946 г. Саратов, 1959.

²³ Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958.

²⁴ Персик М.А. Дальневосточная республика и Китай. 1920–1922 гг. М., 1962.

и истории китайской революции. В советской историографии китайской революции усилились элементы политизации. Советские историки отказались от ряда прежних установок и взглядов, перейдя на позиции критики линии, курса и политики КПК, Мао Цзэдуна и его идей.

В сентябре 1966 г. в целях интенсификации исследований проблем Китая в Академии наук СССР был создан Институт Дальнего Востока, основной задачей которого стало исследование внутренней и внешней политики, экономики, истории, идеологии и культуры Китая. В сфере исследований китайского коммунистического движения в СССР сначала происходила переоценка важных событий в истории КПК, роли руководителей КПК и, кроме того, стали предприниматься попытки показать историю КПК в контексте ее связей с КПСС и СССР.

Фактически на этом этапе часть советских ученых, используя свои знания, со всех сторон критиковала внутреннюю и внешнюю политику КПК с 1960-х годов. В публикуемых ими работах присутствовали элементы полемики, но не было сколько-нибудь научных оценок. Другие же, не желая участвовать в полемике, переключились на исследование раннего периода истории КПК. И хотя установки и взгляды таких ученых тоже оказались под влиянием идеологической борьбы между КПК и КПСС, научный уровень издаваемых ими трудов был достаточно высок, исследования по ряду проблем были довольно глубокими.

В китаеведении шаг за шагом разворачивалась работа по всем периодам истории КПК. Полемика повлияла на характер исследований истории Компартии Китая в СССР, но в то же время она способствовала переходу к более объективному изучению истории КПК на базе архивных документов.

Советские ученые расширяли источниковедческую базу как за счет архивных документов, так и на пути привлечения материалов «для внутреннего пользования». На их основе они исследовали важные события и основные этапы развития истории КПК, истории китайской революции и истории Китайской Народной Республики.

Важной вехой в изучении истории Китая специалистами ИДВ стала изданная в 1972 г. книга под заголовком «Новейшая история Китая (1917–1970)»²⁵, главными авторами которой являлись В.И. Глунин, А.М. Григорьев, К.В. Кукушкин, В.Н. Никифоров. В целом эту работу можно назвать «обзорной»; в то же время авторы, используя много новых исторических документов, провели глубокое исследование по

²⁵ Новейшая история Китая (1917–1970) / Отв. ред. М.И. Сладковский. М., 1972.

ряду проблем. Эта книга получила единодушное одобрение советских историков и в течение длительного времени использовалась в качестве учебника в востоковедческих вузах. Периодизация и трактовка важных событий в этой книге сохранили свое значение для исторической науки наших дней.

В 1974 г. была издана задуманная как учебное пособие «История Китая с древнейших времен до наших дней». Ее ответственными редакторами были Л.В. Симоновская и М.Ф. Юрьев²⁶. В написании книги участвовали коллектив кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки при МГУ и сотрудники Института востоковедения, Института Дальнего Востока, Института этнографии, Института научной информации по общественным наукам АН СССР. В освещении истории Китая трактовка важных событий давалась с позиций марксистско-ленинской методологии, ставилась также задача «разоблачения империалистических и шовинистических концепций [истории] страны»²⁷. Содержатся главы, подготовленные В.И. Глуниным и А.М. Григорьевым, в которых исследуется период китайской истории после образования КНР и до начала 1970-х годов.

В 1970-е годы историками Института Дальнего Востока с использованием архивных материалов был подготовлен ряд специальных работ, посвященных отдельным периодам истории КПК. Так, в 1975 г. В.И. Глунин издал двухтомный труд, насыщенный архивными документами, — «Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.)»²⁸. Впервые в отечественной историографии на основе изучения архивных фондов Коминтерна рассматривались все важнейшие решения руководящих органов Коммунистического Интернационала и деятельность его представителей в Китае; также исследовались документы руководства КПК, материалы ее прессы по основным вопросам политики партии в 20-е годы, в особенности «связанные с разработкой и осуществлением политики единого национального фронта»²⁹.

Тогда же и позднее в статьях В.И. Глунина, опубликованных в различных научных журналах и тематических сборниках, был освещен ряд узловых событий истории КПК в 1920-е годы и в годы образования КНР. Им были выдвинуты новые подходы к решению таких

²⁶ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Глунин В.И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921–1927 гг.). В 2 кн. М., 1975.

²⁹ Глунин В., Григорьев А. Изучение истории Китая в ИДВ РАН. С. 97.

проблем, как характер и движущие силы революции 1925–1927 гг., причины и содержание внутрипартийной борьбы в КПК³⁰.

В 1976 г. под грифом ИДВ вышла монография А.М. Григорьева «Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 — сентябрь 1931)»³¹, также основанная на архивных материалах. Книга была переиздана в сокращенном и переработанном виде в 1980 г. под названием «Революционное движение в Китае. 1927–1931 гг. Проблемы стратегии и тактики»³². В ней автор исследовал процесс формирования политики создания советов в Китае, образование советских районов и вооруженных сил КПК, аграрно-крестьянскую политику Коминтерна и КПК того времени.

Исследования по Китаю в данный период имели свою специфику. Изданные на архивных материалах, эти работы были закрытыми, выходили с грифом «для служебного пользования», рассылались по списку и не продавались. В открытом доступе они все чаще стали встречаться после 1990 г.

Работа советских историков по публикации документов и других первоисточников продолжалась. В 1977 и 1981 гг. были изданы два тома документов по истории Коммунистической партии Китая, охвативших период с 1920 по 1937 г.³³ В 1986 г. вышел сборник документов «Коммунистический Интернационал и китайская революция»³⁴. С 1984 по 1987 г. были изданы труды Ван Мина³⁵.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов результатом всесторонних исследований наших историков стала публикация ряда коллективных обзорных и тематических работ. Из тех, что имели отношение к истории КНР, — краткий очерк, обобщающий историю КНР, за 1949–1979 гг. (руководитель работы К.В. Кукушкин)³⁶, и разделы о КНР в

³⁰ См.: Научные труды сотрудников Института Дальнего Востока Российской академии наук (1966–1991). Библиографический указатель. М., 1992. С. 55, 129–130.

³¹ Григорьев А.М. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 — сентябрь 1931). М., 1976.

³² Григорьев А.М. Революционное движение в Китае. 1927–1931 гг. Проблемы стратегии и тактики. М., 1980.

³³ Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1949 гг., в 4 т. / Редкол.: М.И. Сладковский (гл. ред.) и др. Т. 1. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1927 гг. В 4 кн. М., 1977; Т. 2. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1927–1937 гг. В 5 кн. М., 1981.

³⁴ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986.

³⁵ Ван Мин. Собр. соч., в 4 т. М., 1984–1987.

³⁶ КНР: Краткий исторический очерк (1949–1979). М., 1980.

общеакадемическом издании «Всемирная история»³⁷, написанные В.И. Глуниным, А.М. Григорьевым и С.Л. Тихвинским.

Период до 1949 г. был отражен в коллективных трудах «Новейшая история Китая (1917–1927)» и «Новейшая история Китая (1928–1949)»³⁸. В подготовке этих книг участвовали не только специалисты Института Дальнего Востока, но и ряд историков из других научных центров Москвы.

С 1975 г. открывается продолжающееся (чаще всего ежегодное) информационно-справочное издание ИДВ АН СССР. Сборник «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году»³⁹ подвел черту изданию ежегодников под грифом «для служебного пользования», выходявших с 1969 г. Исследования и информативные материалы советских и российских китаеведов в первых ежегодниках характеризовались хорошим качеством и в духе времени выдерживали четкую научно-политическую направленность. Продолжающееся издание ставило своей целью систематизацию основных сведений о социально-экономическом устройстве, истории, политике и культуре КНР. Первое открытое издание ежегодника включало сведения, относящиеся не только к 1973 г., но и к истории Китая предшествующего периода, в частности, содержало краткие исторические справки о создании КПК и КНР. Эволюция характера справочных материалов, поиск учеными СССР и России новых методов исследования в связи с требованиями времени, стремление к всестороннему охвату событий в КНР — четко прослеживаются в этой серии, которая продолжает выходить и в наши дни.

В исследованиях по истории КПК ученые значительно продвинулись вперед. Подготовленные ими труды можно разделить на три категории.

К первой категории относятся сборники документальных материалов, создавшие необходимую основу для углубления исследований. Среди них — «Движение 4 мая 1919 г. в Китае»⁴⁰, «Рабочее движение в Китае 1945–1949 гг.»⁴¹, «Документы по истории Коммунистической

³⁷ Всемирная история, в 13 т. Т. XI. М., 1979; Т. XII. М., 1983.

³⁸ Новейшая история Китая (1917–1927) / Гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1983; Новейшая история Китая (1928–1949) / Гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1984.

³⁹ Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975.

⁴⁰ Движение 4 мая 1919 г. в Китае. Документы и материалы / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1969.

⁴¹ Рабочее движение в Китае 1945–1949 гг. Документы и материалы. М., 1969.

партии Китая. 1920–1949 гг.»⁴², «Коммунистический Интернационал и китайская революция»⁴³ и др.

Ко второй категории можно отнести мемуарную литературу. В 1960-е годы появились многочисленные мемуары советских советников и добровольцев, принимавших участие в революционной борьбе в Китае. Например, воспоминания А.И. Черепанова, С.А. Далина, А.В. Благодатова, Ю.В. Чудодеева⁴⁴ и др. Мемуары содержат конкретный материал о помощи Советского Союза Китаю в деле китайской революции. Эта литература вносит новую струю в исследование проблем и передает атмосферу времени.

Одновременно советские китаеведы издали ряд мемуаров о ситуации внутри руководства КПК и контактах руководителей Китая с представителями СССР, Коминтерна и советскими дипломатами, находившимися в Китае⁴⁵.

В этой литературе было представлено большое количество важных исторических фактов, хотя некоторые воспоминания и являлись весьма тенденциозными и неточными. К примеру, «Особый район Китая» П.П. Владимирова (в китайском варианте — «Яньаньский дневник») частично был составлен из материалов, набранных из разных источников⁴⁶.

В третью категорию входят коллективные монографии обобщающего характера. Например, работы Института Дальнего Востока — «Очерки истории Коммунистической партии Китая, 1921–1969», «Новейшая история Китая, 1917–1970»; «Новейшая история Китая (1917–1927)» и «Новейшая история Китая (1928–1949)»⁴⁷, совместная работа

⁴² Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920–1949 гг. Т. 1, в 4 кн. М., 1977; Т. 2, в 5 кн. М., 1981.

⁴³ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986.

⁴⁴ См.: *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае: Из истории первой гражданской революционной войны (1924–1927 гг.). М., 1964, 1971; *он же.* Северный поход национально-революционной армии Китая (Записки военного советника). М., 1968; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1970; *Далин С.А.* Китайские мемуары: 1921–1927. М., 1975; На китайской земле: воспоминания советских добровольцев, 1925–1945 / Сост. Ю.В. Чудодеев. 2-е изд., доп. М., 1977.

⁴⁵ См.: *Владимиров П.П.* Особый район Китая (1942–1945). М., 1974; *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). М., 1974; *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М., 1983 и др.

⁴⁶ Китай во время войны — из цикла «Цена Победы» // Эхо Москвы. 4 августа 2008 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/530978-echo/>

⁴⁷ Очерки истории Коммунистической партии Китая, 1921–1969 / Отв. ред. М.И. Сладковский. М., 1971; Новейшая история Китая (1917–1970); Новейшая история Китая (1917–1927); Новейшая история Китая (1928–1949).

ИДВ и ИСАА МГУ «История Китая с древнейших времен до наших дней» (есть раздел, посвященный новейшей истории)⁴⁸. Во всех этих трудах основное внимание уделено истории КПК, очень подробно выполнены исторические описания, однако теоретическое обобщение и анализ еще недостаточно глубоки.

Труды, изданные до середины 1980-х годов, были написаны историками-профессионалами, характеризовались высоким научным уровнем, одновременно носили печать политизации, выдвигая задачу «разоблачения империалистических и шовинистических концепций истории страны». Прослеживается стойкая критическая позиция в отношении Мао Цзэдуна и его идей.

Советские ученые постепенно разворачивали исследования определенных периодов истории КПК, системно изучали и обсуждали исторический период образования КПК и период «великой революции 1925–1927 гг.» в Китае. Эту задачу авторы решали на основе предыдущих достижений советского китаеведения и собственных исследований. Что касается других исторических периодов истории партии, то они также исследовались, однако не так пристально, как вышеназванные.

Как мы уже отмечали, с середины 1960-х годов до первой половины 1980-х для изучения истории КПК привлекались архивные материалы. Однако, обратим внимание, ссылки на них можно было давать только в урезанном виде, т.е. они не были полными. Увеличилось число тематических исследований. Несложно заметить, что ключевой темой советских исследований была проблема отношений Коминтерна и китайской революции. Однако в трудах, опубликованных в эти годы, имела место склонность к апологии политики Коминтерна и ВКП(б), а на многих работах лежал отпечаток идейно-политической полемики между руководством КПК и КПСС.

С 1972 г. в Институте востоковедения были организованы ежегодные научные конференции на тему «Общество и государство в Китае». На них происходит обмен мнениями по результатам исследований в области как новейшей, так и древней истории Китая. По материалам конференций издавались и издаются сборники докладов и статей. В Ленинградском государственном университете также проводились периодически научные конференции по истории и историографии Китая.

С 1976 г. в Институте Дальнего Востока проходят ежегодные научные конференции, посвященные проблемам новейшей истории Ки-

⁴⁸ История Китая с древнейших времен до наших дней. С. 253–516.

тая. По окончании конференций доклады и статьи ученых и специалистов публикуются в сборниках материалов научных конференций по новейшей истории Китая. С 1972 г. в ИДВ издается журнал «Проблемы Дальнего Востока». Это издание носит научно-политический характер. Журнал распространяется в России и за ее пределами — на русском и английском языках. В качестве авторов статей по различным темам нередко привлекаются зарубежные ученые. Журнал играл и играет важную роль в установлении научных контактов отечественных китаеведов с учеными всего мира.

В первой половине 1980-х годов внешняя политика Китая была упорядочена, в 1982 г. начались контакты дипломатов обеих стран. В напряженных советско-китайских отношениях стали появляться признаки потепления, но советские историки не сразу отреагировали на эти изменения. На данном этапе, исходя из потребностей полемики и в поисках исторических истоков политики, проводимой руководством КПК, ИДВ АН СССР превратился в центр исследований Китая в СССР.

Со второй половины 1980-х годов до наших дней в бывшем СССР и в России осуществляется процесс переосмысления и углубления исследований по истории КПК, советско-китайских отношений.

В июле 1986 г. М.С. Горбачёв заявил во Владивостоке о своем стремлении к объединению усилий с Китаем во всех сферах государственных отношений, о необходимости устранения «трех больших препятствий» и нормализации двусторонних отношений. Это заявление нашло активный отклик с китайской стороны, после чего начался процесс нормализации советско-китайских отношений. В эти годы советские историки окончательно изменили свою позицию по отношению к Китаю и в духе указаний Горбачёва о всесторонней перестройке Советского Союза, выдвинутых им на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС, под лозунгом перестройки исторической науки начали переосмысление прежних исследований в сфере китаеведения.

Советские ученые считали, что «исследования в сфере китаеведения в СССР слишком политизированы и зачастую низводятся до пропагандистского уровня удовлетворения насущных политических потребностей», советские историки «должны из политической прислуги превращаться в политических советников и партнеров. Руководители не должны отдавать распоряжения историкам, не должны указывать им, какие выводы делать. Наоборот, они должны определять и при необходимости корректировать свою политику в соответствии с пред-

ложениями специалистов». Советские ученые должны овладевать материалистической диалектикой, используя ее как теоретическую основу исследований Китая, до конца следовать принципам историзма. Некоторые историки указывают на то, что самой важной гарантией здорового развития советского китаеведения являются последовательная принципиальность, объективность, независимость и непредвзятость в оценках фактов и явлений⁴⁹.

Во второй половине 1980-х годов благодаря «новому мышлению» перестройки и «открытости» были ликвидированы многие идеологические препятствия на пути научных изысканий, проводимых советскими исследователями. Историки бывшего СССР постепенно освобождались от идейно-политических оков и традиционных моделей мышления, по-новому смотрели на результаты прежних исследований, по-новому давали оценки некоторым фактам и личностям в истории КПК, Коминтерна и китайской революции. В общественных науках, в том числе в области исследований истории КПК, начался поиск и обсуждение новых методов познания. Отмечалось, что по ряду направлений исследований политической истории Китая в прежних трудах и сочинениях имелись серьезные пробелы, что субъективно и объективно в них существуют слабые места, так называемые «белые пятна», и очевидна нехватка теоретической и методологической терминологии при изучении исторического развития восточных стран. Вот почему, полагали ученые, необходимо поднять на новый уровень исследования истории Китая, используя при этом новый понятийный аппарат и новую методологию. По этой теме вышли работы Л.А. Березного «Дискуссионные проблемы общей концепции истории китайской революции»⁵⁰; В.И. Глунина и А.М. Григорьева «Концепции истории Китая в новейшее время: поиск новых подходов»⁵¹, Н.Л. Мамаевой «О некоторых подходах к оценке политики Коминтерна в Китае (к дискуссии о политике Коминтерна)»⁵². В них по-

⁴⁹ Цит. по: *Титаренко М.Л.* Советское китаеведение и перестройка // ПДВ. 1989. № 2. С. 17–29; Российское китаеведение: Краткий справочник / Сост. Ф.Б. Белелюбский и др. // ИБ ИДВ РАН, № 11. М., 1994. С. 8–9; *Лукин А.В.* Советское китаеведение и политика // Восток // ПДВ. 1991. № 2. С. 216–221.

⁵⁰ *Березный Л.А.* Дискуссионные проблемы общей концепции истории китайской революции // Вестник ЛГУ. 1990. Сер. 2. Вып. 2.

⁵¹ *Глунин В.И., Григорьев А.М.* Концепции истории Китая в новейшее время: поиск новых подходов // ПДВ. 1991. № 2.

⁵² *Мамаева Н.Л.* О некоторых подходах к оценке политики Коминтерна в Китае (к дискуссии о политике Коминтерна) // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993.

дробно анализировались некоторые понятия, например, этапы китайской революции, «полуколониальное, полуфеодальное общество», «новая демократическая революция»; кроме того, указывалось, что в исследовательской работе присутствуют односторонние, догматические, устаревшие модели мышления⁵³.

После распада СССР, изменения государственной и политической системы российские историки окончательно преодолели крайнюю степень идеологизированности и политизированности, свойственную ряду предыдущих исследований, и перевели исследовательскую работу в новое русло. По мере того как постепенно в РФ открывались архивы, исследования истории КПК и новейшей истории Китая в России получили значительное развитие, научная мысль становилась все более живой, ширилось многообразие научных взглядов, непрерывно углублялся научный подход.

На этом этапе основные исследования российских ученых в области истории КПК и новейшей истории Китая сосредоточились на двух направлениях.

Для *первого направления* стали характерны активный поиск, упорядочение и издание архивных и других исторических материалов, углубление исследований о политике Коминтерна в Китае, а также истории о развитии советско/российско-китайских отношений.

Основное научное учреждение по исследованиям новейшей истории Китая в России — Институт Дальнего Востока Российской Академии наук принял решение сосредоточить с 1993 г. научно-исследовательские силы на нескольких главных программах, тесно связанных с поиском и исследованием новых архивных документов. Центральное место среди публикаций архивных документов занимает издание сборника архивных документов в серии под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай». Работа по выпуску серии осуществлялась ИДВ РАН в сотрудничестве с Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) и учеными Восточноазиатского семинара Свободного университета Берлина.

Вышли 5 томов серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай»⁵⁴. Каждый имеет свое название. Первый том увидел свет в 1994 г. (М.Л. Тита-

⁵³ См.: *Березный Л.А.* Дискуссионные проблемы общей концепции истории китайской революции. С. 10–20; *Мамаева Н.Л.* О некоторых подходах к оценке политики Коминтерна в Китае. С. 295–306.

⁵⁴ Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Публикация источников как характерная черта развития исторической науки о Китае в России 90-х гг. XX в. — начала 2000-х гг. // ПДВ. 2014. № 3. С. 32–44.

ренко, Го Хэньюй — руководители работы). Второй (в двух книгах) вышел в 1996 г.; третий в двух книгах — в 1999 г., четвертый в двух книгах и пятый тома были изданы в более поздний период — в 2003 и 2007 гг.⁵⁵. Работой над томами со второго по пятый руководили М.Л. Титаренко и М. Лейтнер.

Документы, собранные в этих томах, представляют собой большую научную ценность, помогают выделить ключевые моменты и цели политики ВКП(б), Коминтерна в отношении Китая, определить исторические закономерности формирования и изменения этой политики, еще глубже понять позицию и тактику руководителей ВКП(б) и Коминтерна в отношении китайских персоналий, военно-политических группировок и значимых событий. Они дают более полную информацию о деятельности в Китае представителей Коминтерна, советских дипломатических представителей и советников; повествуют об общности их взглядов и расхождениях по ряду вопросов. И, таким образом, способствуют постепенному углублению исследований истории КПК, истории китайской революции, истории отношений Коминтерна и китайской революции, а также исследований в отношении некоторых важных исторических личностей.

В 1994 и 1998 гг. вышел в двух частях сборник документов «Коминтерн и Вторая мировая война»⁵⁶, изданных совместно Институтом всеобщей истории РАН и РГАСПИ. В этом сборнике содержатся также документы по теме «Коминтерн и Антияпонская война», весьма полезные для изучения политики Коминтерна и КПК в годы японо-китайской войны.

Российские ученые А.М. Ледовский, Б.Т. Кулик, К.В. Шевелёв, Н.Т. Федоренко, С.Н. Гончаров внесли свежую струю в расширение источниковедческой базы изучения истории КПК, Коминтерна и советско/российско-китайских отношений⁵⁷.

⁵⁵ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы, в 5 т. Т. 1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М., 1994; Т. 2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927. В 2-х ч. М., 1996; Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. В 2-х ч. М., 1999; Т. 4. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х ч. М., 2003; Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943. М., 2007.

⁵⁶ Коминтерн и Вторая мировая война. Сб. документов / Сост. М.М. Наринский. Ч. 1. М., 1994; Ч. 2. М., 1998.

⁵⁷ См.: Ледовский А.М. Секретная миссия А.И. Микояна в Китае в январе–феврале 1949 г. // ПДВ. 1995. № 2, 3. С. 96–111; он же. Визит в Москву делегации КПК в июне–августе 1949 г. // Там же. 1996. № 4, 5; он же. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе–сентябре 1952 г. // Там же. 1997. № 2; Кулик Б.Т. Ки-

Большой резонанс в среде китаеведов вызвали воспоминания и мемуары Б.Н. Верещагина, О. Трояновского, А.А. Брежнева⁵⁸ и др.

На данном этапе ученые бывшего СССР и России, используя раскритиченные архивы Коминтерна, провели глубокие исследования по проблемам политики Коминтерна относительно китайской революции и опубликовали ряд статей на эту тему. Так, В.И. Глунин и А.М. Григорьев в статье «Коминтерн и китайская революция»⁵⁹ проанализировали серьезные ошибки Коминтерна по отношению к Китаю и причины, породившие эти ошибки. В другой статье — «Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.)»⁶⁰ А.М. Григорьев полагает, что борьба по вопросам «китайской политики» внутри руководства ВКП(б) и Коминтерна оказала «серьезное негативное влияние на последующее развитие КПК» и, более того, направила руководство КПК по ложному пути в период кризиса революции 1925–1927 гг. и в период поиска выхода из кризиса после тяжелого поражения революции летом 1927 г.⁶¹ В статье «Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна, 1920–1937»⁶² А.М. Григорьев высказывает точку зрения о постепенном «полевении» политики ВКП(б) и Коминтерна в отношении национальной революции. Историк считает, что решения руководства ВКП(б) в мае и июне 1926 г. об отказе поддержать решение Гоминьдана о проведении Северного похода объяснялись прежде всего опасениями о возможном введении западными державами политических и экономических санкций против СССР, опасениями по поводу того, что в действиях гуанчжоуского правительства и Гоминьдана углядят «руку Москвы»⁶³.

тайская Народная Республика в период становления (1949–1952) // Там же. 1994. № 5, 6; *Шевелёв К.В., Григорьев А.М.* Новые материалы о китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) // Там же. 1994. № 4; См.: *Федоренко Н.Т.* Сталин и Мао. Беседы в Москве // Там же. 1989. № 1. С. 149–164; Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. И.В. Ковалев, личный представитель И.В. Сталина при Мао Цзэдуне, отвечает на вопросы историка-китаеведа С.Н. Гончарова // Там же. 1991. № 6; 1992. № 1–3. С. 77–91.

⁵⁸ *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999; *Трояновский О.* Через годы и расстояния (история одной семьи). М., 1997; *Брежнев А.А.* Китай: тернистый путь к добрососедству. Воспоминания и размышления (1950–1980). М., 1998.

⁵⁹ *Глунин В., Григорьев А.* Коминтерн и китайская революция // ПДВ. 1989. № 1.

⁶⁰ *Григорьев А.* Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) // ПДВ. 1993. № 2, 3.

⁶¹ Там же. № 2. С. 102–117; № 3. С. 121–125.

⁶² *Григорьев А.М.* Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна, 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала, 1919–1943 гг.: Док. очерки. М., 2002.

⁶³ Там же. С. 293–333.

Необходимо представить монографию Н.Л. Мамаевой «Коминтерн и Гоминьдан (1919–1929)»⁶⁴. Отметим, что специальных монографических исследований на тему отношений Коминтерна и Гоминьдана и до и после появления работы Н.Л. Мамаевой не выходило. Эта книга, таким образом, заполнила данный пробел. Автор полагает, что отношения Гоминьдана с Коминтерном и Москвой сыграли исключительное значение в политической истории Китая. Что касается отношений Гоминьдана с КПК, то, по мнению автора, разрыв с КПК имел губительные последствия для Гоминьдана, так как, лишившись поддержки Коминтерна и китайских коммунистов, Гоминьдан потерял социальную направленность своей политики, что в последующем сильно повлияло на его историческую судьбу.

В работе А.И. Картуновой «Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.)» исследуется военный аспект в политике РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна в отношении Китая⁶⁵. Автор обращает внимание на противоречивость политики Москвы в отношении Северного похода. С декабря 1925 по август 1926 г. Москва решительно выступала против его проведения, несмотря на тот факт, что уже в июле 1926 г. части Национально-революционной армии (НРА) выступили в Северный поход. Позицию Москвы автор объясняет необходимостью укрепления Гуандунской революционной базы — до начала Северного похода, сложной международной обстановкой, в которой находился СССР, конфликтами в районе КВЖД, трениями в отношениях между руководством группы советских военных советников на юге Китая и некоторыми представителями состава НРА, особенно Чан Кайши, а также тем, что северная группа военных советников в НРА работала без усердия⁶⁶. Позиция Москвы изменилась только в конце августа 1926 г. во время успешного продвижения Национально-революционной армии.

Для *другого научного направления* в изучении истории Китая характерна активизация исследований истории КПК в социалистический период, особенно со времени проведения политики реформ и открытости.

После распада СССР и устранения идеологических препятствий российские ученые начали уделять внимание исследованиям истории КПК на этапе социалистического строительства.

⁶⁴ Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан (1919–1929). М., 1999.

⁶⁵ Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

⁶⁶ Там же. С. 80–82.

С 1992 г. в Институте Дальнего Востока помимо издания журнала «Проблемы Дальнего Востока» ежегодно собираются международные научные конференции на тему «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы» и издаются сборники тезисов докладов этих конференций.

В советской историографии изучается содержание и историческое значение VIII съезда КПК, который определил соответствующую условиям Китая генеральную линию строительства социализма и закрепил курс на тесное сотрудничество с социалистическими странами. В 1986 г. на открытии конференции по случаю 30-летия VIII съезда Компартии Китая⁶⁷ академик С.Л. Тихвинский отметил, что историческое значение VIII съезда заключается в том, что он подытожил опыт предыдущих лет, взял курс на всеобъемлющее политическое, экономическое и культурное строительство, поставил задачу превращения Китая в передовую промышленную державу. Директор Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко в своем докладе подчеркнул, что в решениях съезда воплотилась реализация общих закономерностей социализма в условиях КНР. По мнению историка А.И. Картуновой, в советской историографии VIII съезд КПК неизменно получает положительную оценку, и посвященная 30-летию съезда научная конференция является тому свидетельством⁶⁸.

Ряд ученых полагали также, что главная политическая победа Мао Цзэдуна заключалась в том, что VIII съезд КПК одобрил все его социальные эксперименты, дал высокую оценку социалистическим реформам в городе и деревне. И хотя ход работы и решения VIII съезда КПК в общем содержали элементы компромиссного характера, в целом они отражали фактическое соотношение сил в руководстве КПК⁶⁹.

Осуществлялось исследование некоторых этапов истории КПК в социалистический период. Так, например, К.В. Шевелёв в своих работах изучал формирование социально-экономической программы КПК с 1949 до 1956 г.⁷⁰; Н.И. Мельникова исследовала аграрную политику

⁶⁷ 24 сентября 1986 г. ряд институтов АН СССР: ИДВ, ИВ, ИМРД вместе с ИМЛ при ЦК КПСС, ОСКД и Всесоюзной ассоциацией китаеведов провели научную конференцию, посвященную 30-летию VIII съезда Компартии Китая.

⁶⁸ Усов В.Н. VIII съезд КПК и его значение в истории КНР // ПДВ. 1987. № 1. С. 202–205.

⁶⁹ История Китая: Учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 645–647.

⁷⁰ Шевелёв К.В. Из истории Второго пленума ЦК КПК 8-го созыва (ноябрь 1956 г.) // Китай и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. III Межд. науч. конф. Ч. I. М., 1992; *он же*. Из истории кампаний против «трех» и «пяти» злоупотреблений // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тез. докл.

КПК и политику «большого скачка» в Китае⁷¹; В.Н. Усов — историю Китая с 1961 по 1965 г. и историю «великой культурной революции»⁷². Хотя работа по подготовке к изданию сборников архивных документов потребовала больших усилий, исследования истории КПК 1921–1949 гг. и в социалистический период не прерывались, продолжали публиковаться соответствующие статьи и труды.

На рубеже 1980–1990-х, в 1990 — начале 2000-х годов издаются как отдельные работы российских авторов, так и коллективные труды ИДВ, ИСАА. К примеру, Ю.М. Галенович опубликовал работу «Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.)»⁷³; был издан коллективный труд ИДВ «40 лет КНР»⁷⁴; В.Ф. Феоктистов подготовил и опубликовал исследование «Эволюция идейно-теоретической платформы Коммунистической партии Китая в 1976–1987 гг.»⁷⁵; М.Л. Титаренко написал статью «70 лет КПК: опыт и уроки»⁷⁶.

Под редакцией А.В. Меликсетова в 1998 г. вышел учебник «История Китая», подготовленный коллективом авторов ИСАА (один из разделов книги посвящен истории КПК в социалистический период)⁷⁷.

Специальных исследований по истории КПК в социалистический период вышло немного, главные из них: В.Я. Портяков «Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х — первая половина 90-х годов)»⁷⁸; В.Я. Сидихме-

VI Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. II. М., 1995; *он же*. Формирование социально-экономической политики руководства КПК в 1949–1956 гг. (рукопись).

⁷¹ Мельникова Н.И. Аграрная политика КПК в 1955–1956 гг. как этап формирования радикальной программы социалистических преобразований в Китае // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тез. докл. V Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. II. М., 1994.

⁷² Усов В.Н. «Культурная революция» в Китае // Китай: история в лицах и событиях. Ч. 2. М., 1991; *он же*. КНР: от «большого скачка» к «великой культурной революции» (1960–1966), в 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. № 4–5. М., 1998.

⁷³ Галенович Ю.М. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М., 1988.

⁷⁴ 40 лет КНР / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 1989.

⁷⁵ Феоктистов В.Ф. Эволюция идейно-теоретической платформы Коммунистической партии Китая в 1976–1987 гг. М., 1991.

⁷⁶ Титаренко М. 70 лет КПК: опыт и уроки // ПДВ. 1991. № 5.

⁷⁷ История Китая. С. 618–650.

⁷⁸ Портяков В.Я. Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х — первая половина 90-х годов), в 3 ч. // ИБ ИДВ РАН № 10–12. М., 1995.

нов «Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994)»⁷⁹; М.В. Карпов «Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989)»⁸⁰; О.Н. Борох «Современная китайская экономическая мысль»⁸¹; В.Н. Усов «КНР: от „большого скачка“ к „культурной революции“ (1960–1966)»⁸².

На страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока» в статье, посвященной 70-летию образования КПК, М.Л. Титаренко дает оценку процессу развития нового Китая более чем за 40 лет. Как пишет автор, в период социалистического строительства в КНР можно выделить определенные этапы развития стратегии и тактики КПК. Успехи, достигнутые на каждом этапе, и извлеченные из этих этапов уроки обогатили теорию и практику социализма. «В известном, более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме — в условиях Китая — общую тенденцию развития социализма — социалистической идеи — от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму», отразил сложный процесс его эволюции, и в конечном счете «его обогащение и совершенствование»⁸³.

Причины успеха экономических реформ в Китае, считает доктор экономических наук В.Я. Портяков в упомянутой выше работе, заключаются в политической стабильности, обеспечившей благоприятные условия для перехода страны к рыночной экономике, для развития производительных сил, повышения эффективности производства и показателей уровня жизни народа⁸⁴.

В работе «Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска» российский китаевед-экономист Э.П. Пивоварова называет семь особенностей китайских экономических реформ, свидетельствующих о том, что китайские реформы проводятся исходя из реальной ситуации в Китае⁸⁵.

⁷⁹ Сидихменов В.Я. Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994) // ИБ ИДВ РАН. № 12. М., 1996.

⁸⁰ Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М., 1997.

⁸¹ Борох О.Н. Современная китайская экономическая мысль. М., 1998.

⁸² Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966). В 2 ч. М., 1998.

⁸³ Титаренко М.Л. 70 лет КПК: опыт и уроки. С. 3–6.

⁸⁴ Портяков В.Я. Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития. Ч. 1. С. 4–5.

⁸⁵ См.: Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска / Отв. ред. М.Л. Титаренко М., 1999. С. 3–5.

Ученые бывшего СССР и российские китаеведы недостаточно уделяли внимания исследованиям причин «великой культурной революции» в Китае. Так и не появились специальные труды по этой теме, нет и специального исследования социально-экономической истории КНР 1960–1966 гг. Говоря о причинах «великой культурной революции», В.Н. Усов отмечал, что в годы «урегулирования» конкретные шаги по упорядочению народного хозяйства вызвали все большее недовольство Мао Цзэдуна и его ближайших соратников (таких как Цзян Цин, Кан Шэн, Чэнь Бода, Кэ Цинши). В то же время Мао Цзэдун, начав борьбу с внешним ревизионизмом (прежде всего с СССР и Югославией), опасался, что он может оказать губительное влияние на развитие Китая, что некоторые руководители КНР будут копировать внутри страны методы «зарубежного ревизионизма», а в такой ситуации Китай вскоре сможет «пойти по пути ревизионистского развития»⁸⁶. Вот почему Мао Цзэдун принял решение вести борьбу не только с «внешним», но и с «внутренним ревизионизмом».

Относительно оценки «великой культурной революции» были разные мнения ученых. Как правило, ученые бывшего СССР и российские ученые исследовали «великую культурную революцию» в Китае под ракурсом внутривластной борьбы в КПК⁸⁷. Одни определяли период «великой культурной революции» с 1966 до 1969 г., другие — с 1966 до 1976 г. И ученые бывшего СССР, и российские китаеведы полагали, что «великая культурная революция» представляет собой очень сложное явление, наполненное многоуровневыми противоречиями и конфликтами. Проблемы изучались под углом зрения идейно-политической борьбы, не было комплексного изучения «культурной революции».

В 1990-е годы китаеведы перенесли основной акцент на период социалистических реформ и открытости, усилили исследования теории строительства социализма с китайской спецификой, стали уделять все более пристальное внимание изучению различных направлений политики КНР со времени третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва. В 1995 г. в России выходит перевод книги Дэн Жун «Мой отец — Дэн

⁸⁶ Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». Ч. 1. С. 3–4.

⁸⁷ См.: Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве: май 1966 г. — апрель 1969 г., в 4 кн. Кн. 4. «Культурная революция» в Китае. Декабрь 1967 г. — апрель 1969 г. Ч. 1. // ИБ ИДВ, спецвыпуск. М., 1977; *он же*. Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.). М., 1988; История Китая. С. 674–692.

Сяопин», оказавшей влияние на дальнейшее изучение китаеведами личности Дэн Сяопина и его реформаторской деятельности.

Изучению проблем указанного периода посвящены многие исследования китаеведов. Среди них работы В.Ф. Феоктистова «Работы Дэн Сяопина как теоретический источник „социализма с китайской спецификой“»⁸⁸; Л.П. Делюсина «Дэн Сяопин и теория социалистической модернизации»⁸⁹; В.Я. Портякова «Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина»⁹⁰; Д.А. Смирнова «XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР»⁹¹; М.Л. Титаренко «Китай: цивилизация и реформы»⁹²; Р.М. Асланова «Три модели и будущее социализма в КНР», «КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997)»⁹³ и «КПК как фактор общественной стабильности Китая»⁹⁴, Н.Л. Мамаевой «Коммунистическая партия Китая — ядро политической системы»⁹⁵ и др.

Характеризуя теорию Дэн Сяопина, российские ученые полагают, что главным в концепции преобразования китайского общества Дэн Сяопина является всеобъемлющая реформа сознания. Экономическая и социальная цель данной концепции — выход из состояния нищеты и отсталости, развитие производительных сил, обеспечение жизненного уровня «среднего достатка», укрепление строительства духовной культуры народа⁹⁶.

⁸⁸ Феоктистов В.Ф. Работы Дэн Сяопина как теоретический источник «социализма с китайской спецификой» // Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. Тез. докл. II Всесоюз. науч. конф. Ч. II. М., 1991.

⁸⁹ Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и теория социалистической модернизации // ПДВ. 1994. № 5.

⁹⁰ Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.

⁹¹ Смирнов Д.А. XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР // Китай и АТР на пороге XXI века. Тез. докл. IX Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 2. М., 1998.

⁹² Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.

⁹³ Асланов Р.М. Три модели и будущее социализма в КНР // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. Тез. докл. X Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 2. М., 1999; *он же*. КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Там же.

⁹⁴ Асланов Р.М. КПК как фактор общественной стабильности Китая // ИМ ИДВ РАН. Серия: Общество и государство в Китае. Вып. 2. М., 1998.

⁹⁵ Мамаева Н.Л. Коммунистическая партия Китая — ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. Тез. докл. X Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 2.

⁹⁶ Феоктистов В.Ф. Работы Дэн Сяопина как теоретический источник «социализма с китайской спецификой». С. 5–11; Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и теория социалистической модернизации. С. 3–16.

Российские китаеведы полагают, что концепция Дэн Сяопина носит созидательный характер, акцентирует положение о развитии производительных сил страны и повышении уровня жизни народа; в отличие от содержания экономических реформ политическая составляющая данной теории звучит не слишком радикально.

По вопросу о связи теории Дэн Сяопина с идеями Мао Цзэдуна несколько лет назад позиция российских китаеведов сводилась к утверждению о том, что теория Дэн Сяопина была создана на основе отрицания идей Мао Цзэдуна. В последние годы некоторые ученые, проводя сравнительные исследования теории Дэн Сяопина и идей Мао Цзэдуна, выдвигают новые точки зрения. Например, директор Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко в работе «Китай: цивилизация и реформы» описывает связь теории Дэн Сяопина с идеями Мао Цзэдуна, выявляет то, что их объединяет, и то, в чем они различаются.

По мнению автора книги, теория Дэн Сяопина наследует идеи «новой демократии» Мао Цзэдуна 1940-х годов, приводит эти идеи в соответствие с веяниями времени, с современной духовностью, развивает и обеспечивает их конкретное применение. В то же время, как отмечается, взгляды Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина на социализм сильно различаются как методологически, так и теоретически. В отличие от Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин относился к теории социализма более прагматично, учитывал в большей степени, чем Мао Цзэдун, конкретные исторические условия и национальные особенности Китая. Исследования личности Дэн Сяопина и его наследия не теряют своей актуальности. На эту тему опубликовано немало книг и статей и выдвинут ряд заслуживающих внимания точек зрения, однако исследования еще не носят всеобъемлющего характера. Говоря о связи теории Дэн Сяопина и идей Мао Цзэдуна, М.Л. Титаренко подчеркивает, что некоторые ученые не делают аналитического вывода, не видят направлений преемственности отдельных идей Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина⁹⁷.

На этапе переосмысления и углубления исследований истории КПК российские историки активизируют научный обмен с коллегами из других стран.

Долгое время изучение отношений между КПК и КПСС, а также между КНР и СССР после образования нового Китая было важным направлением исследований советских и российских историков. По каждому периоду этих отношений опубликовано немало работ. Вот

⁹⁷ Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. С. 53, 76–82, 86–113, 120–121.

некоторые из них: Г. Эренбург «Национально-освободительное движение в Китае после Великой Октябрьской социалистической революции, 1918–1924 гг.»⁹⁸; М.С. Капица «Великая дружба народов Советского Союза и Китая» и «Советско-китайские отношения»⁹⁹; Н.П. Рябченко «Советско-китайские отношения в период 50-х — начала 80-х годов»¹⁰⁰; Ю.М. Галенович «„Белые пятна“ и „болевые точки“ в истории советско-китайских отношений»¹⁰¹; О.Б. Рахманин «Из истории отношений СССР и Китая (1917–1991)», «К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997»¹⁰²; Л.П. Делюсин «Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта»¹⁰³; А.Г. Яковлев «К вопросу о причинах советско-китайского конфликта»¹⁰⁴; Б.Т. Кулик «Советско-китайский раскол: причины и последствия (1949–1989)»¹⁰⁵ и др.

Причины размежевания КПК и КПСС многогранны. Ученые бывшего СССР и России анализировали их под различными углами зрения, делая неоднозначные выводы. У каждого из вышеупомянутых исследователей были определенные основания для своих выводов, но это предмет специального анализа и другой статьи.

Следует подчеркнуть, что в своих научных работах российские историки-китаеведы пытаются по-новому посмотреть на результаты исследований истории Китая и КПК в социалистический период и особенно со времени проведения политики реформ и открытости.

⁹⁸ Эренбург Г. Национально-освободительное движение в Китае после Великой Октябрьской социалистической революции, 1918–1924 гг.: Стеногр. публ. лекции «Важнейшие этапы национально-освободительной борьбы китайского народа (1918–1949)». Центр. лекторий Общества в Москве / Под ред. В.Я. Аварина. М., 1950.

⁹⁹ Капица М.С. Великая дружба народов Советского Союза и Китая. М., 1954; *он же*. Советско-китайские отношения. М., 1958.

¹⁰⁰ Рябченко Н.П. Советско-китайские отношения в период 50-х — начала 80-х годов. Владивосток, 1991.

¹⁰¹ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений, в 2 т. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г.; Т. 2, в 2 кн.: СССР и КНР (1949–1991 гг.). М., 1992.

¹⁰² Рахманин О.Б. Из истории отношений СССР и Китая (1917–1991). М., 1994; *он же*. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (Обзор основных событий, оценки экспертов). М., 1999.

¹⁰³ Делюсин Л.П. Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта // Россия и современный мир. М., 1998. № 2. С. 233–256.

¹⁰⁴ Яковлев А.Г. К вопросу о причинах советско-китайского конфликта // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. Тез. докл. X Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 1. М., 1999.

¹⁰⁵ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия (1949–1989). М., 2000.

На основе опубликованных в 1990-х и в начале 2000-х годов архивных материалов они стараются преодолеть односторонность ряда прежних работ; делают очевидный шаг вперед в понимании характера отношений Коминтерна и китайской революции. Достигается и определенный прогресс в исследованиях советско-китайских отношений.

Обратим внимание на то, что с 1960-х годов советские историки активизировались в изучении персоналий в истории КПК. Одними из первых стали исследования о трансформации марксистских идей Ли Дачжао и Чэнь Дусю. Назовем работы М.А. Аслановой «Журнал „Синь циннянь“¹⁰⁶ и его роль в развитии общественно-политических идей в Китае (1915–1921 гг.)»¹⁰⁷; К.В. Шевелёва «Из истории формирования взглядов Ли Дачжао на классы и диктатуру пролетариата (1918 — начало 1920)»¹⁰⁸; В.А. Кривцова и В.А. Красновой «Ли Дачжао: от революционного демократизма к марксизму-ленинизму»¹⁰⁹ и др.

К 100-летию Ли Дачжао вышла статья Н.Г. Сенина «Борец, мыслитель, гуманист»¹¹⁰, также под его редакцией были изданы «Избранные произведения» Ли Дачжао¹¹¹. Огромная теоретическая, преподавательская и пропагандистская работа, которую вел Ли Дачжао, была направлена к одной главной цели — подготовке кадров для будущей коммунистической партии. Ли Дачжао оставил в качестве политического наследия веру в необходимость союза и дружбы с СССР.

Политическая деятельность Ли Дачжао и первых китайских коммунистов, в частности Чэнь Дусю — основателя и первого генерального секретаря КПК, изучалась известным синологом Ю.М. Гару-

¹⁰⁶ Журнал «Синь циннянь» (Новая молодежь) начал выходить в 1915 г. под редакцией профессора, а с 1917 г. декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета Чэнь Дусю.

¹⁰⁷ Асланова М.А. Журнал «Синь циннянь» и его роль в развитии общественно-политических идей в Китае (1915–1921 гг.) / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

¹⁰⁸ Шевелёв К.В. Из истории формирования взглядов Ли Дачжао на классы и диктатуру пролетариата (1918 — начало 1920) // III науч. конф. ОГК. Тез. и доклады. Вып. 2. М., 1972.

¹⁰⁹ Кривцов В.А. (в соавторстве с Красновой В.А.) Ли Дачжао: от революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978.

¹¹⁰ Сенин Н.Г. Борец, мыслитель, гуманист. (К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао) // ПДВ. 1989. № 6.

¹¹¹ Ли Дачжао. Избр. произведения / Пер. с кит. Ю.М. Гарушянца. Сост., отв. ред. Н.Г. Сенин. М., 1989.

шянецем. Им были опубликованы статьи: «Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая: к 40-летию I съезда КПК»¹¹²; «Глашатай большевизма в Китае: к 80-летию Ли Да-чжао»¹¹³; «Чэнь Дусю: от реформаторства к революции»¹¹⁴. В его работе «Идейно-политическая эволюция взглядов Чэнь Дусю (1927–1942 гг.)» рассматривались вопросы изучения творческого наследия Чэнь Дусю¹¹⁵.

Советские историки всесторонне исследовали также жизнь и деятельность Цюй Цюбо. Назовем брошюру М.Е. Шнейдера «Цюй Цюбо — революционер, писатель, боец»¹¹⁶. Видный руководитель КПК, отдавший жизнь за революцию, он же талантливый публицист, переводчик на английский язык русской классической и советской литературы, оставил богатое литературное наследие. Его взгляды формировались под влиянием одного из первых китайских марксистов — Ли Дачжао. Мысль об укреплении советско-китайской дружбы красной нитью проходит через всю его многогранную деятельность.

Цюй Цюбо посвящены и другие исследования советских китаеведов. Среди них отметим Е.Ф. Ковалева «Коммунист-интернационалист Цюй Цюбо»¹¹⁷; В.В. Петрова «Лу Синь и Цюй Цюбо»¹¹⁸; А.Г. Шпринцина «Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо»¹¹⁹; К.В. Шевелёва «50 лет со дня гибели Цюй Цюбо»¹²⁰.

С середины 1960-х до первой половины 1980-х годов советские историки исследовали жизнь и революционную деятельность более 20 известных деятелей, игравших важную роль в истории КПК. Назовем таких ярких политических личностей, как Чжан Тайлэй, Дэн Чжунся, Су Чжаочжэн, Цай Хэсэн, Пэн Бай, Фан Чжиминь, Пэн Дэхуай, Линь Боцуй. По теме персоналий опубликовано около 100 работ. От-

¹¹² *Гарушияңц Ю.М.* Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая: к 40-летию I съезда КПК // НАА. 1961. № 3.

¹¹³ *Гарушияңц Ю.М.* Глашатай большевизма в Китае: к 80-летию Ли Да-чжао // Известия. 04.10.1968.

¹¹⁴ *Гарушияңц Ю.М.* Чэнь Дусю: от реформаторства к революции // XVII науч. конф. ОГК. Ч. 3. М., 1986.

¹¹⁵ *Гарушияңц Ю.М.* Идейно-политическая эволюция взглядов Чэнь Дусю (1927–1942 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13, Востоковедение. 2004. № 3. С. 78–99.

¹¹⁶ *Шнейдер М.Е.* Цюй Цюбо — революционер, писатель, боец. М., 1960.

¹¹⁷ *Ковалев Е.Ф.* Коммунист-интернационалист Цюй Цюбо // ПДВ. 1974. № 2.

¹¹⁸ *Петров В.В.* Лу Синь и Цюй Цю-бо // ПДВ. 1975. № 4.

¹¹⁹ *Шпринцин А.Г.* Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо // ПДВ. 1979. № 4.

¹²⁰ *Шевелёв К.В.* 50 лет со дня гибели Цюй Цюбо // ПДВ. 1985. № 4.

метим также статьи М.Ф. Юрьева «Пламенный интернационалист, вождь Кантонской коммуны (к 80-летию со дня рождения Чжан Тай-лэя)»¹²¹; А.С. Титова «Су Чжаочжэн — талантливый вождь китайских рабочих»¹²².

В исследовании Т.Н. Акатовой «Дэн Чжунся — видный деятель китайского рабочего движения»¹²³ Дэн Чжунся характеризуется как деятель нового типа в Китае, воспринявший передовые идеи того времени. Его гибель в годы белого террора Гоминьдана была невосполнимой потерей для КПК.

Историографию данного направления характеризуют также статьи М.Ф. Юрьева «Выдающийся деятель китайской революции Линь Боцой»¹²⁴, Ю.М. Галеновича «Выдающийся деятель КПК и КНР Линь Боцой»¹²⁵, книга И.Н. Сотниковой «Роль Ван Мина в разработке и осуществлении стратегии и тактики КПК в 30-е годы»¹²⁶ и др.

Если до 1990-х годов большинство советских историков с сомнением относились к теории строительства социализма с китайской спецификой, считая, что Дэн Сяопин «увел Китай от социализма», то с 1990-х годов российские ученые, изучая всесторонне эпоху реформ, стали давать Дэн Сяопину и его теории все более высокие оценки. Из их суждений напрашивался вывод, что мудрость Дэн Сяопина заключалась в том, что он не вычеркнул все то, что было сделано в Китае КПК под руководством Мао Цзэдуна, а использовал для выработки новой политики как положительный, так и отрицательный опыт Компартии, накопленный до и после образования КНР¹²⁷.

¹²¹ Юрьев М.Ф. Пламенный интернационалист, вождь Кантонской коммуны (к 80-летию со дня рождения Чжан Тай-лэя) // ПДВ. 1978. № 3.

¹²² Титов А.С. Су Чжаочжэн — талантливый вождь китайских рабочих // ПДВ. 1979. № 4.

¹²³ Акатова Т.Н. Дэн Чжунся — видный деятель китайского рабочего движения // ПДВ. 1982. № 3.

¹²⁴ Юрьев М.Ф. Выдающийся деятель китайской революции Линь Боцой // ПДВ. 1983. № 1.

¹²⁵ Галенович Ю.М. Выдающийся деятель КПК и КНР Линь Боцой // ПДВ. 1986. № 3.

¹²⁶ Сотникова И.Н. Роль Ван Мина в разработке и осуществлении стратегии и тактики КПК в 30-е годы // ИБ ИДВ РАН. М., 1991.

¹²⁷ См.: Березный Л.А. Об одном аспекте теории «начальной стадии социализма» // ПДВ. 1990. № 4; Делюсин Л. Гений или злодей? // ААС. 1994. № 12; он же. Дэн Сяопин — революционер, маоист, реформатор // Там же. № 8, 9; Гельбрас В. Китай после Дэн Сяопина: проблемы устойчивого развития // Полис. 1995. № 1; Титаренко М., Григорьев А. Дело и эра Дэн Сяопина // ПДВ. 1997. № 2.

В 2009 г. в серии «Жизнь замечательных людей» издается исследование В.Н. Усова «Дэн Сяопин и его время»¹²⁸. На богатом фактическом материале, включая новые архивные источники и литературу, автор подробно рассказывает о жизни и деятельности Дэн Сяопина на фоне эпохи и трагических перемен, происходящих как в его судьбе, так и в жизни страны. Труд оценивается в качестве одного из первых полных и объективных исследований биографии видного китайского революционера и выдающегося политического деятеля.

Значительным событием в российской историографии начала 2000-х годов стала публикация В.Н. Усовым учебника для гуманитарных вузов — «История КНР»¹²⁹. Учебник появился своевременно и был воспринят весьма положительно в китаеведческой среде и, конечно, студентами вузов. Он включает историю Китая с 1949 по 2004 г., написан на богатом фактическом материале с использованием большого количества российских и зарубежных источников. Автор систематизировал и проанализировал весь доступный ему исторический материал, предложил продуманную периодизацию, обозначил китайскую специфику истории страны в данный период.

Последнее по времени обобщающее изложение истории КПК представлено в пятитомной энциклопедии (плюс дополнительный 6-й том) «Духовная культура Китая» (главный редактор М.Л. Титаренко)¹³⁰. Подготовка такого труда осуществлялась усилиями ученых различных научных центров страны по основным направлениям китаеведения¹³¹.

История КПК освещается в четвертом томе энциклопедии — «Историческая мысль. Политическая и правовая культура»¹³², в котором ряд разделов посвящены КПК 1921–1949 гг., теории «новой демократии» Мао Цзэдуна, политико-идеологическим кампаниям 1949–1976 гг., теории Дэн Сяопина, а также КПК периода реформ и открытости в 1978–2007 гг. Авторы статей — А.В. Ломанов, Н.Л. Мамаева, Д.А. Смирнов, В.Н. Усов и др. В этом фундаментальном труде, инициатором которого выступили ученые РАН, российскими историками учтены

¹²⁸ Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М., 2009.

¹²⁹ Усов В.Н. История КНР. Учебник. В 2 т. Т. I: 1949–1965 гг.; Т. II: 1966–2004 гг.

¹³⁰ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006–2010.

¹³¹ Подробнее о содержании и значении в мировой синологии данной энциклопедии см.: Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2014. С. 82–83.

¹³² Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2009. С. 294–376.

новые исторические источники и последние исследования китайских историков; история КПК дается на фоне и в тесной связи с историей правящих структур, общественных и политических движений.

Среди современных историографических работ заметно выделяется коллективный труд сотрудников ИДВ РАН под редакцией Н.Л. Мамаевой — «Основные направления и проблемы российского китаеведения»¹³³. Книга является новаторской работой. Коллектив авторов поставил задачу дать общую картину отечественного китаеведения в новых условиях постсоветского времени — вплоть до наших дней. В этой публикации российские ученые адекватно отразили сохраняющийся у китаеведов интерес к истории КПК и ее современной политике. Развитие новых тенденций в исследованиях политики Компартии Китая представлено параллельно с анализом публикаций новых источников, главным образом архивных материалов. Источниковедческое направление характеризуется в историографии в качестве характерной черты изучения истории Китая в России 1990 — начала 2000-х годов¹³⁴.

Историко-партийная тематика в двух последних упомянутых работах показывает преемственность основных принципов в изучении специфики партийно-политического развития Китая начала XXI в.

Следует отметить, что отечественная историография, затронутая в нашей статье, имеет несколько выраженных особенностей. С 1960-х до 1980-х годов, т.е. в период, когда отношения между КПК и КПСС, КНР и СССР не были нормализованы, исследования истории КПК советскими историками были излишне политизированы. После распада СССР исследования российскими историками истории КПК в период социалистического строительства оказались сосредоточены на двух направлениях: изучении советско-китайских отношений и теории Дэн Сяопина и китайской политики реформ и открытости. После нормализации советско-китайских отношений ученые переосмыслили свои прежние работы, которые были написаны под влиянием текущей идейно-политической обстановки и страдали серьезным односторонним подходом, а потому нуждались в редактировании в соответствии с новыми историческими материалами. Тема персоналий видных деятелей истории КПК, детально разработанная в бывшем СССР и России, актуальна и сегодня для выработки современных характеристик новейшей истории Китая. Эта область таит большие воз-

¹³³ Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2014.

¹³⁴ Там же. С. 22–97.

возможности в плане комплексного подхода к изучению российскими, китайскими и западными историографами образа Китая на основе ярких страниц жизни отдельных исторических личностей.

Предпринятая попытка охарактеризовать изучение истории КПК XX и начала XXI в. в советском и российском китаеведении еще раз свидетельствует о наличии в отечественной синологии богатейших материалов по новейшей истории Китая и интересных исследований истории КПК.

Конечно, история КПК нуждается в еще более глубоком изучении, но, как нам представляется, можно утверждать с полным основанием, что усилиями китаеведов создана добротная основа для научно-исследовательской работы уже нового поколения российских и зарубежных ученых.

А.В. ЕРШОВ

Историография реформы системы административных органов КНР

Статья затрагивает вопрос изучения отечественным китаеведением темы реформирования органов государственного управления КНР. Вследствие комплекса различных причин в течение периода 1980–1990-х годов данные исследования не носили систематического характера и сводились к изучению отдельных аспектов реформы. С конца 1990-х годов в данной сфере наметились некоторые изменения в лучшую сторону. В статье рассматриваются различные исследования, анализирующие общий ход политических и административных реформ с 1978 г. по настоящее время, а также работы по созданию и развитию системы госслужбы, по изучению малоизвестных направлений реформы, как то: создание электронного правительства, реформирование системы непроизводственных организаций, реформирование энергетики КНР и т.д.

Ключевые слова: административные органы, ведомство, аппарат, государственное управление, административные реформы, кадры, госслужба, экономические преобразования.

Исследование реформы системы административных органов КНР (органов государственного управления)¹ долго не привлекало должного внимания отечественных ученых-китаеведов. Причины тому были вполне объективными: если говорить о периоде до 1978 г., то процессы реформы органов госуправления КНР

¹ Как отмечал Л.М. Гудошников, в китайской политико-юридической терминологии органы государственного управления именуются административными органами, и когда речь идет об их реформировании, говорят о реформировании системы административных органов или просто административной реформе. Подробнее см.: *Гудошников Л.М., Ершов А.В.* Реформирование системы государственного управления // Китайская Народная Республика: Политика, экономика, культура: К 60-летию КНР. М., 2009. С. 45.

второй половины 1950-х — первой половины 1970-х годов отличались рядом особенностей, а именно:

- 1) носили несистемный и нерегулярный характер;
- 2) касались в основном реформирования ведомств Госсовета КНР и в малой степени затрагивали местные административные органы;
- 3) не были увязаны с задачами реформы экономической системы;
- 4) не имели соответствующей законодательной базы;
- 5) проводились в значительной степени под влиянием текущих идеологических и политических обстоятельств.

После начала проведения политики реформ и открытости в 1980-е годы тема реформирования аппарата госуправления КНР была рассмотрена в монографии «Государственный строй КНР» под редакцией Л.М. Гудошников, где во вступлении, в частности, отмечалось, что отсутствие достоверной информации и достоверных документов не позволяло создать комплексное исследование государственного строя и такая возможность появилась лишь в 1980-е годы в связи с окончанием длительной полосы нестабильности². В монографии анализируются история конституционно-правового регулирования государственного строя, принципы организации и деятельности государственного аппарата. В частности, анализируется система органов государственной власти, сформированная на основе Конституций 1978 и 1982 гг., а также ее особенности и ход формирования. Рассматриваются четыре основных вида государственных органов КНР, в частности органы госуправления (административные), объясняется их специфика. Пожалуй, впервые в отечественной историографии на данную тему отмечается связь административной реформы и «реформы хозяйственной системы и ускорения социально-экономического развития страны», а также подчеркивается курс на «реорганизацию системы государственного управления»³. К сожалению, в монографии не рассматриваются административные реформы 1982–1984 гг., прошедшие сначала на уровне Госсовета, а затем на региональном уровне. Также не упомянуто о начале проведения второй реформы Госсовета, о чем было объявлено на XIII съезде КПК. Данное упущение можно, видимо, объяснить отсутствием у исследователя необходимой информации и документов в силу затрудненности доступа к источникам.

Вследствие ряда экономических, а также внешне- и внутривнутриполитических неурядиц конца 1980-х — начала 1990-х годов отечественная

² Государственный строй Китайской Народной Республики / Отв. ред. Л.М. Гудошников. М., 1988. С. 4.

³ Там же. С. 153.

историография не предпринимала каких-либо значительных исследований в области изучения продолжающегося реформирования административной системы КНР в указанный период. В 1999 г. в сборнике, посвященном 50-летию образования КНР «Китай на пути модернизации и реформ», выходит статья Л.М. Гудошников и К.А. Кокарева «Реформа государственного аппарата (90-е годы)»⁴. В статье отмечается, что реформа административно-управленческой системы является важной частью постепенных преобразований в КНР. Авторы предлагают разделить процесс реформирования на два этапа — 1978–1989 и 1992 г. — по настоящее время (на 1999 г.). Рассматривается только период 1990-х годов, предшествующему периоду (1980-м годам) дается лишь краткая характеристика: «Стремление увязать меры по совершенствованию государственного аппарата с реализацией комплексной программы реформирования экономической и политической систем в стране»⁵. Говоря о реформе 1987–1989 гг., авторы отмечают принятые на XIII съезде КПК положения реформы, не отметив при этом, что реформа Госсовета была проведена и реформирование административных органов затормозилось, точнее, было остановлено, на уровне местных правительств. В статье дается анализ реформ 1990-х годов, в частности, рассматривается влияние проводимых преобразований на экономическую и социальную составляющую, глубоко отражен вопрос о реорганизации собственности и создании государственных компаний. Не обойден вниманием вопрос об административной реформе на уровне провинция–город, даются конкретные примеры по регионам, что весьма редко встречается в исследованиях на данную тему. В целом же стоит отметить, что данная статья формирует у читателя комплексное восприятие процесса реформы административных органов в 1990-х годах.

В коллективной монографии «Как управляется Китай», увидевшей свет в 2001 г., в главе «Система административных органов и административные реформы», написанной Л.М. Гудошниковым и А.В. Шитовым, даются комплексный анализ и обзор административных реформ 1980–1990-х годов⁶, начиная с рассмотрения всей системы административных органов, и подробно исследуется каждая реформа. К сожалению, исследование касается лишь центрального аппарата

⁴ Китай на пути модернизации и реформ: 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 429–444.

⁵ Там же. С. 429.

⁶ Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX века / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2001. С. 233–269.

Госсовета, и часть статьи относительно реформы аппаратов местных правительств начинается только с 1999 г. и касается лишь намеченных мероприятий. В главе, написанной Л.М. Гудошниковым и К.А. Кокаревым, подробно исследуется реформа регулярной госслужбы в КНР: процесс формирования системы госслужбы в Китае, начиная с постановки задачи, проведенная законодательная работа, выработка и утверждение соответствующего законодательства и совершенствование практики его применения⁷. Эта тема получила дальнейшее развитие в вышедшей в том же году совместной монографии Л.М. Гудошникова и А.В. Копкова «Система государственной службы в КНР», где процесс формирования регулярной системы государственной службы рассматривается как отход от административно-директивной системы «всеобщего централизованного распределения кадров» к более рациональному управлению персоналом, его комплектованию в соответствии с интересами дела, с установкой на наиболее полное выявление личных способностей государственных служащих, постоянное повышение качественного уровня работников. Также авторы рассматривают гражданскую службу Сянган (Гонконга). В приложении представлены основные нормативные акты, регулирующие систему госслужбы на указанный период (1990-е годы)⁸. В 2004 г. выходит монография К.А. Кокарева «Политический режим и модернизация Китая»⁹, в которой анализируются основные направления эволюции политического режима в КНР в период реформ. В частности, анализируются реорганизация системы административных органов, кадровая политика. В монографии присутствует колоссальное количество фактологического материала, автор обильно цитирует большое количество источников. Следует особо отметить, что автором подробно рассматривается процесс реформирования как на уровне Центрального правительства — Государственного совета, так и на уровне провинций, городов, уездов, волостей и поселков, что практически не встречается в исследованиях на данную тему. Приводятся примеры по реформированию местных административных органов по разным регионам КНР, позволяющие читателю составить наиболее полное представление о данном процессе в рамках указанного периода. Также анализируются ход строительства кадровой системы, правовое строительство, вводится в оборот

⁷ Там же. С. 285–301.

⁸ Гудошников Л., Копков А. Система государственной службы в Китайской Народной Республике. М., 2001.

⁹ Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.

большое количество нормативных документов. Недостатки работы прямо вытекают из ее несомненных достоинств: большое количество информации — дат, наименований, ссылок, несколько затрудняющих восприятие; работа заканчивается 2003 годом в силу вполне объективных обстоятельств, обусловленных датой ее выхода, и по вышеупомянутым причинам не охватывает последующий период реформирования административных органов. Органы государственного управления Сянган (Гонконга) и Макао (Аомэня), их особенности и процесс трансформации административной системы после вхождения этих территорий в состав КНР рассматриваются автором в его монографии «Политический механизм особых автономий Китая»¹⁰.

В 2006 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» выходит статья Л.М. Гудошникова «Реформирование системы государственного управления в КНР». В статье кратко анализируются основные этапы реформирования центрального административного аппарата КНР — Государственного совета — с 1982 по 2003 г.; обрисовываются этапы формирования системы госслужбы — вплоть до принятия в 2005 г. Закона о государственных служащих.

В 2007 г. выходит монография Н.Л. Мамаевой «Партия и власть», посвященная крайне интересному вопросу изменения подходов КПК к партийному и политическому строительству в разные исторические периоды, а также реформе правительственных механизмов. Несмотря на то что работа не имеет прямого отношения к административной реформе, в ней изложен ряд интересных соображений автора по данному вопросу. Рассматривается роль партийных групп руководства в ходе проведения реформы госаппарата, в частности причины, приведшие к их ослаблению и утрате влияния на процессы реформирования административных органов¹¹; рассказывается о взаимодействии партийных и государственных органов и проводимой кадровой политике. Ряд сходных вопросов разбирается автором в статье «Компартия Китая в политической системе и процессе политических реформ»¹². Вопросы, касающиеся реорганизации Госсовета и местных административных органов, затронуты в статье

¹⁰ Кокарев К.А. Политический механизм особых автономий Китая. М., 2004.

¹¹ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. С. 102–103.

¹² Мамаева Н.Л. Компартия Китая в политической системе и процессе политических реформ // Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978–2005). М., 2007. С. 10–57.

Л.М. Гудошникова «Органы государства»¹³. Ряд аспектов административного права КНР разбираются в статье Л.М. Гудошникова, В.И. Антонова и А.В. Шитова «Административное право и административный процесс»¹⁴.

В статье А.В. Шитова о решениях двух сессий ВСНП и НПКСК о концепции современного китайского правительства, вышедшей в сборнике «КНР: проблемы демократизации и государственного управления», рассматриваются направления деятельности для правительства Китая¹⁵. Несмотря на некоторую программность заявлений (они взяты из доклада премьера Вэнь Цзябао, сделанного им на той же сессии ВСНП), перечисленные направления деятельности правительства интересны как выделенные приоритеты руководства Китая для дальнейшего реформирования административных органов на текущий период.

В 2008 г. вышли тезисы доклада А.В. Ершова «Роль административных реформ КНР в контексте политики реформ и открытости»¹⁶. Автор кратко анализирует основные этапы реформы аппарата Госсовета. В тезисах доклада подчеркивается, что в ходе пятого этапа реформы упор был сделан на усиление роли закона, и приводятся наименования принятых законов на указанный момент. В следующем году у автора выходит статья «Процесс реформирования госаппарата КНР», где речь идет о применении новых технологий в процессе реформирования органов госуправления КНР; анализируется ход реализации стратегии «электронного правительства», приводятся данные по развитию правительственных веб-сайтов, принятые законодательные решения, рассматриваются различные модели функционирования правительственных сайтов¹⁷. Аналогичный комплекс вопросов разбирается в тезисах доклада «Эволюция стратегии реформирования административно-управленческой системы

¹³ Гудошников Л.М. Органы государства // Там же. С. 58–66.

¹⁴ Гудошников Л.М., Антонов В.И., Шитов А.В. Административное право и административный процесс // Там же. С. 244–267.

¹⁵ Шитов А.В. 3-я сессия ВСНП КНР 10-го созыва и 3-я сессия НПКСК 10-го созыва о концепции современного китайского правительства // КНР: Проблемы демократизации и государственного управления: Материалы ежегодн. науч. конф. Вып. 21. М., 2007. С. 113–119.

¹⁶ Ершов А.В. Роль административных реформ КНР в контексте политики реформ и открытости // 30 лет реформ в КНР: Опыт, проблемы, уроки: Тезисы докладов. 2008. Ч. 2. С. 43–47.

¹⁷ Ершов А.В. Процесс реформирования госаппарата КНР: Использование новых технологий // ПДВ. 2009. № 6. С. 73–85.

КНР»¹⁸. В совместной статье Л.М. Гудошников и А.В. Ершова «Реформирование системы государственного управления» рассматриваются вопросы реформирования аппарата Госсовета и создания кадровой системы и соответствующего законодательства в этой области. Особое внимание обращено на очередную реформу Госсовета, начавшуюся в 2008 г., а также на современные тенденции при проведении административных реформ¹⁹. В 2010 г. выходит статья А.В. Ершова «Модернизация госаппарата КНР в первое десятилетие политики реформ», посвященная малоизученному и недостаточно освещенному периоду реформирования административного аппарата КНР в 1980-е годы²⁰. В следующем, 2011 г. у него же выходит статья, касающаяся неизвестного периода складывания и реформирования кадровой системы в непроизводственных организациях (*шиэ даньвэй*)²¹. В статье, освещающей реформу кадровой системы КНР в период 1978–2008 гг., рассматривается весь период существования кадровой системы КНР после ее воссоздания, включая процесс зарождения и развития системы госслужбы²². Кроме этого, автор провел отдельное исследование механизма управления энергетической системой Китая, поскольку на протяжении многих лет не существовало специального ведомства в правительстве, занимающегося вопросами энергетики²³. В 2013 г. вышла работа, посвященная исследованию проблемы реформирования государственных бюджетных учреждений Китая²⁴. Правительство до сих пор избегало реформировать этот осо-

¹⁸ Ершов А.В. Эволюция стратегии реформирования административно-управленческой системы КНР // 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 г.): Тез. докл. Ч. 1. М., 2009. С. 198–202.

¹⁹ Гудошников Л.М., Ершов А.В. Реформирование системы государственного управления // Китайская Народная Республика: Политика, экономика, культура: К 60-летию КНР. М., 2009. С. 45–60.

²⁰ Ершов А.В. Модернизация госаппарата КНР в первое десятилетие политики реформ // ОГК: XL науч. конф. Вып. 2. М., 2010. С. 274–281.

²¹ Ершов А.В. Реформа системы кадров непроизводственных организаций КНР: опыт, практика, перспективы // Внутренняя политика КНР: История и современность: ИМ. ИДВ. Вып. 26. М., 2011. С. 140–151.

²² Ершов А.В. Реформа кадровой системы КНР в период 1978–2008 гг. // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции. М., 2011. С. 254–256.

²³ Ершов А.В. Реформирование механизма управления энергетикой КНР в процессе модернизации страны // ПДВ. 2011. №2. С. 123–127.

²⁴ Ершов А.В. Государственные бюджетные учреждения КНР: структурные и кадровые вопросы реформирования // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. М., 2013. С. 341–344.

бый вид специализированных госучреждений, охватывающих целый ряд важных областей — образование, культуру, науку, здравоохранение. Необходимость этой реформы давно назрела, и требуется совершить ряд решительных шагов для успешной реализации курса на высокотехнологическое развитие.

После восстановления в КНР системы органов государственного управления и начала проведения систематической работы по ее реформированию отечественные ученые проводили исследования с целью углубления понимания и проведения анализа происходящих процессов. Разумеется, на ход исследований повлиял и ряд объективных причин, в частности, слом общественно-политического устройства в нашей стране. По мере углубления экономических реформ в КНР продвигается и реформа системы административных органов. Наше знание о ней будет не только способствовать лучшему пониманию общественно-политических процессов, происходящих в КНР, но также может послужить цели более успешного проведения реформы органов управления в России. Результатом исследований отечественных китаеведов в данной области должна стать комплексная работа, в которой бы рассматривались все этапы и аспекты реформирования системы органов государственного управления КНР.

Н.В. АНИСИМЦЕВ

Современная российская историография модернизации КНР (1978–2014)

В статье дается широкий аналитический обзор исследований российскими учеными-синологами преобразований в КНР периода реформ и открытости (с 1978 г.). Представлены разные аспекты и направления китаеведческих исследований политики модернизации Китая: цивилизационная и идеологическая проблематика, реформы в экономике, становление гражданского общества, реформирование политической системы, исторические корни преобразований в различных сферах.

Ключевые слова: китаеведение, модернизация, евразийство, реформы, политическая система, период реформ и открытости, градуализм.

Масштабные реформы, начало которым положено решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), получившие в нашей литературе наименование «модернизация КНР», уже свыше трех десятков лет являются предметом внимания отечественных ученых. Даже не претендуя на охват всего масштаба изучения российским китаеведением данного предмета, можно констатировать, что достигнуты весомые результаты в исследовании политики реформ и открытости. Результаты их заслуживают того, чтобы стать материалом специального историографического исследования.

Попытки подобного рода исследований ранее уже предпринимались в отечественной синологии¹. Ученые отмечали, что в изучении

¹ *Васильева Е.А.* Китайская модель модернизации в работах отечественных исследователей. — URL: <http://izvestia.asu.ru/2010/4-3/hist/TheNewsOfASU-2010-4-3-hist-05.pdf>; *Островский А.* Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991–2000) // ПДВ. 2013. № 6. С. 65–75.; *Смирнов Д.А.* Изучение политической

модернизации Китая можно выделить несколько различных этапов. Первый период реформ в КНР вызвал в СССР и России скептическую реакцию. Позднесоветское руководство замалчивало реальные перемены в Китае либо догматически расценивало их как ревизионистские отступления от марксизма-ленинизма и «генеральной линии» КПСС.

Пришедшие им на смену в России с начала 1990-х годов радикально-либеральные реформаторы оказались еще более фанатичными приверженцами догм, теперь уже либеральных. Они предпочитали игнорировать успешный опыт развития КНР, ибо успехи китайских реформ «бросали тень» на бездумную антисоциальную и радикальную идеологию российских «младореформаторов». Пренебрежение к науке, как следует из указанных выше исследований, проявилось в отсутствии социального государственного заказа на синологические труды, в пренебрежении кадрами ученых-специалистов. Ряд специалистов оставили свою профессиональную стезю. На этом фоне расцветали суждения дилетантов и политически ангажированных личностей, которые то предрекали скорый кризис Китаю, то приписывали его успехи исключительно магической силе отдельных новшеств либерально-рыночной природы.

Подобным тенденциям, как отражено в указанных работах, противостояли ученые-синологи, в большинстве своем работавшие в Институте Дальнего Востока РАН. С конца 1980-х и в 1990-х годах, основываясь на всестороннем анализе развития КНР, они смогли в своих трудах создать объективную картину бесспорных успехов развития экономики и общества КНР. Одновременно синологи информировали общество о сохраняющихся проблемах и трудностях развития Китая.

* * *

Значительную роль в развитии китаеведения сыграли труды М. Титаренко, В. Портякова, А. Островского, О. Борох, Л. Кондрашовой, Л. Бони, Л. Волковой, Г. Ганшина, И. Шевель, Е. Авдокушина, Л. Новоселовой, Е. Селивановой, И. Наумова, П. Каменнова, М. Потапова и многих других. Они отслеживали важные для понимания трансформации КНР проблемы соотношения государственного регулирования и рыночного саморегулирования, объективно оценивали реальные достижения периода реформ и открытости, прогнозировали

ческой системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы // ПДВ. 2013. № 6. С. 76–88; *Виноградов А.* Изучение моделей развития Китая в России в 1990-х годах // ПДВ. 2013. № 2. С. 137–145.

вероятность более полного перехода к рыночной экономике и соответствующей преобразованиям в экономике трансформации социально-политических институтов. Их усилиями удалось преодолеть негативные тенденции в изучении и осмыслении китайского эксперимента, отстоять объективно-научный подход в китаеведении.

Новый этап в развитии данного направления, согласно мнению большинства специалистов, к которому мы присоединяемся, обозначился с конца 1990-х годов. К этому времени либерально-экономический радикализм по образцам «вашингтонского консенсуса» растерял в России свой первоначальный кредит доверия. Между тем Китай успешно вышел из азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг. Тенденция к стабилизации в области экономики, развивавшаяся в России с конца 90-х годов XX в., отразилась в существенном оживлении китаеведческих исследований в стране. С этого времени китайский путь развития, в понимании научной общественности, получает прочный статус самостоятельной модели. Расширяется фронт исследовательской работы как в количественном измерении, так и в тематическом. Изучение КНР приобретает подлинно комплексный характер. Модернизация Китая с этого времени оказывается в фокусе научного и политического внимания российских ученых-международников, становится ареной идейного столкновения различных научных школ и политических направлений.

Научная литература, посвященная рассмотрению преобразований современного Китая, начавшихся в 1978 г., демонстрирует впечатляющее разнообразие научных подходов и интересов, концепций и точек зрения, взглядов и оценок.

Изобилуют исследования экономического характера. Но все больше появляется и работ исторического, цивилизационного, философского, политологического, правоведческого характера. Модернизация КНР предстает как «переход от командно-административной экономики к рыночной» и одновременно как строительство «социализма с китайской спецификой». Некоторые исследователи говорят о международном значении китайского опыта модернизации, другие настаивают на его уникальности.

Среди наиболее удачных опытов краткого, но емкого теоретического описания и определения китайской модернизации можно выделить выступление А.И. Салицкого². Среди множества работ необхо-

² Салицкий А.И. Китай: универсальная модель модернизации? / МЭиМО. 2009. № 7. С. 43–55.

димо отметить статью академика М.Л. Титаренко³, который исследует социалистический характер модернизации Китая. Вызывает интерес книга Н.Л. Мамаевой, в которой рассматриваются партийно-политические преобразования в Китае периода реформ и открытости в их исторической ретроспекции⁴.

Отмечая теоретическую многослойность понятия «модернизация», российские китаеведы концентрируют свое внимание на следующих вопросах:

— какую роль играет в новых исторических условиях социалистический уклад в КНР, государственный и кооперативный секторы экономики, как они видоизменяются и прогрессируют;

— каким образом обогащается, усложняется экономическая и социальная структура общества — как происходит становление и развитие рыночной экономики, частнопредпринимательского сектора, многоукладности в целом;

— как взаимодействуют командно-административная экономика с рыночными отношениями, частным сектором, как они сочетаются друг с другом;

— какую трансформацию под воздействием экономических факторов претерпевают все прочие общественные институты — власть, государство, социальные отношения, культура, внутренняя и внешняя политика страны и т.д.

Поиск ответов на эти вопросы и является развернутым содержанием работ современных исследователей, занимающихся изучением КНР периода реформ и открытости.

Как говорилось выше, эпицентром синологических исследований в современной России, как и в прежнем СССР, является коллектив ученых, группирующихся «на орбите» Института Дальнего Востока РАН во главе с академиком М.Л. Титаренко. М.Л. Титаренко является идеологом и теоретиком того научного направления, которое было некогда основано Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, К.Э. Циолковским, продолжалось в трудах Л.Н. Гумилева, В.В. Бартольда и вошло в историю под названием «евразийство». Общее для всех «евразийцев» — это убежденность в неколебимой самостоятельной ценности исторического пути и культурного наследия народов Востока, высокая оценка их вклада во всемирно-исторический прогресс всего чело-

³ *Титаренко М.* О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // ПДВ. 2013. № 2. С. 3–24.

⁴ *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. С. 12–17.

вечества, вера в их светлое будущее, решительное неприятие любых форм фанатизма и снобизма европоцентристского толка.

В 2008 г. М.Л. Титаренко писал: «Механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономического и государственного строительства ведут к размыванию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставят национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные „измы“ в рамках либерализма и индивидуализма»⁵.

Подобному подходу он противопоставил идеи межкультурного синтеза: «Гармонизация взаимодействия и синтез восточной и западной цивилизаций выступают решающим фактором перехода от конфронтации к диалогу и сотрудничеству не только в АТР, но и во всем мире»⁶. Евразийское мировоззрение, стремление к диалогу и сотрудничеству позволяют российской науке избежать предрассудков и подойти к проблемам изучения стран Востока с подлинно научных позиций.

Успехи китайской модернизации, ставшие очевидными с 1990-х годов, подтвердили принципиальную историческую правоту «евразийства» и поставили очередную задачу — изучить, раскрыть предпосылки, причины, методы успешных преобразований в КНР. Решению этой задачи академик М.Л. Титаренко посвятил ряд исследований. Достаточно вспомнить его совместную с Б.Н. Кузыком работу «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития», где стоит особо выделить раздел «Экономическое развитие Китая»⁷. Опираясь на обширный материал китайских источников, авторы обозначают подходы, критерии, методики обеспечения общественного развития, экономического и социального, позволившие Китаю в сжатые сроки выйти на передовые мировые позиции, создать могущественное государство, эффективную экономику, решить сложнейшие социальные и культурные задачи.

В работе «Модернизация Китая: шансы и вызовы времени» М.Л. Титаренко пишет: «Выработанная в конце 1978 г. (3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва) стратегия экономических реформ и политики открытости — это тот реалистический путь решения проблем модер-

⁵ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 197.

⁶ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия М., 1994. С. 17.

⁷ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 268–393.

низации, который выстрадал Китай. Она означает принципиальный пересмотр многих ортодоксальных представлений о социализме и осуждение леваческих экспериментов Мао Цзэдуна. На первый план ставится развитие производительных сил и эффективности экономики. Одновременно с отказом от приоритета классово-борьбы произошло фактическое признание идей конвергенции капитализма и социализма»⁸. Далее М.Л. Титаренко отмечает: «Выход Китая на уровень развитых промышленных государств, планируемый на середину XXI века, т.е. к 100-летию КНР, предусматривает поэтапное решение задач индустриализации, создание современной системы предприятий и социалистической рыночной экономики до 2010 г. На следующем этапе Китай, по замыслам китайских теоретиков, полностью завершит индустриализацию, включая урбанизацию деревни и создание агропромышленного комплекса, и осуществит частичную информатизацию экономики. Эти задачи должны быть решены в течение 20 лет, с 2011 по 2030 г. В течение следующих 20 лет (2031–2050) должна быть осуществлена информатизация общества или строительство „социума экономики знаний“. Таким образом, согласно этим прогнозам, экономика КНР в середине XXI века должна приблизиться или выйти на уровень передовых стран»⁹.

М.Л. Титаренко подчеркивает, что развитие, как известно, осуществляется не в вакууме, оно опосредовано той или иной конкретно-исторической средой, подчинено объективно-историческому контексту, традиции. Одной из весомых причин успехов китайских реформаторов, по мнению автора, была сознательная опора на традицию: традицию молодую («социализм») и традицию древнюю («китайская специфика»). И чем более высоки модернизационные достижения Китая в развитии экономики, культуры, рыночных отношений, тем более убежденно китайские лидеры и общество говорят о своей приверженности «социализму с китайской спецификой». Одновременно М.Л. Титаренко обращает внимание на то, что в конце 1990-х годов лидеры страны после упоения успехами начали осознавать появление новых острых и актуальных социально-политических проблем и что «философия „черной и белой кошек“ в какой-то мере перестала устраивать и левых, и правых»¹⁰. По мнению автора, «опыт Китая во многом проясняет вопрос о перспективах социалистической модели развития,

⁸ Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М., 2000. С. 3.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Новый этап реформ: куда идет Китай? // Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 169.

способствуя решению проблемы превращения социализма из прекрасной утопии в науку»¹¹.

В своих недавних работах ученый отмечает развитие новой тенденции в процессе модернизации: «Как показывают решения XVIII съезда КПК, китайское руководство по мере созревания экономических и культурно-цивилизационных условий максимально наращивает социальную, гуманитарную и в конечном счете социалистическую направленность своей политики в деле утверждения более справедливых социальных и межнациональных отношений»¹².

Модернизация Китая стала предметом масштабного цивилизационного и философско-культурологического исследования А.В. Виноградова — «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности»¹³.

Автор рассматривает модернизацию Китая в широком историческом и общепланетарном контексте, как один из феноменов всемирно-исторического диалога Востока и Запада, «противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности»¹⁴. Автор исследует исторические этапы и версии этого диалога — вестернизация, модернизация, глобализация, модернити, постмодерн.

А.В. Виноградов исходит из бесспорных положений, что главным фактором естественно-исторического развития в Европе была активность индивида, объективированная в суверенном правовом статусе индивида и частной собственности, институционализированная в политической демократии и рыночной экономике, регулируемые через посредство универсальных эквивалентов — стоимости и закона. Но, как указывает автор, изменение баланса между материальной и духовной культурой в пользу индивидуализма и материалистичности неизбежно породило кризисные явления, неспособность решать общесоциальные проблемы — проблемы развития, экологические проблемы и т.д.

Как пишет автор, кризис, поразивший социализм в конце XX в., заставил Китай переосмыслить доктрины и опыт социализма в более широком историческом и культурном контексте. Китайские идеологи в поисках путей преодоления духовного и цивилизационного кризиса обратились к антропоцентричной культуре Востока, которой присущи

¹¹ Там же. С. 163.

¹² *Титаренко М.Л.* XVIII съезд КПК и развитие социализма с китайской спецификой // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: 2012–2013. М., 2013. С. 25, 26.

¹³ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.

¹⁴ Там же. С. 5.

нравственные принципы и самоограничение, противостоящие эгоизму рыночной морали; по их мнению, восточная философия является противоядием противопоставлению духа и материи, разделению субъекта и объекта и тем самым способствует гармонизации развития, разрешению общественных противоречий.

А.В. Виноградов раскрывает наиболее характерные и существенные особенности модернизационной модели Китая: «К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, решающей конфликты между властью и материальной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но ее механизм в отличие от либерально-демократического не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития, принявшего на себя функции поиска и поддержания идентичности. Окончательный исход модернизации, таким образом, не только в Китае зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей старые институты, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач»¹⁵.

Исследованию идеологических истоков политики модернизации КНР посвящены труды Д.А. Смирнова, Л.С. Переломова, А.Е. Лукьянова, академика С.Л. Тихвинского.

Исследование Д.А. Смирнова «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину»¹⁶ являет собою «взгляд изнутри» на китайскую модернизацию.

В работе Д.А. Смирнова модернизация определяется достаточно традиционным, общепринятым образом — как «процесс перехода отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки к индустриальному обществу и демократическому политическому устройству». При этом подразумевается наличие двух основных типов модернизации — естественно-исторический процесс (страны Западной Европы) и «вторичная/отраженная» модернизация, происходившая под давлением и по образцам передовых капиталистических стран. Как известно, «вторичная» модернизация характеризовалась руководящим участием государства в процессе преобразований.

Автор подробно рассматривает исторический процесс формирования идеологии модернизации китайского общества в XX в. Первым

¹⁵ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005. С. 214.

¹⁶ Смирнов Д.А. Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005. С. 324.

этапом данного процесса явилась теория «новой демократии», разработанная Мао Цзэдуном на рубеже 30–40-х годов. Она предусматривала проведение модернизации на основе развития национального капитализма под контролем государства и при активном привлечении иностранного капитала. Вторым этапом стала генеральная линия КПК, разработанная в начале 1950-х годов, которая нацеливала страну на осуществление индустриализации по примеру СССР и предполагала помощь СССР. Третий этап связан с выдвинутым в конце 1950-х годов волонтаристским курсом Мао Цзэдуна на «большой скачок» в экономике и позднее — «культурную революцию». Четвертый этап модернизации начался после смерти Мао Цзэдуна и характеризовался разработкой и реализацией курса Дэн Сяопина на всестороннюю модернизацию на основе рыночного трансформирования экономики при активном участии государства в развитии и управлении экономикой, привлечение зарубежных инвестиций, стимулирование научно-технического прогресса, поощрение развития негосударственных форм собственности.

Особое внимание автор уделил изучению становления, утверждения и содержания теории Дэн Сяопина. Теория Дэн Сяопина, дополненная концепцией «трех представительств» и программой построения «гармоничного общества», стала идейно-теоретической основой китайской модернизации. «Обобщая теорию и практику проводившейся Дэн Сяопином политики модернизации, — пишет Д.А. Смирнов, — можно констатировать, что последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе. Содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Она проводится таким образом, чтобы ее темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, характеризуется постепенностью и поэтапностью, отказом от „забега вперед“¹⁷. По сути, именно в совмещении экономического либерализма с авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, предложенного Дэн Сяопином»¹⁷.

И еще одна, неафишируемая, но очевидная особенность китайской модернизации — это ее направленность на удовлетворение потребно-

¹⁷ Там же. С. 272.

стей «всего общества, а не „избранных“ прослоек», отмечает Д.А. Смирнов¹⁸.

Исследование Д.А. Смирнова показывает, что фундаментальные проблемы реформирования, обновления социалистического общества могут успешно решаться не путем разрушения социалистического мировоззрения и государства, но, напротив, в русле продуманной перестройки в различных сферах.

Исследованию автохтонных корней идеологии китайской модернизации посвящает свои труды Л.С. Переломов, признанный авторитет в вопросах конфуцианства¹⁹. Л.С. Переломов так понимает направленность политики Дэн Сяопина: «В своей беседе с японским премьером Дэн Сяопин как бы подчеркивал, что, хотя он и возвращает страну на конфуцианские рельсы, его реформы будут отличаться от японских по своей направленности: в противоположность японскому конфуцианскому капитализму Китай будет строить свой конфуцианский социализм, формально называемый „социализмом с китайской спецификой“»²⁰.

Более подробно эта взаимосвязь древней доктрины с современной модернизацией раскрывается в совместной работе Л.С. Переломова и А.Е. Лукьянова «Из истории идеологемы сяокан»²¹. Авторы исследуют историю этой категории духовной культуры Китая, погружаясь в глубь тысячелетий, к каноническим текстам, трудам Конфуция и Мэн-цзы, а также к взглядам китайских реформаторов и идеологов XIX — начала XX в. Кан Ювэя и Дай Цзитао, а затем и к идеологическим программам гоминьдановского режима на Тайване. В работе учтены находки академика С.Л. Тихвинского и ряда других знатоков китайской мысли и истории. Ученые показали, что идеологема *сяокан* является одним из самых лаконичных и глубоких выражений замысла главного архитектора модернизации Китая Дэн Сяопина. Используя краткую формулу, он смог выразить и связать многоплановые замыслы реформ. В песне «Мин лао» («Народ страждет») «выражение *сяокан* поставлено в конце первой фразы первой строфы, в параллель остальным четырем терминам, образованным с иероглифом *сяо*: *сяо сю* („немного передохнуть“), *сяо си* („слегка вздохнуть“), *сяо ци* („немного дух перевести“), *сяо ань* („чуть-чуть покоя“). Все пять терми-

¹⁸ Там же. С. 324.

¹⁹ Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.

²⁰ Там же. С. 212.

²¹ Лукьянов А.Е., Переломов Л.С. Из истории идеологемы сяокан // ПДВ. 2003. № 3. С. 26–38.

нов семантически идентичны и означают потребность уставшего от казенных работ народа в передышке, чтобы заняться собственными хозяйственными делами»²².

Российские исследователи также обращают внимание на тот факт, что канонические тексты в трудах интерпретаторов с течением времени могут приобретать многообразные, в том числе и прямо противоположные начальному смыслу толкования, которые как бы начинают жить собственной жизнью. Китаеведы, опираясь на труд академика С.Л. Тихвинского²³, показывают, как своеобразно идеологема *сяокан* преломилась во взглядах видного буржуазного реформатора конца XIX в. Кан Ювэя. Согласно исследованию С.Л. Тихвинского, «термин *сяокан* использовался Кан Ювэем лишь в связке с *датун*, обозначая „эру малого спокойствия“, или „эру становления“, необходимую для выхода из „эры хаоса“... Согласно „вновь открытому“ Кан Ювэем учению Конфуция, человечество в своем развитии переживает три периода, каждому из которых должны соответствовать свои собственные законы. После периода „хаоса и смуты“ должны последовательно наступить период „становления“ и период „Великого спокойствия“. Для периода „становления“ характерны законы „Малого мира“ (т.е. *сяокан*), в период же „Великого Спокойствия“ должны вступить в силу законы „эры Великого Единения“»²⁴.

Работа российских ученых Л.С. Переломова и А.Е. Лукьянова позволяет читателю глубоко и объемно представить сложный замысел архитектора китайской модернизации Дэн Сяопина, увидеть замысел в потоке ближних и дальних целей, увидеть его изнутри китайской многотысячелетней культуры, понять его принадлежность к традиции.

Одним из основных фокусов внимания исследователей, наиболее головоломных теоретических дискуссий при определении формационной принадлежности китайской модернизации, по-видимому, является проблема становления рыночной экономики в КНР, ее соотношения с государственным сектором экономики и совместимости с социалистической государственностью.

В этой области трудится немало маститых ученых-экономистов — В.Я. Портяков, Я.М. Бергер, А.В. Островский, Э.П. Пивоварова, Л.Д. Бони и др. Каждый из них исповедует свое политико-экономическое кредо, обладает своим уникальным представлением о соотношении рынка и

²² Там же. С. 31.

²³ Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М., 1987. С. 135.

²⁴ Там же. С. 35.

социализма в сегодняшней КНР, о смысле и характере модернизации этой страны.

Доктор экономических наук В.Я. Портяков в работе «Экономическая реформа в Китае»²⁵, привлекая обширный конкретный материал и статистику, рассматривает принципиальные политико-экономические проблемы современного Китая. Он выступает как исследователь идей «градуализма», при этом речь идет не просто о постепенности, но о «двухколейности» развития КНР. «В самом Китае, — пишет ученый, — главной сущностной характеристикой градуализма склонны считать т.н. „двухколейность“, т.е. достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной... Широко понимаемая двухколейность включает в себя и заметное сокращение доли государственного сектора при увеличении доли экономики других форм собственности»²⁶. Автор отмечает: «Политический фактор градуализма китайских реформ не исчерпывается разногласиями в руководстве страны. Основополагающее значение здесь имела ориентация лидеров Китая на сохранение социалистических рамок общественного развития»²⁷. Опираясь на фактический материал, В.Я. Портяков приходит к суммарному выводу: «Экономические процессы в Китае 90-х годов в определяющей степени опосредуются именно ориентацией на рынок. Поэтому китайская реформа ни в коем случае не должна „изыматься“ из общемирового процесса рыночной трансформации. Сохранение прежней политической системы с руководством компартии в качестве стержня сути дела не меняет»²⁸.

В.Я. Портяков вносит уточнения в трактовку проблемы «двухколейности» развития Китая в работе 2006 г. «Китай и социализм»²⁹: «В Китае считают объективной данностью множественность моделей социалистического строительства». Все более определенно звучит в его работах такой вывод: поражение социализма в Восточной Европе «явилось не поражением социализма вообще, а всего только одной конкретно-исторической модели — советской или, точнее, „сталинской“»³⁰.

²⁵ Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М., 2002. С. 177.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Портяков В.Я. Китай и социализм // От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: очерки. М., 2006. С. 76–82.

³⁰ Там же. С. 79.

В.Я. Портяков раскрывает ряд наиболее существенных для понимания черт «социализма с китайской спецификой»: «Особый акцент на национальное начало в строительстве социализма не был для Китая всего-навсего неким терминологическим ухищрением, а имел вполне конкретное практическое значение. Во-первых, он послужил теоретической основой выдвижения во главу угла деятельности правящей партии и всей страны сугубо национальных задач, и среди них — задачи экономического подъема как наиболее приоритетной. Говоря прямо, сегодня Китай и КПК не ищут лучшее будущее для всего человечества и „новое мышление для всего мира“, а сосредоточились на „возрождении китайской нации“, на наращивании комплексной мощи и „мирном возвышении“ именно Китая»³¹. В целом, в российском китаеведении четко выражена идея поиска в КНР национальной модели модернизации социализма.

Веским словом в понимании темы модернизации Китая в постмаоистский период стал труд доктора экономических наук Я.М. Бергера «Экономическая стратегия Китая»³². Автор на значительном и новом материале глубоко и подробно проанализировал экономическое развитие современного Китая, историю формирования рыночных отношений, в частности субъектов предпринимательской деятельности в экономике Китая, роль государства на рынке и в сфере публичных услуг, истоки, содержание, особенность стратегии развития страны, в том числе в международном контексте, а также дал анализ и оценку различным течениям и школам научного понимания китайской действительности. Труд ученого часто выходит за рамки чисто экономического анализа. Он предлагает читателю обширное и системное понимание самых различных аспектов развития общества — экономики, политики, права, идеологии, взаимодействия государства и рынка, формирования гражданского общества, проблем становления демократического самоуправления, идеологической борьбы в стране и на мировой арене.

Автору удалось выявить основные черты, определяющие самобытность стратегии китайских реформ:

- органически единая целостность всех сторон, мер, шагов китайского руководства по преобразованию страны;
- наличие внятной долговременной стратегии преобразований;
- прагматичность реформ, их «деидеологизированность», свобода от замшелых стереотипов;

³¹ Там же. С. 78.

³² Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009.

— ясное определение функций государственной власти как служение обществу и пересмотр соотношения политики и экономики в пользу последней;

— комплексность и взаимодополняемость реформ, все подчинено единому замыслу;

— осмотрительность, поступательность в проведении реформ («переходить реку, ощупывая ногой камни»);

— стремление использовать промежуточные модели реформ, позволяющие избегать ненужных рисков и перенапряжения общества и власти;

— увязка рыночных преобразований с наращиванием внешней открытости;

— наконец, способность руководства к самокритичной оценке, готовность исправлять свои ошибки и учиться новому.

Препарированный автором опыт китайских реформ интересен и полезен всем реформаторам. Ученый избегает упрощенных решений и ответов, предлагая непредвзятое и глубокое рассмотрение всей сложности проблем китайской модели модернизации. Автор тестирует на прочность многие стереотипные представления о современном Китае и путях реформирования экономики, общества, государства. Он жестко полемизирует с шаблонами неолиберальной идеологии, проповедующими неизбежность торжества некоей универсальной совершенной модели, для которой неотъемлемыми чертами являются «рыночная экономика, политическая демократия, гарантированные права человека, развитая система социального обеспечения и нацеленность на массовое потребление». Одновременно автор ставит под сомнение некоторые популярные представления о «социалистических чертах» китайской действительности — вроде «многоукладная экономика при ведущей роли общественного сектора». Но, ставя под сомнение вчерашние стереотипные знания и представления, ученый как бы приглашает читателя к самостоятельному достижению новых идейно-теоретических горизонтов.

Автор пишет, что если «иметь в виду и возможную перспективу, то увязывание рынка с социализмом... способно принести результаты очень большой значимости. Не только для Китая, но и для всего мира. В условиях, когда катастрофически рушится чисто рыночная модель современного капиталистического мира, нельзя исключать возможности, что именно Китаю удастся соединить в своих институтах и массовой общественной практике экономическую эффективность с соци-

альной справедливостью, благо нации и государства — с достоинством, свободой, полноценной жизнью человека»³³.

Следует согласиться с Я.М. Бергером в том, что изучить и понять процессы модернизации КНР — задача исключительно важная и для понимания перспективы всего мирового развития.

Проблемам модернизации КНР посвятил ряд своих работ доктор экономических наук А.В. Островский. Одна из них так и называется — «Китайская модель перехода к рыночной экономике»³⁴. Автор считает, что «социалистическая модернизация» включает в себя и «совершенствование социалистической рыночной экономики». Характеризуя особенности китайского опыта, А.В. Островский говорит, что «главным является разумное сочетание государства и рынка»³⁵. Особенности китайского пути автор противопоставляет т.н. «программе Грефа» в России, «поскольку объявленная в ней цель — модернизация экономики — входит в противоречие со средствами достижения этой цели — дальнейшая либерализация экономики и отказ от активной роли государства в выработке социально-экономической политики развития общества»³⁶.

Своеобразие исследовательского подхода А.В. Островского — жанр экономической компаративистики. Китайскую модель модернизации он сравнивает с опытом России, Социалистической Республики Вьетнам, стремясь при этом понять причины успеха одних и поражения других³⁷.

А.В. Островский выделяет в китайском опыте ряд этапов экономического и социального реформирования. Он полагает, что Китай не встал на путь радикального слома прежней политической и экономической системы, а пошел по пути плавной эволюции, постепенного формирования рыночной экономики. Эта постепенность воплощена в четырех этапах развития китайской экономической реформы: 1) 1979–1984 гг. — «плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение»; 2) 1984–1993 гг. — «плановая товарная экономика»; 3) 1993–2002 гг. — «социалистическая рыночная экономика»;

³³ Там же. С. 43.

³⁴ *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007.

³⁵ Там же. С. 202.

³⁶ Там же.

³⁷ *Островский А.В.* Китайская модель перехода от плановой к рыночной экономике: формы и методы реализации // Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М., 2012; *он же.* Сравнительный анализ российской и китайской моделей перехода от плановой экономики к рыночной // Там же.

4) с 2003 г. по настоящее время — «совершенствование социалистической рыночной экономики». А.В. Островский считает, что первые два этапа имели лишь подготовительное значение для реализации концепции реформы и лишь с третьего этапа происходит переход к рыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений.

Главным фактором в успехе китайских реформ помимо глубокой научной проработки вопросов преобразований и постепенности в их развертывании, постоянной экспериментальной проверки эффективности тех или иных шагов, по мнению А.В. Островского, явился отказ от стратегии догоняющего развития, при которой делался упор на развитие капиталоемких отраслей тяжелой промышленности, когда предприятия не могут выйти за границу предельных производственных возможностей. Переход к стратегии сравнительных преимуществ, при которой стали быстро развиваться трудоемкие отрасли, что способствовало выходу предприятий на границу предельных производственных возможностей, дал эффект выправления деформированной отраслевой структуры Китая. Это повлекло за собой колоссальный экономический рост в Китае, при котором с начала 80-х годов поддерживаются среднегодовые темпы роста около 10%. Таким образом, в стратегии сравнительных преимуществ заключался крайне важный ключ к успеху экономической стратегии развития.

Заостренностью на фундаментальных проблемах политэкономии социализма с китайской спецификой отличается труд доктора экономических наук Э.П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой»³⁸. Э.П. Пивоварова показала читателю, каким образом через сложные и противоречивые тенденции развития в стране складывались ее нынешний экономический строй и политическая система, какую роль в этом сыграли национально-культурная специфика страны, менталитет ее народа.

Особое внимание уделено автором размышлениям об исторических судьбах социализма на китайской земле: «Можно сделать заключение не только о значительной эволюции идеи социализма в китайской концепции, но и о существенном приближении ее к выросшим на эволюционной почве теориям „конвергенции“, „смешанной экономики“, идей „институционализма“, при всех различиях которых объединяющей их является идея сближения двух общественных сис-

³⁸ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 2011.

тем и необходимости „социального контроля над производством“³⁹. В концепции Э.П. Пивоваровой «социальный контроль над производством» как обязательное условие для конвергентной, по сути смешанной, экономики — суть нынешней китайской модели.

Помимо обобщающих трудов вышло и немало тематических исследований, к примеру работа Л.Д. Бони «Китайская деревня на пути к рынку. 1978–2002 гг.»⁴⁰. Их выводы в целом перекликаются с исследованиями вышеупомянутых авторов.

Российские экономисты, исследователи современного Китая, демонстрируют значительное разнообразие методов и подходов, выдвигают довольно разнообразные концепции экономической модернизации КНР. Но у них есть и некий «общий знаменатель». Никто из них не пророчит якобы неизбежное торжество «капитализма с китайской спецификой», не отождествляет рыночную экономику с всевластием рынка и господством капитала. Напротив, все говорят о становлении оригинальной модели социализма, о следовании Китая в традиционной исторической колее, о поисках своей пропорции соотношения и форм взаимодействия, конвергенции экономики и политики, бизнеса и государства. По сути, речь всегда идет о совершенствовании социализма в новых исторических условиях.

Исследование нетрадиционной тематики было предпринято В.Г. Ганшиным в работе «Формирование гражданского общества в России и Китае»⁴¹. В работе подчеркивается, что становление рыночной экономики, а также многообразных форм собственности и хозяйствования пробуждает активную жизненную позицию населения, побуждает его ясно артикулировать свои личные и общественные интересы, объединяться для их представительства и защиты. В исследовании В.Г. Ганшина подробно анализируется процесс формирования в КНР гражданского общества. Причем анализ сопровождается самостоятельными теоретическими обобщениями, историческими экскурсами, сопоставлениями с современным миром, с опытом других стран. Свои выводы автор строит на обширном материале, в тесной увязке с процессом экономических и правовых преобразований в китайском обществе. Он полемизирует со сторонниками европоцентристской философии, нередко огульно критикующих т.н. «восточный деспотизм». В.Г. Ганшин обратил внимание на бесспорное обстоятельство

³⁹ Там же. С. 325.

⁴⁰ Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. 1978–2002 гг. М., 2005. С. 528.

⁴¹ Ганшин В.Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007. С. 232.

во: западный колониализм был несколько не мягче и не гуманнее восточного деспотизма, а иногда и гораздо более жестоким.

Обращаясь к современности, В.Г. Ганшин констатирует: «До последнего времени китайские власти ясно давали понять логику выстраиваемых ими политических приоритетов. Прежде всего, это — увеличение комплексной мощи государства, а уж потом — удовлетворение разнообразных групповых, корпоративных, индивидуальных интересов. Для этого стране нужна стабильная, сильная государственная власть, способная обеспечить реализацию грандиозных планов „мирного возвышения“»⁴².

Основной вывод автора звучит парадоксально, но он имеет под собой некоторые основания: «Рискну предположить: нормативное гражданское общество мы скорее будем наблюдать в КНР, нежели в России. Китайская власть уже сегодня видит в гражданских инициативах институты будущего сотрудничества и совместного решения национальных проблем, намереваясь создать „социалистическое гармоничное общество“»⁴³.

Идеологические аспекты процесса формирования гражданского общества в Китае, различия западноевропейских и восточных традиций и современных подходов к строительству общества, гражданских общин подробно представлены В.Г. Ганшиным в его работе «Китай: искушение либерализмом»⁴⁴. Работа раскрывает в деталях и «изнутри» процесс интеллектуального поиска современного Китая пути формирования современного гражданского общества.

Теме становления гражданского общества в процессе модернизации КНР, рассмотрению идеи построения «гармоничного общества», разработанной в 2005 г. под руководством генсека ЦК КПК Ху Цзиньтао, посвящена работа Ю.М. Галеновича «Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае»⁴⁵. Доктрина «гармоничного общества» претендует стать определением социального строя современного Китая, т.е. встать в один ряд с такими понятиями, как «капитализм», «социализм». Особенность работы Ю.М. Галеновича заключается в том, что он подвергает эту доктрину скрупулезному рассмотрению на основе богатейшего фактического материала. Он рассматривает ее в самых разнообразных аспектах и отношениях: «гармония» и — закон, порядок, энергия, государство, творчество, согласование об-

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же. С. 151.

⁴⁴ Ганшин В.Г. Китай: искушение либерализмом. М., 2009. С. 219.

⁴⁵ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.

щественных интересов, управление обществом, сохранение стабильности, партии и массы и т.д.

Как известно, китайская государственная традиция с древности подразумевала, что государство не ограничивается в своей идейно-политической работе декларированием общих абстрактных понятий и лозунгов, но стремится проникнуть в самую гущу народной жизни, скрупулезно регламентировать ее самые тонкие аспекты и подробности. Ю.М. Галенович представляет читателю, как эта государственно-политическая традиция воскресает в современном Китае: на множестве источников и примеров он показывает конкретное воплощение доктрины в жизни Китая. Читатель обретает возможность рассмотреть черты традиционности в современном Китае.

Как можно увидеть из работы Ю.М. Галеновича, китайские идеологи выдвигают на первый план в своих теоретических построениях «гармоничного общества» не просто «человека», но абстрактного человека, т.е. человека вне конкретно-исторического контекста, вне классовой, национальной, половозрастной и прочей идентичности. Они рассматривают его как абстрактный атом абстрактного человечества. Но марксизм, в отличие от буржуазной философии, всегда рассматривал человека именно в конкретно-историческом контексте — как представителя класса или сословия, нации и народности и т.д. Так почему китайские идеологи удаляются от традиционной для марксизма концепции исторически конкретного человека?

Ответ заключается в том, что современное китайское руководство считает Китай недостаточно развитой страной, чтобы говорить о социализме как о ближайшей перспективе. На деле в обществе набирает силу рыночная экономика и неизбежно сопутствующее ей классовое общество. Социализм же означает преодоление классовых различий и постепенное изживание их. Поэтому реальная модернизационная политика КПК может иметь своей целью на нынешнем этапе не изживание классов и классовых конфликтов, а лишь гармонизацию отношений существующих классов и слоев. То есть, по сути, провозглашается политика скорее социал-демократического толка.

Работа Ю.М. Галеновича говорит, что доктрина «гармоничного общества», с одной стороны, является проявлением традиционной элитарной идеологии Китая, а с другой стороны, она является адаптацией социальной политики к условиям развитой рыночной экономики.

Оба исследователя — и В.Г. Ганшин, и Ю.М. Галенович — выявляют своеобразие становления гражданского общества в КНР в условиях современного Китая. Оно заключается во взаимодействии наро-

да и государства, которое не тормозит гражданскую активность народа, а напротив, содействует ей. Протекционизм может быть не только экономическим, но и социальным. Подобная самобытная особенность увязывается авторами в единый контекст и с экономическим курсом, и с политической практикой КНР.

Успешное становление рыночной экономики в КНР неизбежно ставит в повестку научных исследований и проблемы модернизации общественно-политической надстройки, в том числе вопросы обеспечения гражданской демократии.

По этой проблематике Л.П. Делюсин выпустил сборник статей под общим названием «Китай: полвека — две эпохи»⁴⁶, в котором собраны статьи разных лет, трактующие принципиальные проблемы понимания модернизации КНР. Хотя статьи написаны для широкой аудитории, популярная авторская манера изложения не делает их менее научными.

Своеобразным «концентратом» взглядов автора может служить статья «Модернизация и демократия» (1997). Автор обозначает проблему так: «Сегодняшняя пропаганда недалеко ушла от старых идей. Так, в официальных документах КПК модернизация, как и демократия, называется социалистической. Без этого эпитета не обходится ни одно решение, ни одна статья. Но оба понятия не укладываются в рамки традиционного марксизма, не говоря уж о идеях Мао Цзэдуна»⁴⁷.

Автор не скрывает своих симпатий к концепциям классического западного либерализма: «Бюрократия стремится воспитать народ, общество в духе преклонения перед мудрым, всезнающим и всепонимающим вождем, способным вникать в любые проблемы — от житейских до научных. Ему одному принадлежит право „творчески“ развивать „всесильное учение“... Но сдвиги к лучшему все же происходят, и правы те ученые и писатели, которые считают, что борьбу за демократию надо начинать сегодня, вовлекая в нее как можно больше крестьян, рабочих, студентов, работников умственного труда»⁴⁸. Л.П. Делюсин предпринял также удачную попытку осветить различные противоборствующие в китайском обществе точки зрения в сфере политического развития Китая.

Автору принадлежат и весьма глубокие наблюдения о природе и компетенции демократии: «Демократия в Китае делает пока свои

⁴⁶ Делюсин Л. Китай: полвека — две эпохи. М., 2001.

⁴⁷ Там же. С. 231.

⁴⁸ Там же. С. 241.

первые шаги. Процесс демократизации, сдерживаемый верхами, пусть медленно, но идет. Следует отметить, что быстрее и успешнее всего реформы прошли в деревне, где неэффективность маоистской модели хозяйства была очевидной, медленнее в городе, еще медленнее, встречая упорнейшее сопротивление партийной бюрократии, в политической области»⁴⁹.

Л.П. Делюсин констатировал, что среди широких кругов китайской интеллигенции сильны консервативные настроения. «В их понимании демократия, соединенная со свободным рынком, не может решить задачу всесторонней модернизации страны. Возлагать же надежды на рыночную экономику, на „невидимую руку“ Адама Смита – это опасная иллюзия, поддаться которой означает обречь себя на массу бед, ибо без руководства и контроля со стороны сильной власти рыночная экономика становится источником различных зол. Сторонники таких взглядов требуют вернуться к старым традиционным социалистическим мерам государственного планирования, которое надо улучшать и совершенствовать»⁵⁰.

Некоторые суждения Л.П. Делюсина вызвали в китаеведческой среде дискуссии, повысили интерес к событиям в Китае не только у китаистов, но и в широких кругах научной общественности.

Продуманное, логически стройное исследование К.А. Кокарева «Политический режим и модернизация Китая»⁵¹, опубликованное в 2004 г., посвящено теме соотношения рыночных преобразований в китайском обществе с политической жизнью страны, проблемам модернизации политической системы КНР.

Автор четко определяет многоликий предмет исследования: «Политическое реформирование трактуется китайскими учеными именно как реформа политического режима, или „конкретной политической системы“, включающей изменение правил, норм, способов, которые устанавливаются для регламентации непосредственной деятельности политических субъектов. Реформировать же политическую систему, изменять ее базовую основу, принципы организации политической власти, как считают в Китае, недопустимо»⁵².

К.А. Кокарев, рассматривая эволюцию политического режима, выделяет несколько этапов: политическую реформу на начальном этапе

⁴⁹ Там же. С. 240.

⁵⁰ Там же. С. 236.

⁵¹ Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004. С. 320.

⁵² Там же. С. 6.

после «культурной революции», затем период 1987–1997 гг. и, наконец, период с 1997 г., после XV съезда КПК.

Оценивая характер и содержание реформ общественно-политической жизни КНР, К.А. Кокарев пишет, что китайское руководство «в основном способствовало укреплению в стране авторитарного режима правления с „китайской спецификой“, что нашло отражение в допущении экономического либерализма, наличии дозированной, строго контролируемой КПК демократии, в том числе на базовом уровне, мобилизации под руководством партии возможностей законодательных, исполнительных органов власти и общественных структур в интересах мобилизации экономической и общественно-политической систем, расширении социальной базы для рекрутирования новых членов КПК. Реальное положение дел, несмотря на немалое число значительных проблем, показывает, что Китаю пока удастся в целом успешно решать задачи поступательного развития общества»⁵³.

Завершающий вывод автора: «Все это дает основания рассматривать нынешний политический режим в Китае как авторитарный с элементами экономического либерализма. На наш взгляд, этот режим на данном этапе модернизации является оптимальным, так как сложный преобразовательный процесс требует высокой управляемости обществом, быстрого маневрирования многообразными функциями политического режима, что возможно при использовании авторитарных форм правления»⁵⁴.

Таким образом, исследование К.А. Кокарева подводит к выводу, что т.н. модернизация КНР есть продвижение страны по пути обновления социалистического строя с китайской спецификой.

В поле зрения российских исследователей политического режима в КНР постоянно находится правящая Коммунистическая партия. Исследование процесса адаптации КПК к новым реалиям современного мира представлено в работе доктора исторических наук Н.Л. Мамаевой «Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы»⁵⁵. Н.Л. Мамаева вносит существенные коррективы в сложившиеся представления о модернизации КНР.

Как пишет автор книги, понятие модернизации страны зародилось в партийной среде еще в 1950-х годах. В те годы в отдельных выступ-

⁵³ Там же. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 306.

⁵⁵ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007. С. 232.

лениях Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая проскальзывали упоминания о «четырех модернизациях». Но ребром задача модернизации была поставлена на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. На XVI съезде КПК (2002 г.) и в решениях последующих пленумов задача обновления страны была сформулирована более масштабно и комплексно: от модели «экономической модернизации» (*цзинььцзи сяндайхуа*), как называли программу «четырех модернизаций», партия переходит к модели «модернизации системы» или «институциональной модернизации» (*чжиду сяндайхуа*), т.е. к модернизации в трех сферах — экономики, политики, культуры — и социальной сферы (*сяокан* — «средняя зажиточность»).

В работе Н.Л. Мамаевой подчеркивается важная роль в модернизации страны партийно-политических преобразований 80-х годов XX в., происходивших под непосредственным руководством Дэн Сяопина.

Н.Л. Мамаева показала, что в условиях политики институциональной модернизации КПК серьезно реформирует свои отношения как правящей партии с государством и обществом. Новые подходы КПК к исполнению своих руководящих функций в обществе, считает автор, заключаются в стремлении правящей партии к нормированию и даже в перспективе к законодательному оформлению места, роли, функций КПК в ее отношениях с государством и обществом.

Н.Л. Мамаева пишет: «В новых условиях привлечения науки к разработке стратегии модернизации страны и реформирования модели управления в КНР наметилась здравая тенденция преодоления несоответствия между устоявшимися политическими штампами и политической практикой, препятствовавшего выработке адекватных подходов к решению проблемы „партия и власть“ на современном этапе. Она выражается в различных формах. Прежде всего, констатируем тенденцию к политико-юридическому оформлению руководящей функции партии и намерения партийного руководства отрегулировать законодательно формы и границы взаимодействия партийных комитетов с представительными и исполнительными органами власти, с административными структурами, а также военными и судебно-прокурорскими органами»⁵⁶. Очевидно, что подобный подход позволяет соединить две линии: на сохранение стабильности власти и государственного управления и на демократизацию политической жизни⁵⁷.

⁵⁶ Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. С. 8.

⁵⁷ Теоретический аспект нормирования как демократизации более подробно рассмотрен на примере Японии: См.: Анисимцев Н.В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. М., 2008. С. 141.

В исследовании Н.Л. Мамаевой, как и К.А. Кокарева, отчетливо видно, что модернизация КНР захватывает и политическую сферу, имеет характер не либерализации на западный манер, а носит характер совершенствования социалистической государственности. Подобная политика встречает понимание и поддержку в широких кругах китайского общества.

Отечественные ученые в рассматриваемый период уделяли серьезное внимание и изучению права КНР как составной части политики модернизации.

В 1984 г. вышел в переводе на русский язык сборник важнейших документов, освещающих современную китайскую действительность и дающий фундамент для научного изучения начавшихся в КНР перемен⁵⁸. Сборник был подготовлен коллективом ученых. Все переводы выполнены на высоком правоведческом и лингвистическом уровне. В него включены документы, представляющие все основные отрасли права: Конституция КНР (1982 г.), экономическое и природоохранное законодательство, уголовное право и ряд прочих законов. Свод документов послужил фундаментом в изучении права современного Китая. В большей части этот сборник документов сохраняет свое научное значение и сегодня.

Масштабная панорама эволюции государственно-политической жизни Китая представлена в коллективном аналитическом труде группы ученых в составе Р.М. Асланова, Н.Л. Мамаевой, А.А. Москалева, К.А. Кокарева, Г.А. Степановой и других, работавших под руководством доктора юридических наук Л.М. Гудошника, — «Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80–90-е годы XX века»⁵⁹. Ученым удалось систематично и обстоятельно раскрыть модернизационные процессы в сфере государственно-политической жизни КНР, показать развитие конституционного права и административной системы, уголовного судопроизводства, всей сферы, регулируемой правовыми нормами.

Российскими учеными был также подготовлен масштабный, всеобъемлющий труд по проблемам развития политической системы, государственного строя, правовой системы КНР — «Политическая система и право КНР в процессе реформ: 1978–2005»⁶⁰. Труд был подготовлен большим авторским коллективом под общим руководством Л.М. Гудошника. В работе приняли участие Э.З. Имамов, Н.Л. Ма-

⁵⁸ КНР. Конституция и законодательные акты / Пер. с кит. М., 1984. С. 470.

⁵⁹ Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80–90-е годы XX века. М., 2001. С. 420. В 2004 г. вышло 2-е, исправленное и дополненное издание этого труда.

⁶⁰ Политическая система и право КНР в процессе реформ: 1978–2005. М., 2007.

маева, Е.Г. Пашенко, Р.А. Шепенко, Е.В. Бирюлин, В.Г. Ганшин, Д.А. Максимов, П.В. Трошинский и др. Впервые в российской и зарубежной китаеведческой литературе представлено изучение политической системы и права КНР как единое целое.

«Политическая система управления КНР, развитие ее правовой системы определяются, прежде всего, задачами и потребностями экономической модернизации страны, превращения Китая в мощное современное государство, — пишут авторы. — Выполнение этих задач китайское руководство связывает с поддержанием политической стабильности, что предполагает сохранение в основных чертах политического режима, сложившегося после „культурной революции“ и зафиксированного в действующей Конституции КНР 1982 г.»⁶¹. «Установившаяся в КНР после „культурной революции“ политическая система и правовые институты еще не исчерпали себя и достаточно обеспечивают экономический и социальный прогресс страны»⁶².

Предпринимаемая властями КНР работа по строительству правовой системы социализма с китайской спецификой призвана превратить КНР в социалистическое правовое государство. И хотя, как пишут авторы, становление КНР в качестве правового государства во многом выглядит пока еще как программное обращение к будущему, однако сам факт целенаправленного обращения в сторону строительства правового государства является позитивным фактором⁶³.

Аналізу наиболее общих тенденций развития права КНР в свете оценки характера китайской модернизации была посвящена работа Н.В. Анисимцева «Правовая система „социализма с китайской спецификой“: ее становление, дуализм и гармония»⁶⁴. В статье проводится мысль, что баланс публично-правовых и частноправовых норм в формирующейся новой системе права КНР может служить индикатором изменений социально-экономического и политического характера китайской модернизации. «Сформированная ныне в КНР „правовая система социализма с китайской спецификой“ призвана быть отражением и инструментарием „социалистической рыночной экономики“ и „гармоничного общества“, обеспечивающих гражданам Китая „средний уровень зажиточности“. В совокупности они составляют фунда-

⁶¹ Там же. С. 463.

⁶² Там же. С. 464.

⁶³ Там же. С. 8.

⁶⁴ Анисимцев Н. Правовая система «социализма с китайской спецификой»: ее становление, дуализм и гармония // *Он же*. Китай и Япония в начале XXI века. Очерки права, идеологии, историографии. Саарбрюккен, 2013. С. 7–30.

мент „социализма с китайской спецификой“. Идеологически „социализм с китайской спецификой“ развивается в русле идейной традиции учения Маркса, Ленина — идей и практического опыта многоукладности общественной формации, при которой параллельно и долгосрочно развиваются противостоящие и взаимодополняющие друг друга уклады — государственно-плановый и предпринимательско-рыночный. При этом сосуществование таких укладов рассматривается не как временное переходное состояние, но как долговременная историческая данность, имеющая диалектическую природу, абстрактно-рациональную, надисторическую детерминированность. Это сочетание идейных подходов и социальных укладов и закреплено в нынешней правовой системе, где оно выступает в оболочке сложного баланса частноправовых и публично-правовых институтов и норм»⁶⁵.

Таким образом, автор, связывая публичное право с социалистической перспективой страны, а ее гражданское право — с рыночной экономикой и гражданским обществом, считает, что в КНР в правовом отношении сложилось устойчивое «двухколейное» гармоничное единство этих двух разделов правовой системы.

В процессе модернизации права КНР ключевое значение неизбежно приобретут и такие аспекты, как развитие гражданского права, соотношение гражданского права с публичным правом, хозяйственное право. Если Конституцию справедливо считают высшим законом жизни государства, то высшим законом жизни общества можно считать гражданский кодекс той или иной страны (в КНР идет работа над созданием гражданского кодекса, однако до сих пор он еще не принят).

Изучению этой сферы китайской модернизации также посвящен ряд ценных специальных работ российских ученых. В 1990 г. вышел сборник работ группы ученых, озаглавленный «Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс)»⁶⁶. Среди авторов сборника — Л.М. Гудошников, Л.А. Волкова, К.А. Егоров, Э.З. Имамов, С.А. Манежев, Е.Г. Пашенко. В 1980-е годы предполагалось, что модернизация КНР ограничится сугубо экономической, хозяйственной сферой и не станет явлением цивилизационной сложности и масштаба. Однако такой подход к теме несколько не умаляет ценности исследовательских работ, включенных в сборник. В книге последовательно рассматриваются такие вопросы, как государственно-правовое регулирование модернизации в КНР, проблемы

⁶⁵ Анисимцев Н. Китай и Япония в начале XXI века. С. 29.

⁶⁶ Правовые аспекты модернизации в КНР (экономика и научно-технический прогресс). М., 1990.

экономической реформы и систематизации гражданского права, организационно-правовые формы хозяйственной деятельности и юридические лица, правовой статус государственного предприятия и его преобразования в ходе экономической реформы, политико-правовое регулирование модернизации сельского хозяйства, основные направления законодательной политики в области научно-технического прогресса, правовая регламентация открытой внешнеэкономической политики.

Авторы пишут в заключении, что «проведение социалистической модернизации в Китае является задачей исторического масштаба... Опыт, полученный в ходе реализации принципиально новых идей в этом процессе, следует отнести к достоянию всего мирового социализма, подлежащему всестороннему анализу и изучению»⁶⁷. Рассматриваемый научный сборник стал примером глубокого научного изучения. Хотя многие данные и наблюдения сегодня уже перестали быть актуальными, тем не менее многие научные выводы авторов и сегодня незаменимы для всякого, кто хочет понять истоки, характер, логику модернизации КНР.

Замечательная роль в изучении гражданского права КНР принадлежит безвременно ушедшему доктору юридических наук Е.Г. Пашенко. В 1997 г. увидел свет подготовленный им сборник документов по гражданскому законодательству КНР, включающий переводы документов и вводную аналитическую статью⁶⁸. Подобное издание китайского гражданского законодательства, по сути, является первым в России. В сборнике собраны нормативные акты гражданско-правового характера, а также иные акты, попадающие в сферу действия гражданско-правовых отношений. Практически все представленные документы были обнародованы в предшествующие 10–15 лет и отражают развитие товарно-денежных отношений и рыночных законов, гражданско-правовых отношений в КНР.

Представленное в сборнике законодательство группируется на ряд тематических разделов — право собственности, обязательственное право, право интеллектуальной собственности, наследственное право.

Другой труд Е.Г. Пашенко, «Экономическая реформа в КНР и гражданское право», по-видимому, должен считаться основополагающим в изучении темы «гражданское право КНР»⁶⁹. Автор рассмотрел и осветил многие ранее не изученные аспекты гражданского права Китая. Он создал картину правовых традиций Китая в данной сфере,

⁶⁷ Там же. С. 303.

⁶⁸ Гражданское законодательство КНР / Пер. с кит. М., 1997.

⁶⁹ Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.

господствовавших до начала модернизации страны; рассмотрел процесс зарождения и начало современных реформ, осветил политическую борьбу в КНР по вопросам будущего, путей модернизации, формирование курса «идти на двух ногах» в сфере гражданского права. Также Е.Г. Пашенко подробно исследует стартовые позиции нынешних реформ — Общие принципы гражданского права, принятые в 1986 г.

В работе обстоятельно раскрываются гражданско-правовые аспекты статуса основных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности начального периода реформ. Читатель знакомится с многоукладным характером китайской экономики и разнообразием субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности. Подробно анализируются правовые и организационные основы существования и функционирования государственных промышленных предприятий; досконально освещаются проблемы правового статуса коллективных предприятий (городских, волостных и деревенских, крестьянских паевых кооперативных предприятий). Автор дает развернутую характеристику предприятий с иностранным участием (совместных, кооперационных, чисто иностранных, предприятий специальных экономических зон), а также рассматривает правовой статус, динамику развития частных предприятий и предпринимательскую деятельность граждан без образования юридического лица. Специальный раздел работы посвящен исследованию договорных форм организации экономических отношений (хозяйственным договорам, подрядным договорам в промышленности и сельском хозяйстве, договорам арендного хозяйствования).

Общий вывод автора гласил: хозяйственный механизм «социализма с китайской спецификой» активно облекается в гражданско-правовые формы, а гражданское право превращается в опосредующий инструмент перевода национальной экономики на путь рыночного регулирования. На этом пути существуют многочисленные и непростые проблемы: постоянная борьба плана и рынка часто ведет к сужению сферы действия гражданского права. Тем не менее автор заключает: «Расцвет гражданского права КНР впереди», развитие рыночной экономики КНР диктует и все более широкое внедрение норм гражданского права в жизнь страны. Труд Е.Г. Пашенко и ныне в своих прогнозах является пророческим.

Немало исследователей работают в «жанре» традиционного исторического исследования. Среди них есть и обобщающие, и специальные работы. Примером масштабной обобщающей работы в первую очередь может служить труд доктора исторических наук В.Н. Усова

«История КНР»⁷⁰. Речь здесь идет о втором томе данного издания, охватывающем период 1966–2006 гг. Это весомое историческое исследование, раскрывающее процесс развития КНР в хронологической последовательности и охватывающее разнообразные сферы жизнедеятельности общества — экономику, политическую борьбу, культурную жизнь и т.д.

Основное внимание автора направлено на раскрытие процесса развития материально-технической и социально-культурной основы бытия страны, включающего меры по укреплению стабилизации и упорядочению общественно-политической жизни народа.

Так, подводя итоги развития страны к началу XXI в., В.Н. Усов приводит убедительные данные о достижениях Китая в развитии производительных сил страны. Если в 1950 г. по объему ВВП КНР занимала лишь пятое место в мире (4,5% общемирового ВВП), то в 1999 г. КНР прочно заняла второе место (11,5%) после США. Рост показателей экспорта свидетельствует о том, что экономика КНР растет в условиях конкуренции с мировым рынком. При этом доля продукции обрабатывающей промышленности в общем объеме экспорта выросла до 87,1%, в том числе продукции высокотехнологических отраслей — с 2,6% в 1980 г. до 22,4% в 2000 г. и т.д.

Своеобразие подходов автора становится более заметным, когда он касается вопроса о социальных формах реализации материально-культурного прогресса в КНР. Оно отражается прежде всего в представленной автором периодизации истории КНР, которая выглядит следующим образом: 1979–1982 гг. — «поиски руководством КНР реалистического пути развития и модернизации Китая»; 1982–1984 гг. — «первые итоги урегулирования, достижение экономической стабильности»; 1984–1996 гг. — «второй этап реформ». «Начало структурных реформ» с 1996 г. — «третий этап реформ». На наш взгляд, в данном случае определение характера эволюции носит ограниченный характер. Периодизация не включает в должной степени социальную эволюцию. Основной проводимый автором тезис — это материально-культурный прогресс, не имеющий строгой, четкой привязки к социальным формам. Как нам представляется, суть этой точки зрения: пока не сделан однозначный, четкий необратимый выбор в вопросе о будущем социальном строе КНР, который остается в реальной жизни открытым. Очевидно, что авторская концепция В.Н. Усова стоит несколько особняком в сравнении с другими работами.

В.Н. Усову принадлежат и масштабные специальные исторические исследования — биографии современных исторических деятелей, на-

⁷⁰ Усов В.Н. История КНР. Учебник. В 2 т. Т. II. 1996–2004 гг. М., 2006.

пример работа «Дэн Сяопин и его время»⁷¹. Завершающие главы масштабного исследования посвящены наиболее плодотворному периоду деятельности великого реформатора Китая. В рассматриваемый период Дэн Сяопин предстает как смелый и мудрый реформатор страны, сконцентрировавший свои усилия на налаживании, переустройстве всей хозяйственной жизни, как инициатор обогащения и совершенствования социально-экономической жизни Китая на путях внедрения и развития механизмов рыночной экономики.

Подробно представляя Дэна как реформатора-рыночника, В.Н. Усов показал ту исключительно важную роль, которую сыграл Дэн Сяопин в столь знаковом, критически важном событии, как массовые выступления в апреле–июне 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. В.Н. Усов приводит свидетельство политического деятеля и историка Чэнь Ицзы: «Дэн квалифицировал студенческие выступления как „антипартийные и антисоциалистические беспорядки“... Он заявил, что настоящие события не являются обыкновенными студенческими выступлениями, мы имеем дело с политическими беспорядками, нацеленными на подрыв руководства и отказ от социалистического строя»⁷². Автор показал, что позиция Дэна Сяопина сыграла исключительно важную роль в удержании КНР на пути прогрессивных реформ при сохранении стабильности государства, власти и общества, базовых устоев страны, недопущении разгула анархии и потери управляемости, соскальзывания в катастрофические процессы. В исследовании В.Н. Усова Дэн Сяопин предстает как многогранный исторический деятель, до конца жизни оставшийся верным идеалам социализма.

Весомым вкладом в изучение новейшей истории Китая являются труды доктора исторических наук Ю.М. Галеновича. Помимо многих научных трудов по проблемам внешней политики КНР ему принадлежат работы по проблемам идеологии и модернизационных процессов КНР сегодня. Его книги содержат богатейший фактический материал, позволяющий в красках увидеть, почувствовать реальный мир современного Китая. Уже одно это качество делает его труды ценнейшим источником информации для исследователей и всех читателей.

Одна из его работ, «Чжао Цзыян и реформы в Китае»⁷³, посвящена этому видному государственному деятелю КНР, сыгравшему важную роль в модернизации КНР. В период волнений на площади Тяньаньмэнь 1989 г. он выступил как сторонник углубления процессов либера-

⁷¹ Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М., 2009.

⁷² Там же. С. 749–750.

⁷³ Галенович Ю.М. Чжао Цзыян и реформы в Китае. М., 2012.

лизации. Авторские оценки мотивов, которыми руководствуются лидеры КНР, достаточно спорны. Тем не менее богатейший фактический материал и аналитический опыт ученого делают книгу весьма ценным источником информации при изучении современного Китая.

Работы историков хотя и отличаются многообразием подходов и точек зрения, тем не менее помогают сформировать общую картину модернизации современного Китая.

Представленный нами аналитический обзор трудов российских китаеведов объективно не может претендовать на исчерпывающую полноту. Автор стремился всего лишь представить, а в ряде случаев просто упомянуть наиболее репрезентативные работы российских китаеведов с целью выявить и обрисовать общий для отечественной синологии последних лет интеллектуальный тренд.

За последние 15–20 лет отечественная синология своими исследованиями смогла охватить широчайший тематический спектр вопросов, непосредственно затрагивающих процесс и проблематику модернизации КНР. Всех авторов объединяет обращение к изучению оригинальных китайских источников, на основе которых написано большинство представленных в данной статье трудов.

Все без исключения авторы признают выдающиеся достижения китайского народа в подъеме материально-культурного уровня страны, развитии науки и производства, в успешном решении социальных задач, в укреплении ее богатства и мощи и в росте международного авторитета КНР. Можно сказать, что «градуалистский» подход широко признан в кругу отечественных исследователей-синологов.

Имеющие место разногласия в российской синологии отражают действительную сложность мирового развития — выбор человечества между «западной цивилизацией» и «евро-азиатским публицитетом». Есть и работы, которые обходят вниманием этот непростой теоретический выбор, ограничиваясь чисто «градуалистским» пониманием эволюции современного Китая.

Если суммировать взгляды отдельных ученых в некое умозрительное единство, интегральную концепцию, то складывается картина некоего симбиоза рыночного и либерального экономического и социального базиса страны при прежнем, традиционном социалистическом, консервативном общественно-политическом строе. Подобное сочетание весьма распространено в современном мире и обозначается как «неоконсерватизм». Исследовательские труды отечественных синологов последних 10–15 лет способны представить широкую, объективную, многогранную научную картину состояния и развития современного Китая.

Е.Н. СТЕПАНОВА

Гендерный вопрос на фоне социально-политической ситуации в Китае (в советской и российской историографии)

В статье обобщаются выдвинутые в российском Китаеведении оценки гендерной политики КПК и Гоминьдана в процессе политической эволюции в стране. Отражены разные подходы российских Китаеведов к анализу этих проблем. Автор статьи проводит также анализ материалов, посвященных трансформации семейного уклада жизни в современном Китае и изменениям в законодательстве в этой области. Уделяется внимание возникающим новым проблемам современной молодежи в материковом Китае, в том числе в контексте схожести и отличий с проблемами молодежи на Тайване.

Ключевые слова: гендерная политика, женщины, социальное неравенство, ганьбу, молодежь, брак, семья.

В современной российской историографии КНР гендерная тематика присутствует в немногочисленных работах российских историков-Китаеведов Я.М. Бергера, Е.В. Бирюлина, О.В. Манухиной, О.В. Почагиной, Э.А. Синецкой, В.Н. Усова и др.

По нашему мнению, представленный в монографии Э.А. Синецкой «автопортрет китайского горожанина» 1950-х годов является обобщенным образом. Его характеристика напрямую связана с темой социального неравенства и несправедливости (в том числе внутри коллективов трудящихся), хотя «перед лицом партии все равны»¹.

Эта тема выдвигает необходимость изучения опыта использования критики в период построения социализма в КНР, вплоть до сегодняшнего дня. Как отмечает исследовательница, материал петиций (*дацзы-*

¹ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. М., 1997. С. 102.

бао, букв. «газета больших иероглифов») не потерял своей актуальности и спустя 40 лет после своего появления².

Представленный в монографии материал является «уникальным источником для изучения всех параметров жизни рабочих (работниц) отдельно взятого завода в Северном Китае и в целом мироощущения китайцев», дает возможность «представить вторую реальность, услышать, что говорят сами китайцы о своем положении»³.

Исследовательница во введении определяет «героев своего романа» как «трудоустроенных», не выделяя конкретно рабочих и крестьян, мужчин и женщин (т.е. без гендерных предпочтений), и на этой основе приходит к определенным выводам, как бы обобщая чувства и умонастроения китайцев. При этом автор обращает наше внимание на специфику ситуации, при которой большинство авторов петиций апеллируют не к закону, а к чувству справедливости в условиях несовершенства законодательной системы, бюрократизма и сохранения традиционных феодальных отношений в Китае⁴.

По мнению Чжан Юн, в середине 1950-х годов лидера КНР Мао Цзэдуна не особенно беспокоило мнение рабочих и крестьян, которые, без сомнения, были благодарны коммунистам за горсточку риса, не дававшую им умереть с голоду, и стабильное существование⁵. По свидетельству китайских авторов, трудящиеся для выражения своего несогласия с тем или иным явлением использовали письменную форму протеста в виде *дацзыбао* и в 1970-х годах⁶.

По нашему мнению, судить о китайской специфике форм и методов организационной и пропагандистской работы, например среди женщин, включая написание *дацзыбао* (спустя 20 лет после периода, описанного Э.А. Синецкой), можно по данным, приведенным китайской исследовательницей Гэн Хуаминь в связи с ситуацией в Китае в 1977 г.

В Нинся-Хуэйском автономном районе Всекитайская федерация женщин (ВФЖ) на всех уровнях создала тогда группы обучения, политические вечерние школы и другие организации культурного фронта, используя на занятиях стихи, песни, устраивая театрализованные представления, организуя специальные «колонны критики»,

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 27, 29.

⁴ Там же. С. 5, 85, 121.

⁵ Чжан Юн. Дикие лебеди: Три дочери Китая / Пер. с англ. Р.Шапира. СПб., 2008. С. 260.

⁶ Там же.

а также прибегая к иным формам работы, тем самым мобилизуя женщин на разоблачение «банды четырех». Только в 1977 г. в этом районе под эгидой ВФЖ собрания женщин «по критике» созывались 1520 раз с участием более 300 тыс. человек. Было написано более 3 тыс. критических материалов и 2602 — на классных досках, составлено 3902 резолюции, создано 64 картины, показано 414 представлений.

В Автономном районе Внутренняя Монголия в Хулуьбуирском аймаке ВФЖ 9224 раза созывала собрания по всевозможной критике, было написано 43 086 критических материалов, *дацзыбао* и *сяоцзыбао*, 3126 специальных критических колонок, а также 5929 стихов, песен, картин, развернуто 534 движения. По «трем большим критикам» прошли обучение 257 951 человек, всеми мероприятиями было охвачено до 90% женщин.

В уезде Гэнхэ также были продемонстрированы соответствующие документы и фотографии от имени ЦК КПК, которые разъяснялись «специальными людьми». Более 95% женщин приняли участие в просмотре этих материалов на улицах.

С января 1977 г. в пров. Юньнань женщины-*ганьбу* приняли участие в работе созданных партшкол при провинциальных, местных, областных, городских и уездных парткомах «по разоблачению, критике и проведению расследований», увязывая эту работу с практикой женского движения в этой провинции, разоблачая и критикуя преступления «банды четырех» и всей созданной ею системы групповщины⁷.

Такого рода протест со временем приобретает новые формы (в открытом или закамуфлированном виде либо их сочетаниях), затрудняя для власти возможность распознавания и адекватного реагирования на эти явления в целях предотвращения социального взрыва.

Надо отметить, что разрыв между бедными и богатыми, городом и деревней, между различными частями Китая не сокращается, несмотря на усилия со стороны партии-государства в процессе проводимой в стране политики реформ и открытости.

А.М. Телешевская, рассматривая *дацзыбао* как форму критики, пишет, что они использовались правительством с целью получения информации об общественном мнении в стране, для контроля и управления им. *Дацзыбао* рассматривались властными структурами как способ создания положительного отношения к политическим акциям

⁷ Гэн Хуаминь. Фунюй юньдун болуань фанчжэн шулюе (Краткий обзор урегулирования ситуации развала женского движения и его восстановления) // Contemporary China History Studies. Vol. 15. № 3, Май 2008. P. 47–55.

правительства, возникновения атмосферы психологической совместимости верхов и низов, а в целом для стабилизации режима⁸.

Можно сказать, что и в настоящее время в материковом Китае и на Тайване существуют похожие, несколько видоизмененные, но доступные для масс методы выражения общественного мнения и критики (включая политическую сатиру и карикатуры с целью дать возможность населению «выпустить пар») при помощи соцсетей в Интернете⁹, в виде микроблогов, интернет-писем вместо петиций¹⁰, организации маршей и митингов вместо запрещенных демонстраций и представлений разного рода¹¹. Эти средства используются в целях укрепления стабильности политического режима (или, наоборот, с целью дестабилизации обстановки).

Э.А. Синецкая в своей работе обращает внимание на актуальность демографического фактора для китайской действительности и на связанные с ним важные социальные проблемы. Как считает автор, никакие мероприятия в стране не могут быть осуществлены без учета роста населения¹².

Характеризуя современную демографическую ситуацию, отметим, что политика одного ребенка в семье, проводимая правительством с 1971 г., может иметь тяжелые последствия для экономики страны

⁸ *Телешевская А.М.* Этнопсихологический фактор в политике руководства КПК (1960–1975 гг.). ИБ ИДВ АН СССР, № 108. М., 1980. С. 70–71.

⁹ По данным на 2014 г., в КНР насчитывается 612 млн. пользователей Интернета. Очевиден значительный рост по сравнению с 2010 г. (457 млн.). — URL: <http://www.chinatoday.com/data/data.htm>

¹⁰ На Тайване преподаватели-историки по инициативе профессоров Университета Чжэнчжи также использовали эту форму коллективного обращения к правительству в поисках решения проблем образования, в частности преподавания истории на острове, попыток «детализации» и «синизации» предмета (Taipei Times. History textbook changes ‘fundamental’: historians. — URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2014/02/23/2003584159>). На наш взгляд, вопрос о содержании преподавания истории на Тайване и количестве часов, посвященных преподаванию истории материкового Китая и Тайваня (явно не в пользу Тайваня, примерно в соотношении 70–80% к 20–30%), возникал и ранее, во время дискуссий на международных конференциях, в частности на летних семинарах по Тайваню для специалистов-тайваневедов в Лондонском университете (SOAS) в 2009 г. — Taipei Times. Historians petition over changes. — URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2014/03/10/2003585308>; Taipei Times. History textbook changes ‘fundamental’: historians URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2014/02/23/2003584159>.

¹¹ *Emilie Tran.* The Ups and Downs of civil society in China: retrospective, development and future trends // The 20th Biennial Conference EACS (European Association for Chinese Studies). Braga / Coimbra — July 2014, Portugal. P. 267.

¹² *Синецкая Э.А.* Автопортрет китайского горожанина. С. 9.

вследствие падения рождаемости. Помимо этого, ожидается увеличение числа пожилых людей старше 60 лет, на сегодняшний день это $\frac{1}{7}$ населения КНР, к 2030 г. эта цифра составит $\frac{1}{4}$. В 2012 г. падение рождаемости по сравнению с предыдущим годом составило 3,45 млн. Предполагалось, что даже с изменением демографической политики в 2015 г. население КНР все-таки не должно было превысить 1 млрд. 380 млн.¹³.

Успешной индустриализации в Китае, по мнению Э.А. Синецкой, способствовал перевод на предприятия кадровых работников (*ганьбу*). Этот процесс сопровождался стремлением крестьянства переехать жить в город (возвращение из города в деревню практически невозможно¹⁴) и нежеланием горожан переселяться в деревню¹⁵.

Автор рассматриваемой монографии затрагивает также проблемы взаимоотношений кадровых работников с сельскими жителями. Она обращает внимание на тот факт, что сельские жители подвергались притеснениям со стороны сельских *ганьбу*, деревенских комсомольцев или членов КПК, которые нередко вели себя как «маленькие господа» «допуская коррупцию и себялюбие», не реагировали на критику, а то и просто сводили счеты с населением, оказывая тем самым на него давление¹⁶.

Э.А. Синецкая пишет о необходимости выделить аспект перерождения сельских *ганьбу*, так как такой «перерожденец», сотрудничавший с властными структурами в прошлом и живший неплохо, а теперь притесняющий сельских жителей, доходя до самоуправления, оказывается особенно опасным. Согласно выводу автора, все это было чревато падением авторитета новой власти, поэтому не приходится говорить о развитии в Китае «новой демократии»¹⁷.

¹³ Синьхуа, 23 декабря 2013 г. — URL: <http://www.miniharm.com/2013/03/24/all-china-womens-federation-leftover-women>

¹⁴ Если не принимать во внимание современную политику партии-государства, т.н. «урбанизацию деревень», для сокращения пространственной миграции населения. См.: Paula Moraisio. Decentring communities: the impact of urbanization in urban community (shequ) construction in China // The 20th Biennial Conference EACS (European Association for Chinese Studies). Books of Abstracts. P. 276–277.

¹⁵ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 33.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Как пишет Э.А. Синецкая, речь идет о «великой» или «полной демократии» и возможности широко высказывать свое мнение, открыто излагать взгляды, о чем гласила статья 45 Конституции 1978 г., позже изъятая при Дэн Сяопине, так как могла подорвать обстановку стабильности и сплоченности в КНР. См.: Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 20.

В *дацзыбао* неоднократно поднимался вопрос о миграции населения и переселении жен из деревни к мужьям-рабочим, о неимоверных трудностях получения удостоверения для возможного переезда членов семей рабочих. Между тем, как подчеркивает автор, для семей *ганьбу* существовали особые правила (разрешалось перевезти из деревни даже няню в многодетную семью начальника), т.е. привилегии, действовавшие согласно их рангу.

Несмотря на то что Конституция 1954 г. гарантировала личные права граждан на свободу передвижения, право на отдых и другие, строгая регламентация передвижения порождала недовольство среди рабочих, особенно молодых, из-за притеснения их жен (с целью воссоединения семей), хотя, как указывает автор, именно молодежь являлась опорой и надеждой нового государства.

Поскольку территория Китая часто подвергается воздействию стихийных бедствий, особое внимание уделяется в *дацзыбао* положению населения, терпящего бедственное положение в связи с природными и другими катаклизмами. Предлагалось рассмотреть возможность и необходимость не столько материальной и продовольственной помощи, сколько повышения эффективности мер для спасения крестьян своими силами, чтобы уберечь их от вынужденного переселения в города, где они, как правило, пополняли нищие слои. Авторами *дацзыбао* указывалось, что нищенство приводит к нарушению общественного порядка и что основной причиной этого социального явления в Китае являются стихийные бедствия и неурожай.

По мнению авторов *дацзыбао*, явление нищенствования имеет множество причин, которые властным структурам следует тщательно изучать. Органами власти, как следует из *дацзыбао*, допускалось искажение до неузнаваемости государственных финансовых отчетов работы на селе, свидетельством чему был ряд правительственных постановлений. Оказываемая государственная помощь часто не доходила по назначению до масс, а присваивалась местными *ганьбу*. Автор утверждает, со ссылкой на Ли Бучоу, что «правомерно предположить, что искажения в той или иной степени присущи большинству местных кадров»¹⁸.

Далее исследовательница высказывает интересную мысль по поводу «новых нищих» в КНР, переселенных в деревню для участия в сельскохозяйственном производстве. Многие из них — выходцы из бывших имущих классов, не привыкшие работать, — своим поведением

¹⁸ Там же. С. 48.

компрометировали политику правительства в деревне, являлись, в сущности, потенциальным взрывоопасным элементом в обществе. В петициях отмечалось отсутствие реакции китайских горожан на нищих; практически никто не пытался заступиться за них, высказываясь в *дацзыбао* на другие сельские темы. Как известно, пишет Э.А. Синецкая, умалчивание проблемы есть тоже оценка, уход от объективных причин и пример взаимного непонимания между разными слоями общества.

Автор монографии отмечает факт дифференцированного снабжения различных слоев населения, рабочих и служащих. Например, инженеру выдается немного больше продуктов питания по сравнению с рабочим. Столичный горожанин при этом находится в привилегированном положении, несмотря на недостатки снабжения, и по сравнению с сельским жителем практически не ощущает воздействия неурожайного года¹⁹.

Из всего сказанного исследовательницей делается вывод о закономерности острой заинтересованности горожан в решении сельских проблем, так как большая часть проблем города зависит от правильного проведения политики в деревне, поскольку важно соблюдение принципа — сельское хозяйство является основой экономической стратегии страны.

Власти КНР учредили систему обязательной регистрации по месту жительства. Паек получали только зарегистрированные в городе. У кого была деревенская прописка, не получали от государства никаких продуктов. Систему содержания государственных служащих (высокопоставленных чиновников 13-го разряда и выше) отменили в конце 1956 г., заменив зарплатой соответственно разряду. Подобные меры были связаны, в том числе, с политикой ограничения миграции, задержания сельских жителей по месту прописки и выселения определенных категорий граждан в сельскую местность. Но все это, как пишет автор, приводило к несоблюдению статьи о праве на труд граждан, зафиксированном в Конституции КНР 1954 г.

Отметим, что до сих пор в КНР существуют проблемы в области миграционной политики. Между тем с начала 2000-х годов проводится новая политика в вопросах миграции населения в города. Постепенно разрешаются проблемы с медицинским обслуживанием, поступлением детей мигрантов в школу и т.д.

Насущным для трудящихся горожан продолжает быть вопрос заработной платы, которая в основном остается низкой. Население испытывает финансовые трудности в обычной повседневной жизни,

¹⁹ Там же. С. 51.

например в решении вопросов ремонта жилища, не говоря уже о каких-то непредвиденных обстоятельствах (болезнь, потеря кормильца, смерть близких и т.д.). Страдают в основном низкооплачиваемые работники и многосемейные.

Рабочие, испытывая финансовые трудности, вынуждены обращаться на предприятия за материальной помощью, предоставление которой не всегда было справедливым при отсутствии гласности по данному вопросу. Особенно болезненно воспринимались привилегии в отношении *ганьбу*, так как кадровые работники также испытывали материальные трудности, хотя и не при покупке товаров первой необходимости (продуктов питания и теплой одежды), но при покупке велосипеда, часов, радиоприемника и т.д.

При социализме официальная зарплата определяется количеством и качеством затраченного труда, что является справедливым. Согласно Дэн Сяопину, при установлении разрядов рабочим и служащим необходимо учитывать квалификацию работника и его вклад в производство²⁰. На практике же учитывалось не столько умение, сколько рабочий стаж, лояльность к руководству, общественная активность, политическая сознательность и отношение к учебе. При этом зарплата не выходила за пределы прожиточного минимума, не гарантируя оплаченного отпуска для посещения родственников, что в условиях традиционного Китая было необходимым мероприятием.

То есть на практике отсутствовали четкие критерии определения разрядов. Не было установлено точного соотношения между затраченным количеством труда и качеством рабочей силы и денежным вознаграждением.

Автор монографии отмечает также упомянутые в *дацзыбао* недостатки организации производства на предприятиях. Среди них — пренебрежительное отношение (не до конца изжитое в Китае или, возможно, вновь заимствованное в то время) к научно-техническим работникам, считавшимся не вовлеченным непосредственно в производственный процесс и оторванными от практики. Рационализаторы воспринимались помехой привычному производственному процессу²¹.

Как известно, к началу нового века отношение к научно-техническим кадрам в Китае изменилось. На XVII съезде КПК (2007) «концепция научного развития» была утверждена в качестве теоретического руководства по обеспечению «всестороннего, гармоничного и

²⁰ Дэн Сяопин. Избранное. 1975–1982. Пекин, 1983. С. 130–131.

²¹ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 68.

устойчивого развития страны на основе единого комплексного планирования»²².

Автор отмечает актуальность для трудящихся, как следовало из *дацзыбао*, вопроса о выдвижении в передовики производства и поощрении активных рабочих. Повышенное внимание рабочих к этой стороне жизни объяснялось, как следует из книги, тем обстоятельством, что во главу угла выдвигались не производственные успехи, а «достижения» в экономии (в основном за счет здоровья, сэкономили на рукавицах, масках и обуви)²³.

Вопросы, поднятые в *дацзыбао*, как следует из монографии, касались в основном не производственной, а социальной сферы. Они затрагивали также деятельность профессиональных союзов, от которых ожидали развития демократических начал в сфере выборов руководящих органов, а в повседневной работе — усиления функции воспитателя и организатора масс²⁴.

С точки зрения авторов *дацзыбао*, как отмечается автором книги, работа профсоюзов сводилась к формальному сбору взносов, при этом были сетования по поводу завышенных отчислений с заработков, а также с надбавок за ночные смены и выплат по больничным листам. Кроме того, профсоюзные лидеры редко появлялись в цехах и выглядели обычными бюрократами, что вело к их отрыву от масс, хотя функция профсоюзов заключается в том, чтобы быть посредником между рабочими и администрацией, каналом взаимодействия между массами и властью предрержащими.

Согласно мнению автора монографии, рабочие задумывались о причинах безответственности, бюрократизма и произвола низовых проф-

²² *Смирнов Д.А.* XVIII съезд КПК о задачах построения среднезажиточного общества // Мир и политика. Т. 28. № 1.

²³ Это важно для Китая, так как именно таким образом на заводах, фабриках, в народных коммунах начиналась традиционная карьера многих современных руководителей (военачальников) КНР, в том числе женщин (родом из таких провинций, как Ляонин, Сычуань, Хэбэй, Хунань и др.). Среди них Лю Яньдун (刘延东) (род. 1945), назначенная вице-премьером КНР в 2014 г. — URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-08/19/c_133568844.htm, Сунь Чуньлань (孙春兰) (род. 1950), Ма Вэнь (马馼) (род. 1948). Карьера некоторых женщин-военнослужащих, например девочек-невест (Ли Чжэнь (李震) (род. 1908), Ляо Вэньхай (廖文海) (род. 1934), Цяо Пэйцзюань (род. 1932), достигших высоких рангов (генералов), начиналась в армии с участия в сопротивлении японской агрессии и корейской войне и т.д.

²⁴ *Stepanova E.* Women NGO-s in the PRC in the period of transformation of the relationship between state and society // The 20th Biennial Conference EACS (European Association for Chinese Studies). P. 94–95.

союзных организаций²⁵, полагая, что это было следствием стиля работы высших инстанций или их попустительства. Такая практика искажает «государственный принцип» (с точки зрения самих рабочих), препятствует развитию общества и вредит интересам людей.

Из *дацзыбао* следует, что профсоюзные лидеры действовали бесконтрольно, могли злоупотреблять своими полномочиями, не опасаясь ответственности. Числясь активистами, профсоюзные начальники пользовались привилегиями, присваивая премии из профсоюзных фондов, а также распределяя в свою пользу спортивный инвентарь, билеты на культмассовые мероприятия, которых на всех не хватало. Такой стиль поведения профсоюзных лидеров трудно было списать на отсутствие опыта, как пишет Э.А. Синецкая, и рабочие видели в этом нездоровую тенденцию, пренебрежительное отношение к простому населению, по сути дискриминацию.

Горожане-рабочие отмечали бесполезность деятельности месткомов из-за несерьезного отношения их членов к своей работе, проявившегося, в частности, в игнорировании социалистического соревнования и его итогов. Кроме того, как отмечается в *дацзыбао*, отсутствовала информированность высших инстанций о делах низовых организаций.

Очевидно, что в КНР, делает выводы автор монографии, не сложились традиции самостоятельного экономического движения масс и отсутствуют традиции профсоюзного движения. В этих условиях партия взяла на себя функцию по развитию самосознания масс, в том числе и в экономической области.

Экономическая борьба рабочего класса, по мнению Э.А. Синецкой, есть не только первый исторический этап становления самосознания трудящихся через реализацию наиболее понятных и близких интересов — проблем труда и быта, — но и этап, без которого невозможно формирование правового сознания класса трудящихся.

Отношениям партии и масс в монографии «Автопортрет китайского горожанина» посвящена третья глава. Необходимо учитывать этот важный аспект взаимоотношений, так как КПК (как и любая партия власти) нуждается в обратной связи с массами, независимо от их партийной принадлежности, для установления сотрудничества, без кото-

²⁵ Речь в данном случае шла, как пишет Э.А. Синецкая, о трудоустройстве членов семей рабочих, вовлечение в производство которых было ограниченным, так как для этого требовалось резкое увеличение фонда заработной платы и расходов на социальное обеспечение, а эти проблемы в конце 1950-х годов в КНР стояли очень остро.

рого невозможна «трудовая и социальная активность в деле строительства социализма в Китае»²⁶.

Прием в члены КПК (в настоящее время их насчитывается около 85 млн.) регламентировался, принимались не только передовики производства, но и политические активисты. В *дацзыбао* высказывалась претензия, что партия недостаточно воспитывает комсомол (мало связи между ними, а партийные организации только указывают молодежи на обязательность изучения опыта КПК), отсутствует четкая система вступления в КПК комсомольцев.

Кроме того, авторами петиций, как следует из работы, отмечалось равнодушие партии к своему резерву (речь идет о приеме в партию). Виновниками серьезных проволочек (по нескольку лет) в *дацзыбао* назывались низовые партийные организации. Обращения часто оставались без ответа, становясь свидетельством формального отношения и пренебрежения властей. Именно на среднем и низшем уровне, казалось бы, верно поставленные партией задачи и намеченные методы их решения дискредитировались, что приводило к появлению сомнений в ценности идей коммунизма. Эффективность осуществления программы партии в политической, экономической и социальной сферах зависела от чистоты рядов партии, от упрочения обратной связи с массами²⁷.

Трудности на пути вступления в партию, даже у активистов и «передовых элементов», порождали определенную социальную напряженность среди комсомольцев. Автор книги задается вопросом: почему партия не принимала должных мер по воспитанию своего качественного резерва (принимая во внимание «пестрый социальный состав рабочего класса»²⁸ в Китае в то время, т.е. в 1957 г.)?

Ответом на этот вопрос, как нам представляется, может служить тот факт, что у КПК до образования КНР (1949 г.) не было развернутой созидательной программы, рассчитанной на длительный срок. Программа партии не была принята и на VIII съезде КПК в 1956 г.²⁹

²⁶ *Синецкая Э.А.* Автопортрет китайского горожанина. С. 86.

²⁷ Что касается современного Китая, то ощущается развитие страны — при условии сохранения политической стабильности. Китай «цивилизуется», приобретая все более современные (и даже модернистские) черты, но сохраняя признаки традиционности, пока живо нетребовательное старшее поколение, видевшее времена Мао, «большого скачка» и «культурной революции». (*Наблюдения авт., январь 2014, Пекин.*)

²⁸ *Синецкая Э.А.* Автопортрет китайского горожанина. С. 97.

²⁹ См. об этом: *Степанова Г.А.* История формирования парткомов провинциально-го уровня и их роль в политической системе КНР: 1966–1976 гг. / дисс.... канд. ист. н. ИДВ АН СССР. М., 1978. С. 23.

Только незначительное количество комсомольцев, отмечается в монографии, могли продолжить свою политическую карьеру, вступив в партию, а ряды комсомола были неестественно раздуты из-за не покинувших молодежную организацию комсомольцев по достижении предельного возраста. При этом в *дацзыбао* не ставились вопросы о необходимости политучебы, так как считалось, что успехи в деле строительства социализма в Китае автоматически воодушевляют, воспитывают массы. Между тем народ начинал испытывать потребность в образовании и овладении политической теорией. Порядок приема в комсомол вызывал нарекания у молодых людей, побуждая их сразу обращаться в высшие инстанции без уведомления низовых комсомольских органов. Недовольство относительно вступления в КПК в *дацзыбао* выражалось анонимно по причине, как пишет Э.А. Синцакая, непредсказуемости или, наоборот, предсказуемости реакции.

Мы можем утверждать, что у молодых рабочих было желание не только сплотиться под эгидой комсомола и партии (по крайней мере у политически передовой, активной и грамотной ее части), но и иметь возможность для самовыражения, признавая необходимость влияния партии на все стороны жизни. Одновременно молодежь начинала задумываться об эффективности собраний, необходимости закрепления результатов принятых решений.

В *дацзыбао* критиковалось формальное отношение партии к недавно созданному институту участия трудящихся в управлении производством в виде молодежных контрольных постов. (Кстати, эта идея воплощается в жизнь сейчас на Тайване. Молодежь в лице активистов движения «Цветок подсолнуха», самого мощного за последние 20 лет, выдвигает политические требования проводить мониторинг решения правительства и законодателей³⁰.) Здравая идея законодательного оформления права этого молодежного движения на мониторинг деятельности правительства возникла по причине правильного сочетания в молодежной среде максимализма, энтузиазма и меньшей подверженности влиянию авторитетов наряду с задачей всестороннего контроля (идеологического, технического, организационного) и воспитания молодого поколения.

Возможность, предоставленная Компартией — обсуждать и критиковать, — вселяла в рабочих надежду на то, что будут приняты меры по исправлению недостатков. С другой стороны, как пишет иссле-

³⁰ Taipei Times. Students to mark pact's anniversary. — URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2014/06/20/2003593218/2>

довательница, непродолжительный социальный опыт молодежи уже заранее порождал в ней какую-то безнадежность³¹.

Пятая глава монографии непосредственно посвящена женскому вопросу, условиям труда женщин и трудностям, испытываемым женщинами на производстве. Автор монографии отмечает, что в содержании *дацзыбао* с трудом прослеживается женская тематика, так как оказалось практически невозможным выделить их чисто женскую направленность. Специфика женского вопроса в Китае в то время сводилась к двум главным проблемам: первая — положение женщины и ее защита, вторая — наличие или отсутствие равных прав и возможностей у мужчин и женщин.

При достаточно высокой занятости как на производстве, так и в непромышленной сфере (заводские лаборатории, школы, медпункты, больницы и т.д.)³² женщина ощущала себя участницей этого важного процесса, дающего ей право на какие-то особые условия или обязанности.

Для автора книги вопрос о том, осознавали ли сами женщины значимость пола для образования специфической группы, женской организации, остался неясным. Как справедливо замечает Э.А. Синецкая, не в каждой стране «есть женское движение и собственно женские организации»³³. Обособления или противопоставления полов в материале *дацзыбао* исследовательница не обнаружила.

Отметим, что в КНР право избирать и быть избранной было зафиксировано за женщиной без борьбы за него в Конституции 1954 г. Свобода выбора предоставлялась не только в общественно-политической деятельности, гарантировалось и личное право на свободный

³¹ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 99.

³² Городское население Китая (урбанизация во многих случаях без пространственного перемещения — специфический для Китая характер процесса) составило 53,37% в 2013 г. (при этом половина сельского населения по-прежнему женщины). Прогнозируется, что к 2020 г. 1,4 млрд. человек будет проживать в городах. Занятость женщин в возрастной когорте трудоспособных в городах составила в 2010 г. 60,8% от общего количества трудоспособных женщин, мужчин — 81,1% в том же году (более поздних статистических данных не обнаружено). Для сравнения: доля работающих женщин трудоспособного возраста в 1990 г. — 77,4%, а в 1970 г. — 90%. Зарплата городских женщин в 2010 г. составила 67% относительно мужской, в 1990 г. этот показатель держался на уровне 78%. Растущая урбанизация в КНР, с одной стороны, и нефеодалные практики (с учетом социального расслоения) — с другой, влияют на цифры гендерной занятости в стране и в настоящее время. См.: *Leta Hong Fincher. Leftover Women: The Resurgence of Gender Inequality in China.* — URL: <http://www.economist.com/news/books-and-arts/21601486-why-womens-rights-china-are-regressing-pick-and-choose>

³³ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 144–146.

выбор в браке согласно Закону в КНР о браке (1950 г.). Между тем осуществить такую практику оказалось делом нелегким вследствие сложившихся в Китае традиционных норм и правил семейной жизни и отношений.

Э.А. Синецкая подчеркивает неординарность отношения самих женщин к замужеству (независимо от их принадлежности к социальной страте, проживания в городе или деревне, уровня образования, положения женщины в семье). Замужество рассматривается как результат сватовства «с общественно полезными намерениями». При этом женщины не задумываются, как утверждает автор, об имевшем место определенном ограничении свободы выбора партнера. Рождение детей остается в сознании женщины «делом частным, сугубо личным»³⁴. Как нам представляется, подобное отношение к браку характерно для женщин и в настоящее время — как в КНР, так и на Тайване.

Э.А. Синецкая отмечает консервативность национального менталитета и общественного сознания, отличного от западного, а также иное мироощущение китайской женщины и иной социальный статус женщины. Здесь, как мы считаем, уместно говорить прежде всего о различиях в культуре. При этом нельзя не учитывать влияние информационной революции, дошедшей и до Китая. Поэтому есть проблемы, естественно возникшие в китайском обществе, а есть привнесенные извне, с которыми Китаю предстоит справиться.

Ввиду сложности политической ситуации в мире и социально-политических процессов, происходящих в настоящее время в Китае, стратегия политического руководства направлена прежде всего на удержание власти партии-государства и стабильности в стране для реализации намеченных реформ и планов дальнейшего развития³⁵.

Что касается института брака, то, по мнению А.М. Телешевской, партия-государство обращается к институту брака особенно в момент ослабления власти, для ее поддержания и укрепления. Возвращение к ценностям, провозглашенным еще Сунь Ятсеном, призывавшим распространить приверженность к семейной организации (важный этнопсихологический фактор) также и на государство, использовалось в пропаганде курса строительства «новой жизни», в методах нацио-

³⁴ Там же. С. 148.

³⁵ *Смирнов Д.А.* Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы // ПДВ, 2012. № 6. С. 79.

нального строительства в Китайской Республике при Гоминьдане³⁶; роль семьи в государстве и обществе акцентируется и в современном материковом Китае, и на Тайване³⁷.

Возвращение к семейным традиционным ценностям, по нашему мнению, — путь к спасению и для КПК в континентальном Китае, и для Гоминьдана на Тайване.

Так, для советских и российских ученых определилась необходимость изучения контекста социального (брака и семьи) помимо политического и экономического. О.В. Почагина в своих работах подробно освещает вопросы брака, семьи и гендерных отношений. В частности, в статье «Новая редакция закона КНР о браке» (принята в 2001 г.) отмечается, что регулирование внутрисемейных отношений посредством законодательства происходило в течение всего времени существования государства в Китае, являясь «необходимым фактором выживания и поступательного развития китайской цивилизации»³⁸.

Помимо закрепленной в Законе о браке 1950 г. (принятого после образования КНР одновременно с Законом о земле³⁹) свободы выбора и равенства в браке были уравнены в правах внебрачные дети и дети, рожденные в браке, были прописаны и обязанности родителей воспитывать и содержать своих детей. Далее, уже в 1970-е годы начата кампания «пяти хорошо» с опорой на семью имела главной целью планирование деторождения, по сути его ограничение в связи с перенаселением.

Как писал Мао Цзэдун, изменения в отношениях между женщиной и женщиной зависят от победы крестьянства в экономической борьбе⁴⁰, так как коренным вопросом является вопрос о земле, о собственности на землю, а не «об обобществлении жен». Поэтому не случайно разработанный китайскими коммунистами новый Закон о браке был принят практически одновременно с Законом о земле.

³⁶ *Телешевская А.М.* Этнопсихологический фактор в политике руководства КПК. С. 46–47.

³⁷ Сохранение семейственности (клановости) правящих элит на Тайване и в КНР с целью удержания власти происходит различными способами с конца 1980-х годов. Примером тому могут служить различные элитные клубы (the Rotary, The Lion с годовыми членскими взносами от 10 тыс. долл. США), ассоциации (в том числе спортивные — гольфисты, теннисисты и др., и отдельно женские), членами которых могут быть как отдельные личности, так и целые семьи.

³⁸ *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке // ПДВ, №3. 2002. С. 22.

³⁹ См. подробнее: *Степанова Е.Н.* Гендерная политика Мао Цзэдуна и большие изменения в современном китайском обществе // Материалы международной конференции, посвященной Мао Цзэдуну. Хунань, 2013.

⁴⁰ *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения в 4 томах. Т. 1. М., 1952. С. 72.

При этом, с точки зрения Мао Цзэдуна, преобразования в области родовой системы, религиозных суеверий и «неправильных» отношений между мужчиной и женщиной в семье следовало проводить осторожно и постепенно, пробуждая в крестьянах политическое сознание и избегая при этом методов приказов и директив, «не подменяя крестьян коммунистами»⁴¹.

Хотя «в КНР закон о браке был издан сразу же после провозглашения новой власти, на местах ганьбу в то время сетовали, что проще провести аграрную реформу, чем реализовать этот закон»⁴², так как он противоречит традиционно сложившимся семейно-брачным отношениям⁴³. В некоторых деревнях, как пишет Э.А. Синецкая, реакция населения на активисток-участниц начатой по инициативе ВФЖ в 1950 г. кампании по пропаганде нового закона о браке иногда соответствовала патриархальному кодексу: женщин и девочек убивали, иногда даже собственные разгневанные отцы⁴⁴.

Анализируя второй Закон КНР о браке (1981), О.В. Почагина отмечает, что в правоприменительной практике КНР существует особенность постепенной корректировки принятых законов⁴⁵, необходимой для адаптации страны к изменениям в социально-экономической и политической составляющих модернизации страны. В целом новый Закон КНР о браке способствовал дальнейшему развитию основ семейного законодательства, заложенных еще в первом Законе о браке (1950). Основными нововведениями при принятии нового Закона, как отмечается О.В. Почагиной, являются повышение брачного возраста супругов, уточнения относительно запретов на вступление в брак по состоянию здоровья (это касается лиц, страдающих заболеванием, не позволяющим вступать в брак⁴⁶), смягчение запретов на брак между

⁴¹ Там же. С. 92.

⁴² *Foster Snow Helen. Women in Modern China // First Published by Moutom & Co., 1967, Foreign Languages Press. Beijing, 2004. P. 14.*

⁴³ Как свидетельствовала сама Цзян Цин о ее детстве в отчем доме, об отношении ее отца к матери и детям. (См.: *Роксана Уитке. Товарищ Цзян Цин. Boston-Toronto: Little, Brown and Company, 1977. P. 69–73.*)

⁴⁴ *Синецкая Э.А. Феминизм в Китае, или Дорога длиною в полтора столетия. М., 2008. С. 15.*

⁴⁵ Экспериментировали партия/государство в поисках «новой модели» в КНР, действуя в духе «эмансипации сознания и поиска правды в фактах», как на то указывал тогда, в 1980-е годы, лидер КНР Дэн Сяопин (Taipei Times. Learning from the China model. — URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2014/08/12/2003597211/2>).

⁴⁶ Как мы предполагаем, это включает и фертильность женщины, так как рождение сына всегда являлось первым долгом замужней женщины в Китае. «Существовало

близкими родственниками и упорядочение внутрисемейных отношений с младшими и старшими родственниками. Закреплялись также положения о единобрачии и денежных компенсациях замужней женщине при расторжении брака по причине внебрачных связей мужа (бигамии), имущественные права женщин в случае расторжения брака.

Закон, далее, требует обязательной регистрации брака и не признает законным так называемый гражданский, или фактический, брак⁴⁷; согласно ему аннулируются все еще существующие браки по принуждению (а по сути, торговля женщинами, которая еще не изжита в Китае).

По нашему мнению, самым важным нововведением второго Закона о браке можно считать положение о возможности прекращения брачных отношений в несостоятельном браке, введение судебно-правовой ответственности в случае допущения издевательств и домашнего насилия⁴⁸. Этой проблеме, указывает О.В. Почагина, посвящена гл. 5 Закона о браке «Меры по оказанию помощи, правовая ответственность», согласно которой компетентные организации, комитеты городских и сельских жителей, органы общественной безопасности, народные суды и т.д. должны принимать меры для прекращения насилия и выполнения обязательств по оказанию помощи и содержанию членов семьи, выплате ущерба потерпевшей стороне⁴⁹.

Важно отметить стремление партии-государства достичь соблюдения гендерного баланса в законотворчестве и исправить положение, когда мужчины, особенно военнослужащие, при расторжении брака по-прежнему имеют больше прав, чем их жены⁵⁰.

О.В. Почагина обнаруживает изменение в построении гендерных отношений (перераспределение нагрузки по ведению домашнего хозяйства и повышение социального статуса современной женщины,

также учение о семи условиях удаления мужем своих жен из дома, самое важное из которых — нерождение сына». См.: *Усов В.Н.* Жены и наложницы Поднебесной. М., 2006. С. 16.

⁴⁷ Требование обязательной регистрации брака имело целью ограничить деторождение. Данная поправка, направленная в пользу государства, как считает О.В. Почагина, не отвечает интересам женщин, так как не защищает их права при отказе мужчины регистрировать брак. См.: *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке. С. 28.

⁴⁸ Об этом подробно см.: *Степанова Е.Н.* Роль женщины в социально-политической трансформации Тайваня. (Конец XX — начало XXI века) / дисс. ... канд. полит. н. МГУ — ИСАА. М., 2013. С. 17–18.

⁴⁹ См.: *Почагина О.В.* Новая редакция закона КНР о браке. С. 30.

⁵⁰ Там же.

возможность для женщины наследовать имущество родителей) в связи с тем, что семья перестала носить характер расширенной родовой структуры, представляя собой нуклеарный тип семьи — мать, отец и ребенок.

С другой стороны, как отмечает исследовательница, китайские специалисты по семейному праву, социологи и психологи выделили несколько форм существования внебрачных отношений: бигамия, гражданский брак, сексуальные отношения помимо супружеских, — предлагая разрабатывать санкции по отношению к нарушителям супружеской верности с учетом интересов нескольких сторон, противодействуя, таким образом, «толерантности общества по отношению к таким явлениям»⁵¹.

Современная тенденция изменения типа семьи имеет место в Китае⁵². По утверждению профессора Чжан Бэйчжуана (Университет Циндао), в КНР в 2012 г. было 60 млн. геев и 16 млн. женщин замужем за мужчинами-геями⁵³. В 1997 г. в материковом Китае из Уголовного кодекса было удалено положение об аресте по статье «хулиганство», применявшейся по отношению к гомосексуалам. В 2001 г. Китайская психиатрическая ассоциация перестала квалифицировать гомосексуализм как ментальную патологию. При этом допускаются браки между мужчиной-геем и женщиной-лесбиянкой (последнее необязательно), имеющих общего ребенка, ведущих раздельный образ жизни. Мужчина, выполнивший таким образом «сыновний долг» перед родителями, может создать «иную» семью по своему усмотрению в другом городе, продолжая проживать отдельно от супруги с ребенком, но помогая содержать и воспитывать своего ребенка⁵⁴.

Это явление имеет отрицательное значение для КНР (кроме вышеупомянутой демографической составляющей), оказывает влияние на решение вопроса с содержанием стариков и их проживанием (также в связи с постарением населения Китая, хотя наиболее многочисленной пока остается когорта от 16 до 59 лет).

Как считает О.В. Почагина, социальной безопасности стариков наносится ущерб. Прежде всего, из-за все более безразличного отношения молодежи к межпоколенческим связям, трансформации структу-

⁵¹ Там же. С. 25.

⁵² См.: Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. С. 169–184.

⁵³ China: 16 million women married to gays. — URL: <http://www.pinknews.co.uk/2012/02/03/china-16-million-women-married-to-gays/>; Millions of wives wed to gay men: expert http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-02/03/content_14528838.htm

⁵⁴ Ibid.

ры китайской семьи, изменения гендерных ролей, отсутствия эффективных институциональных механизмов и законодательства (работающих программ и стратегий, системы социальных гарантий, страхования стариков и т.д., особенно в сельской местности), а самое главное, вследствие отсутствия у старшего поколения собственности, передаваемой по наследству⁵⁵.

По нашему мнению, выход из сложившейся ситуации может быть найден как на пути назначения пожилым людям достойных пенсий по старости и их медицинского страхования, так и в обязательном посещении детьми детских садов с самого раннего возраста. Ведь там, где наличествует групповая структура (т.е. расширенная группа, в которой ее интересы становятся интересами индивида), происходит начальная социализация ребенка и зарождаются общественные отношения.

Далее возникает связь индивида и группы через подчинение авторитету лидера (директора, воспитателя, лидеров из числа детей), согласно стереотипу сознания. Подчинение осуществляется через непосредственное воздействие, а присутствие лидера является обязательным, так как именно он обеспечивает порядок, и никто не будет пренебрегать «правилами игры»⁵⁶.

На наш взгляд, и это отмечает О.В. Почагина, весьма актуальной представляется ст. 30 Закона, регулирующая отношения старших и младших членов семьи в части ответственности по содержанию и заботе о несовершеннолетних и пожилых, по взаимоподдержке и солидарности⁵⁷. Что касается вдовцов и вдов, Закон оставляет за ними право на уважение детьми их решения о вступлении в повторный брак, делается ставка на традиционные семейные ценности. Таким

⁵⁵ Почагина О.В. Новая редакция закона КНР о браке. С. 26.

⁵⁶ См.: Телешевская А.М. Этнопсихологический фактор в политике руководства КПК. С. 47–49.

⁵⁷ Имеется в виду не только материальная поддержка, но и необходимость участия в жизни друг друга.

Например, согласно комментариям китайской исследовательницы Хун Сяо, в 2009–2010 гг. (и моим личным наблюдениям 2006 г.) факт пропажи детей стал вызывать серьезное беспокойство у правительства КНР. Поэтому было принято решение о строгом контроле с фиксированием времени самостоятельного передвижения детей в период внеклассного обучения. В настоящее время дети занимаются внеклассным обучением непосредственно в школах или перемещаются в сопровождении старших членов семьи или нянь, в зависимости от состоятельности родителей. См.: *Hong Xiao*. Aspirations for children and after school activities in urban China: An exploratory study // The 20th Biennial Conference EACS (European Association for Chinese Studies).

образом, «обязанность детей содержать родителей не отменяется по причине изменения брачных отношений родителей»⁵⁸.

О.В. Почагина также обращает внимание на новое для Китая социальное явление — «любовные связи в виртуальном пространстве»⁵⁹, — бросившее вызов традиционным китайским ценностям и возникшее по ряду причин, связанных с ускорением распространения информации в условиях открытости Китая внешнему миру, с глобализацией, модернизацией, с расширением информационного пространства посредством Интернета, а также с переходом общества на более высокий этап развития в поисках (с неизбежными издержками в процессе) новой модели демократического общества, основанного на нравственности и сознательности.

В целом, как считает О.В. Почагина, потребуется три-четыре поколения на преобразование традиционных ценностей в ценности современного человека в условиях рыночной экономики и информационного общества⁶⁰.

Не найдя решения личных проблем, из-за медленного изменения реальности, особенно в сельской местности, многие женщины по-прежнему традиционно ищут утешение в религии (буддизме, даосизме, католичестве, особенно на Тайване).

Но, как отмечает О.В. Почагина, «супружеская верность» не входит в разряд семейных ценностей, а традиция предписывает соблюдать супружескую верность только женам⁶¹, не распространяя данную добродетель на мужей.

Таким образом, историография проблемы свидетельствует о дискуссионном характере ряда принципиальных характеристик традиционных и современных трактовок семейного уклада. Формирование уважения к выбору индивида в браке и повышение статуса женщины

⁵⁸ Жэньминь жибао. 01.05.2001. Цит. по: Почагина О.В. Новая редакция закона КНР о браке. С. 30.

⁵⁹ Почагина О.В. Новая редакция закона КНР о браке. С. 25.

⁶⁰ Там же. С. 27.

⁶¹ Согласно трактовке понятия супружеской неверности Чжэн Янь (證嚴), главы самой на сегодняшний день могущественной буддийской секты, зарегистрированной как фонд (慈濟功德會) на Тайване (в 1999 г. 20% населения острова, в основном состоятельные женщины, состояли в ней; ежегодный бюджет пожертвований составлял 20 млн. долл. США, а в 2014 г.; секта насчитывала 5 млн. членов), супружеская неверность мужа рассматривается как результат дурной кармы жены. Женщине следует рассматривать это как возможность научиться, каким образом справляться со страданием. См.: Yao Yu-shuang. Taiwan's Tzu Chi as Engaged Buddhism: Origins, Organization, Appeal and social Impact // Marburg Journal of Religion: Vol. 17. № 1, Leiden, 2013.

в современном китайском обществе проявляются в более толерантном отношении молодого и среднего поколения к расторжению брака с сохранением права на личную жизнь, свободный выбор партнера, что важно для сохранения социальной стабильности в стране.

Хотя, как пишет автор, в 1998 г. 38,5% пар из всех обратившихся за разводом было отказано в расторжении брака. Согласно статистике, в материковом Китае 40% подростков из неполных семей совершают противоправные действия, хотя в большей степени травмируют детей случаи насилия в семье и жестокого отношения к женщине-матери⁶².

Из всего вышесказанного автор делает вывод о том, что партия-государство считает необходимым принять меры, в том числе и законодательные, по обеспечению «социальной стабильности» существующего строя, особое внимание уделяя обеспечению социальной защищенности самых нуждающихся в поддержке и внимании слоев населения, в первую очередь детей, женщин и стариков, людей с ограниченными возможностями.

Для этого в Китае, скопившем за время проведения реформ со времен Дэн Сяопина достаточный финансовый капитал с ежегодным ростом ВВП около 10%, существуют различные способы и возможности для развития все еще слабой системы социального страхования и реформирования пенсионной системы, а также в части закрепления традиционных китайских ценностей у современной молодежи (уважения к старшим и выполнения сыновнего долга), социальных гарантий по уходу и содержанию престарелых родителей и близких младших родственников.

Автор обозначает и другие причины появления в 2001 г. новой редакции Закона о браке помимо негативных явлений, угрожающих социальной стабильности и препятствующих, таким образом, дальнейшему развитию КНР. Эти причины связаны с изменением статуса женщины в Китае, ее возможностями обладания и распоряжения собственностью до и после расторжения брака, а также с необходимостью приведения законодательства в соответствие с международными обязательствами, взятыми на себя КНР после принятия Пекинской декларации о положении женщин и Платформы действий (1995).

В заключение статьи О.В. Почагина приходит к выводу о важности для индивида обладания личными правами (в том числе на личную жизнь, свободу брачного выбора) и свободами в современном модернизированном обществе. Она также отмечает преимущества современного общества в плане появления новых возможностей реше-

⁶² Почагина О.В. Новая редакция закона КНР о браке. С. 26.

ния социальных проблем, неизбежно возникающих в переходном обществе, таком как китайское, связанных с изменением типа семьи, разрывом родственных связей, снижением авторитета старших членов и т.д. Хотя традиционное общество демонстрирует ряд преимуществ перед модернизированным в смысле сохранения традиционных ценностей, таких как групповая взаимопомощь, солидарность, коллективизм, возможность сглаживания социальных противоречий и негативных явлений, личность в таком обществе лишена индивидуальности, персональной активности, что автоматически ограничивает ее права и свободы.

Рост разводов в Китае имеет, с точки зрения О.В. Почагиной, позитивную сторону с точки зрения соблюдения прав и свобод партнеров на личный выбор, лучшую семейную жизнь для себя и своих детей. А повышение экономического и социального статуса женщины (как следствие получения образования и профессиональной занятости, возможности обладания и распоряжения собственностью от своего имени) способствовало осознанию самоценности женщины и повышению толерантности общества к расторжению брака и вступлению в повторный брак по своему усмотрению.

Автор приходит к обоснованному выводу о том, что китайское правительство, проводя в жизнь научную концепцию устойчивого всеобщего скоординированного социально ориентированного развития, включает в нее и дальнейшее выполнение задач достижения гендерного равенства, соблюдения прав и интересов женщин согласно Закону, обеспечения женщин равными с мужчинами политическими, экономическими, культурными, общественными правами и правами в семейной жизни.

А.Л. ВЕРЧЕНКО

Советская/российская историография о влиянии традиций на повседневную жизнь китайского народа

В статье рассматривается проблема изучения советскими/российскими учеными традиций и их влияния на жизнь современного общества в Китайской Народной Республике, остающейся, как и прежде, страной традиций.

Исследование традиций, в которых причудливым образом переплелись мистические культы даосизма, доктрины буддизма, конфуцианские каноны и народная мудрость, соединенные с мифами и легендами, важно для понимания мироощущения китайцев, их поступков и каждодневного поведения.

Ключевые слова: Китай, КНР, традиции, историография, праздники, символика.

Под традицией подразумевается множество передаваемых из поколения в поколение представлений, обрядов, привычек, образцов поведения в повседневной и общественной деятельности. Некоторые традиции относятся к разряду духовной культуры: воспроизводство праздничной обрядовости, следование этикету, определенным образцам в музыке, танце, устном народном творчестве, прикладном искусстве. Другие направлены на поддержание элементов традиционной материальной культуры: в одежде, пище, декоре жилища и др.

Традиции являются относительно устойчивой частью культуры¹, хотя и подвергаются трансформации по мере изменения обществен-

¹ См. об этом, например: *Дорони Б.Г.* К характеристике национальной культурной традиции Китая // Китайские традиции. Культура и проблемы модернизации. Тез. докл. V Межд. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1995. С. 207–216.

но-политической ситуации, в то же время они в некоторой степени могут влиять на развитие и ход выполнения поставленных властью задач. «Власть традиций в Китае — явление общепризнанное. С ней сталкивается любой, так или иначе соприкоснувшийся с современным состоянием или историей этой страны»².

Изучение китайских традиций, в которых в процессе формирования на протяжении нескольких тысячелетий причудливым образом переплелись мистические культы даосизма, доктрины буддизма, конфуцианские каноны и народная мудрость, соединенные с мифами и легендами, важно для понимания мироощущения китайцев, их поступков и каждодневного поведения. Проблема преломления традиций и проявления их в современном обществе представляет большой интерес с научной точки зрения. В практической плоскости обращение к этому вопросу необходимо нам, россиянам, для понимания ближайших соседей в процессе контактов с ними по широкому спектру проблем, особенно на этапе всеобъемлющего стратегического партнерского взаимодействия. Уместно здесь привести слова Н.Г. Чернышевского из «Рассказа о Крымской войне (по Кинглеку)»: «Большая часть международных бед происходит... оттого, что народы слишком мало знают друг друга».

Цель данной статьи — выявить, насколько проблема влияния тех или иных традиций на жизнь современных китайцев в КНР изучена в отечественном китаеведении, какие работы опубликованы по данной тематике и в каком формате.

Советские/российские ученые всегда серьезно занимались изучением традиций, обрядов, всевозможных ритуалов и их влияния на жизнь общества и народа в Китае. Источниками для исследований служат монографии, книги, научно-популярные издания, выступления на тематических и регулярных конференциях («Общество и государство в Китае», «Китай, китайская цивилизация и мир»), публикации в таких журналах, как «Народы Азии и Африки», «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня»³, «Дружба народов», в серии «Идейно-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации» Информационного бюллетеня ИДВ РАН. Проблема затрагивалась в общих и специаль-

² Мугрузин А.С. Исторические и социальные основы китайской традиционности // Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994. С. 25.

³ В некоторых номерах журнала присутствует рубрика «Традиции, обычаи, нравы».

ных теоретических и прикладных работах историков, философов, географов, социологов, лингвистов, этнографов, религиоведов.

Выявить в полном объеме все материалы, подготовленные в центре и на периферии России по данной тематике, представляется достаточно проблематичным. Сложность изучения данной проблемы также состоит в том, что научное ознакомление иностранных ученых, а также отечественных, с жизнью и традициями простых людей: рабочих, крестьян, учителей, служащих, представителей новых специальностей или социальных групп — осложняется трудностями или даже невозможностью в отдельные исторические периоды получать соответствующую литературу и тем более проводить полевые исследования, изучать жизнь китайского общества изнутри⁴. Большую помощь для ознакомления с китайской действительностью оказывают переводы произведений китайской литературы, выполненные отечественными китаистами: А.Н. Желоховцевым, В.Ф. Сорокиным, Б.Л. Рифтиным, В.И. Семановым, С.А. Торопцевым, И.А. Егоровым, Н.Н. Власовой, А.А. Родионовым и др.⁵. «Лучшие образцы литературных произведений позволяют нам без труда выявлять характерные черты и тенденции современного общества»⁶, наблюдать за изменениями поведения людей в повседневной жизни, их отношением к традициям.

В XX в. Китай переживал стремительные общественно-политические изменения, и отечественные синологи уделяли основное внимание именно этой сфере, хотя и обращались к проблемам традиций, образа и норм жизни китайцев. Стоит отметить работы В.М. Алексеева, Ю.К. Щуцкого, К.А. Скачкова. В этих исследованиях присутствует анализ влияния на общество и его культуру даосизма, буддизма, конфуцианства. Что же касается частной жизни китайцев, отношений в семье, клановой или корпоративной солидарности, взаимодействия с другими членами общества, традиций, в том числе местных, а также совершаемых обрядов и ритуалов, то описание их в основном заканчивается началом XX в. Реальные научные достижения были получены в ходе неустанного труда и кропотливой исследовательской рабо-

⁴ Кожин П.М. Некоторые направления исследования традиций КНР в буржуазном Китаеведении // ИБ ИДВ АН СССР. М., 1980. С. 302–313.

⁵ Память. М., 1985; Люди и оборотни. М., 1982; Много добра, мало зла. Китайская проза конца XX — начала XXI века. СПб., 2013; Гу Хуа. В долине лотосов. М., 1986; Юй Хуа. Десять слов про Китай. М., 2012; Юн Чжан. Дикie лебеди. М., 2008; Китайские метаморфозы: современная китайская художественная проза и эссеистика. М., 2007; Мо Янь. Страна вина. СПб., 2012; он же. Большая грудь, широкий зад. СПб., 2013.

⁶ См.: Много добра, мало зла. С. 8.

ты, которую проводили русские китаеведы, испытывая глубокое уважение к китайскому народу и китайской культуре. Следует упомянуть работы И.Г. Баранова: «Китайский Новый год» (Харбин, 1927), «Черты народного быта в Китае» (Харбин, 1928–1929), «Верования и обычаи китайцев» (М., 1999). Заметки о китайцах собрал признанный авторитет по вопросам Востока И.Я. Коростовец и опубликовал их в ряде русских журналов и в книге «Китайцы и их цивилизация» (СПб., 1898). Молодой дипломат, служивший вторым секретарем Российской дипломатической миссии в Пекине, оставил ценные наблюдения о жизни китайцев.

Сведения о традициях китайцев в конце XIX — начале XX в. дают основу для рассмотрения положения в современном обществе: какие традиции сохранились, как они модифицировались, какие из них были утрачены, какие приобрели новые черты. Материалы об отношении народа к традициям, праздникам и народным верованиям в Китайской Республике (1912–1949) освещаются в изданном в 2013 г. в издательстве «Восточная литература» седьмом томе «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века». В подготовленном А.Л. Верченко разделе «Повседневная жизнь» отмечается, что в стране существовали как общепринятые традиции и праздники, так и местные⁷. Содержание их не претерпело кардинальных изменений, хотя в форме и атрибутике произошли некоторые перемены по сравнению с предыдущими эпохами, что стало естественным результатом изменения социально-политической и экономической обстановки⁸. В период после образования КНР эти тенденции продолжали действовать. На периферии, в сельской местности и в национальных районах традиции всегда соблюдались строже, чем в городах, которые развивались стремительнее и больше были подвержены влиянию общемировых процессов. Сформировавшиеся в ряде исторических центров Китая различные культуры до сих пор имеют разные обычаи и ритуалы, развивающиеся и сегодня по своим алгоритмам. Изучаемые отечественными китаеводами традиции относятся в основном к ханьцам, составляющим абсолютное большинство населения Китая.

В советский период научных работ, посвященных изучению роли и места традиций в жизни населения КНР, было немного. В 1950–1960-е годы сведения на эту тему появлялись в журнальных статьях, газетных публикациях и содержали личные впечатления работавших

⁷ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. С. 696–722.

⁸ Там же. С. 722.

в Китае специалистов или посещавших страну с визитами творческих работников и общественных деятелей⁹.

Представляется, что недостаток внимания к проблеме объясняется вполне объективными причинами — общей идеологической марксистско-ленинской платформой и атеистической основой общественных наук в СССР. В Китае большинство традиций и правил, которым народ следовал на протяжении веков, сложились на основе религиозных представлений и народных верований, которые едва ли могли быть признаны соответствовавшими прогрессивному курсу на построение социалистического общества в Китае как учеными СССР, так и КНР. Сразу после образования КНР советские ученые исходили из того, что Китай намерен в кратчайшие сроки преодолеть отсталость и завершить борьбу с тем, что представлялось «хламом» и было связано со старым обществом. И хотя Мао Цзэдун в то время говорил о сохранении национальной традиции, тем не менее он выдвигал на первый план реформы, ориентированные на западный пример, потому что, с его точки зрения, только они могли спасти страну. Советские историки после образования КНР сфокусировали внимание на изучении социалистических преобразований в политической системе и народном хозяйстве, промышленности и сельском хозяйстве, следили за развитием производительных сил и производственных отношений в поднимающемся Китае. Отношение к сохранению традиций и их исторических корней в повседневной жизни оставалось достаточно противоречивым.

После образования КНР немало отечественных ученых продолжали обращаться к истокам — древним трактатам и текстам, справедливо считающимся главными носителями традиционности. Анализ влияния традиции на жизнь простых людей по-прежнему не был приоритетным направлением исследований. Впрочем, значимые работы, в которых присутствует тема быта, нравов, обычаев и повседневной культуры китайцев, публиковали Н.Т. Федоренко, М.В. Крюков, Л.С. Васильев, Н.И. Конрад, Б.Л. Рифтин, Л.Н. Меньшиков, Н.Н. Чебоксаров, М.В. Софронов, В.Я. Сидихменов, В.В. Малявин, И.С. Лисевич. Их исследования важны для осмысления нынешней ситуации, так как только изучая ход исторического развития, выявивший закономерности функционирования китайского общества, можно установить, каким образом и под влиянием каких традиций складывались стиль и образ жизни, стереотипы поведения и межличностных отношений совре-

⁹ См., например: Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. документов. В 2 т. М., 2009–2010.

менных китайцев и какой вид они приобрели в социалистическом Китае.

После начала «культурной революции» и до 1978 г. в Китае, как указывается в обстоятельной 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая», не появилось никаких научных исследований в этнографии, фольклористике, литературоведении¹⁰ и других областях, которые могли служить источниками для изучения роли традиций. Р.В. Вяткин отмечал, что в 1964–1974 гг. в Китае «общественные науки переживали тяжелую пору почти полного застоя, когда не выходили научные журналы и книги»¹¹. Таким образом, в тот период у отечественных ученых не было фактической базы для исследований, а изданные в СССР за этот период более чем 200 книг, монографий и сборников по Китаю¹² не освещали объективно проблемы культуры и роль традиций и занимались либо древностью, либо анализом политических и идеологических аспектов «культурной революции» и подчас носили конъюнктурный характер. Следует отметить, что в «Духовной культуре Китая» роль традиций в современном китайском обществе почти не затронута. После начала реформ в КНР, расширения научных обменов между двумя странами стали появляться работы широкой страноведческой направленности, из которых можно почерпнуть сведения об отношении населения к традициям. В начале XXI в. при резко возросшем объеме публикаций по Китаю на различные темы можно было обнаружить материалы о влиянии традиций на жизнь народа. Суждения о Китае и его специфике вошли в моду. К китайской тематике обращаются не только синологи, но и многие люди, которые, впервые увидев нечто ранее совершенно незнакомое, решили писать публицистические и научно-популярные статьи, подчас не имеющие ничего общего с реальным положением и носящие поверхностный характер. Тем не менее увидели свет и научные работы, содержащие правдивые факты и анализ влияния традиций на жизнь населения КНР (Е.П. Бажанов, В.Г. Буров, А.А. Маслов, Н.А. Спешнев, В.С. Кузнецов и др.). Ученые стремились объективно отражать действительность и исходили из того, что традиции играют значительную роль в современном Китае.

Из фундаментальных работ следует выделить вышедшую в 1984 г. монографию «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и

¹⁰ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 томах. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007. С. 37.

¹¹ Вяткин Р.В. Некоторые вопросы истории общества и культуры Китая и кампания «критики Конфуция» в КНР // НАА. 1974. № 4. С. 64.

¹² Там же.

современного»¹³. Работа подготовлена коллективом авторов Института востоковедения АН СССР. В ней содержится детально проработанная историческая ретроспектива, в которой концептуальным стержнем, связывающим прошлое, настоящее и будущее, выступает идея синтеза традиционного и современного в странах Востока, что рассматривается авторами как «наиболее характерная черта эволюции восточных обществ с периода колониализма до начала XX в.». Это утверждение остается актуальным для КНР, где в начале XXI в. исторически сложившиеся в повседневной жизни традиции испытывают воздействие западной культуры и процессов глобализации. Термин «синтез» подразумевает соединение в разных пропорциях на разных этапах нового и традиционного. В КНР население празднует как традиционный Новый год (*Чуньцзе*), так и западное Рождество, и отдыхает в первый день нового года 1 января по григорианскому календарю. Отмечается также китайский День влюбленных *Циси* 7-го числа 7-го лунного месяца и европейский День святого Валентина 14 февраля, а на новогодних лубочных картинках одновременно с традиционными сюжетами младенцев и рыб изображают Мао Цзэдуна или доллар в руках у китайского бога богатства *Цайшэня*.

Упомянутая выше монография исходит из учения о формационном развитии человеческого общества, в основе которого лежит понятие «общественно-экономическая формация» как исторический тип общества, имеющий определенную экономическую базу, классовую структуру и социальное назначение¹⁴. В монографии рассматриваются вопросы экономического и политического соприкосновения и взаимодействия Востока и Запада, синтеза традиционного и современного в духовной жизни. В 80-е годы в научной среде преобладал марксистский формационный подход, понятие «формация» оставалось доминантой и исследователи с большим вниманием изучали взаимодействие традиционного и современного, «восточного» и «западного» в переходные периоды, когда, как они отмечали, «совершается смена формационного типа общественного развития». В 80–90-е годы ученые-китаисты обратились к идее цивилизационного подхода¹⁵ к типологии государств, где центром выступает понятие «цивилизация» и такие ее признаки, как культура и духовные критерии, рассматриваемые

¹³ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

¹⁴ См. также: *Бельский А.Г., Янов В.Ф.* Дискуссия «Традиционные культуры и модернизация в развивающихся странах» // НАА. М., 1977. № 1. С. 107–117.

¹⁵ См.: *Титаренко М.А.* Россия лицом к Азии. М., 1998; Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.

как важный фактор государственности, а накопленные в ходе исторического процесса и передаваемые в рамках культуры представления о мире, системе ценностей, образе жизни и моделях поведения входят в понятие сущности государства¹⁶. Положительной чертой этого метода является выделение духовных и культурных факторов как важной составной части государственности, влияющих на ход истории страны наравне с социально-политическими процессами.

В монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» Китай выступает не как единственный объект исследования, однако к нему применим целый ряд выводов ученых, касающихся взаимодействия традиционных и современных ценностей и их места в других странах. Заслуживает внимания, в частности, содержащаяся в монографии критика доминировавшей в середине XX в. западной точки зрения о том, что модернизация для своего успеха требует скорейшего и полнейшего уничтожения всего традиционного. По нашему мнению, подобная формальная точка зрения исходила из посыла о том, что модернизация является антиподом традиции, из чего следовало, что необходимо как можно быстрее разрушить старое, чтобы ускорить процесс становления нового. При этом, справедливо отмечает Н.А. Симония, «упускалось из виду, что модернизирующееся общество строится из людских и вещественных компонентов, унаследованных от традиционного общества»¹⁷. Это замечание справедливо, так как многие культурные ценности и традиции прошлых периодов могут принести пользу обществу, если будут соответствующим образом адаптированы к новым условиям на более высоком уровне эволюционного развития государства. Созидая новое, следует использовать накопленный предшественниками богатейший, исторически необходимый запас культуры и знаний, не отбрасывать его в запале преобразовательской деятельности. История КНР на разных этапах ее развития доказала правильность этой мысли и подтвердила, что для перестройки и включения старых элементов в новую жизнь требуются длительный период времени и серьезная работа власти; что в разные периоды соотношение между старым и новым изменяется; что общегосударственная стратегия должна осознавать присутствие доставшихся от старого общества архаизмов и с большим вниманием и осторожностью относиться к ним.

¹⁶ См., например: Венгеров А.Б. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов. М., 2000; Зубанова С.Г. Теория государства и права. М., 2013.

¹⁷ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 288.

На протяжении многих лет изучением традиций уникальной китайской цивилизации занимается доктор исторических наук Л.С. Васильев. В сфере его интересов находятся вопросы истории, социологии, религиоведения Китая. Он объясняет прочность и устойчивость традиций в Китае относительной изоляцией китайского очага цивилизации, а также длительностью и непрерывностью ее существования¹⁸. Представляется, что сегодня наиболее ярким подтверждением этой мысли служит ситуация на Тайване, где в обстановке потери связей с материком многие традиции сохранились практически в их первоизданном виде. В монографии «Культы, религии и традиции в Китае» Л.С. Васильев прослеживает, каким образом религия, этика, правила и традиции, формировавшиеся и получившие официальное признание в основном при династии Хань, преломлялись в последующие периоды в политике, экономике, повседневной жизни народа. Л.С. Васильев полагает, что для правильного понимания происходящих в наши дни процессов необходимо глубокое изучение цивилизаций Востока, роли, силы и направленности привычных для восточных народов религиозно-культурных традиций¹⁹. Основу для исследований вопросов истории и культуры Китая заложили переведенные китайские первоисточники: сочинения конфуцианского канона и основные древние трактаты, а также династийные истории. Эти материалы служат отправной точкой для изучения влияния традиций на жизнь китайского общества в последующие периоды. Л.С. Васильев выделяет главные традиции, связанные с важнейшими событиями в жизни народа — календарными праздниками²⁰, свадьбой, похоронами, рождением ребенка. Они остаются наиболее чтимыми для населения и в период КНР.

Систематическое описание жизненного уклада и духовных ценностей китайского народа дал в монографии «Китайская цивилизация» известный китаевед В.В. Малявин²¹. В главе «Быт, нравы, обрядность» он, как и Л.С. Васильев, отмечает сохранение на протяжении многих веков традиции отмечать народные праздники (китайский Новый год *Чуньцзе*, Фестиваль фонарей *Юаньсяо цзе*, День поминовения усоп-

¹⁸ См. также: *Мугрузин А.С.* Исторические и социальные основы китайской традиционности. С. 25.

¹⁹ *Васильев Л.С.* Культы, религии и традиции в Китае. 2-е изд. М., 2001. С. 5.

²⁰ См. об этом также: *Джарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В.* (отв. редакторы). Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

²¹ *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.

ших *Цинмин*, *Дуанью*, Праздник середины осени *Чжунцю*), а также сохранять во многом традиционный подход к важнейшим обрядам в жизни китайцев — свадьбе, рождению ребенка, похоронам. Эти традиции передавались из поколения в поколение и уважались всеми слоями населения. Однако описанные и проанализированные в данной монографии (как и в других работах автора) обряды относятся к древнему и средневековому, «старому Китаю», как пишет В.В. Малявин. Что касается КНР, то автор кратко упоминает лишь тот факт, что традиция организовывать дорогостоящие свадьбы была подвергнута критике в КНР²². Внимания заслуживают рассуждения автора о возможностях взаимодействия старого и нового, традиционного и модернистского. В.В. Малявин указывает, что «традиция и модернизация кажутся антиподами — этим объясняется особенная острота проблемы их взаимодействия в современном мире»²³. Однако, с его точки зрения, уникальность Китая состоит именно в умении сочетать их, двигаться вперед, не отрекаясь от своих корней: «Модернизация Китая не означает растворения китайского культурного типа в некой безликой мировой цивилизации»²⁴. Задавая самому себе вопрос «Есть ли у китайской цивилизации будущее?», автор отвечает утвердительно и приводит в качестве доказательства примеры Гонконга и Сингапура, Японии и Южной Кореи, продемонстрировавших, что ценности и традиции восточного общества не помешали успешному развитию этих стран и действию их на мировой арене в качестве сильных игроков. В.В. Малявин, как и другие авторы (А.А. Маслов, Е.П. Бажанов, В.В. Ульяненко), отмечает, что тенденция ослабления потребности следовать многим традициям отмечается в основном среди городского населения, больше всего в среде городской молодежи. Однако сохраняется значительно большая по численности масса выходцев из деревни, которые, хотя живут и работают в городе, продолжают сохранять свой сельский уклад жизни и менталитет, а также уважение к традициям предков. Оказавшись в незнакомых условиях, они, с одной стороны, поддерживают свои устоявшиеся привычки и демонстрируют их местному населению, с другой — впитывают традиции новой среды обитания, чтобы скорее адаптироваться к новой городской обстановке. О приверженности основной части населения народным праздникам, об уважении традиций предков и соблюдении определенного ритуала по датам лунного календаря свидетельст-

²² Там же. С. 562.

²³ Там же. С. 611.

²⁴ Там же. С. 613.

вуют также работы «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл»²⁵ и «Календарные обычаи и обряды. Новый год»²⁶.

В коллективном труде «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» М.В. Крюков, крупнейший исследователь материальной и духовной культуры эпох Чжаньго, Цинь и Хань, периода, когда начали закладываться традиции, обряды и ритуалы, отмечает, что они стали, с одной стороны, регуляторами взаимоотношений между людьми в обществе, с другой — рычагом воздействия правителя на жителей Поднебесной²⁷. Такими они оставались на протяжении всей китайской истории. В разделе «Материальная и духовная культура» второго тома «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» описаны традиции, связанные с главными событиями в жизни народа — календарными праздниками, свадьбой, похоронами, что служит основой для изучения традиций в последующие эпохи, в том числе для анализа сохранившихся в КНР традиций. Как отмечает М.В. Крюков, традиция употреблять в пищу собачье мясо в день летнего солнцестояния в провинции Гуандун сохраняется с I в. до н.э.²⁸. Отличие от прежней традиции состоит в том, что раньше нужно было убить собаку, чтобы «противодействовать темному началу», а теперь можно просто купить собачье мясо, что гуандунцы и делают.

Как совершенно верно указывает Л.И. Кондрашова в статье «Жизнь улучшается, хотя и медленно», после образования КНР привычки стали медленно изменяться, но неизменным осталось то, что о зажиточности судят по вещам, которые используются в повседневном быту²⁹. Это объясняется тем, что в течение многих столетий основная масса населения традиционно влачила жалкое существование, испытывала тотальный дефицит, вследствие чего экономия и умение обходиться минимумом предметов в каждодневной жизни прочно закрепились в привычках людей. Однако это не лишало их мечты о лучшем будущем и богатстве. В начале XX в., например, в Китае приобретались модные вещи западного производства (часы, зеркала, мебель), которыми подчас не пользовались, зато показывали как модную диковинку, чтобы продемонстрировать окружающим свое благосостоя-

²⁵ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.

²⁶ Календарные обычаи и обряды. Новый год. М., 1985.

²⁷ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.). М., 2013. С. 489.

²⁸ Там же. С. 500

²⁹ Кондрашова Л.И. Жизнь улучшается, хотя и медленно // ААС. М., 1999. № 10. С. 15–21.

ние для утверждения личного авторитета. В новом Китае, как только политическая обстановка позволяла, китайцы стремились улучшить свой быт. В 50–60-е годы радиоприемник, фотоаппарат или швейная машинка считались непозволительной роскошью, а на покупку велосипеда нужно было получать разрешение. В начале реформы мечтали о «трех сокровищах» (часы, велосипед и швейная машинка), в 1990-е годы население начало ориентироваться на цветные телевизоры, кондиционеры, видеотехнику и даже компьютеры. XXI век принес совершенно новое отношение к жизненным потребностям, диаметрально отличающееся от традиционного подхода, сформировавшегося под влиянием ограничений и нужды. Приобретение плазменного телевизора, собственного автомобиля и большой квартиры стало восприниматься как неотъемлемая часть современной жизни. На велосипедах ездят для физических упражнений, а рикши существуют только для туристов. Возможность устроить свою карьеру, добиться материального благополучия стала реальностью после начала политики реформ и открытости и не имеет ничего общего с традиционной бедностью Китая. Неудобства и лишения больше не считаются неотъемлемой характеристикой жизни китайцев. Известный востоковед В.В. Овчинников, рассуждая о периоде начала реформ, отмечал, что, когда Дэн Сяопин начал их, каждый четвертый китаец недоедал, ходил если не в лохмотьях, то в одежде в заплатках, ниже черты абсолютной бедности (5 долларов в месяц) жили 250 миллионов человек³⁰.

Как подметил Л.С. Переломов, провозгласив конфуцианскую идею *сяокан* принципом построения социализма, Дэн Сяопин, «внешне не отрекаясь от марксизма-ленинизма, вернул страну на конфуцианские рельсы, т.е. традиционности»³¹, взял все лучшее из традиционного наследия Китая. Факт обращения к идее *сяокан*, по мнению А.С. Мугрузина, свидетельствует о политической мудрости Дэн Сяопина и его «совершенном владении традиционными рациональными ценностями»³² и использовании их в современном Китае. Традиционная формулировка *сяокан* понятна народу, благодаря чему она получила поддержку широких масс населения. Не случайно историческая поездка Дэн Сяопина в южные районы Китая в 1992 г. была представлена на-

³⁰ Овчинников В.В. Шестидесятилетие КНР: уроки для России // Российская газета. 13.10.2009.

³¹ Переломов Л.С. Предисловие // Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века). М., 2008. С. 4.

³² Мугрузин А.С. Исторические и социальные основы китайской традиционности. С. 142.

селению как *нань сюнь* — так обозначались поездки императора, связанные с принятием важных для страны решений. Услышав традиционный лингвистический штамп, население настроилось на восприятие важной информации и ожидание серьезных событий³³.

Дэн Сяопин, развивая идею о реформе в стране, провозгласил возможность обогащения народа, что встретило живой отклик и понимание у людей, вызвало ожидание изменений жизни в лучшую сторону. Исторически в Китае самыми распространенными пожеланиями по случаю разных праздников и торжеств, опережающими по популярности даже долголетие, как показывает проведенный Б.Л. Рифтиным анализ, были: удача, богатство, достаток, выгода, карьера, знатность. И сегодня на новогоднем лубке и других произведениях искусства их изображают принятыми с древности символами: карпами, летучими мышами, петухами, драконами, фениксами, оленями, пионами, жемчужинами³⁴. Символическое значение цифр, связанное с особенностями мировоззрения китайцев, по-прежнему играет огромную роль в обыденной жизни населения³⁵, точно также как цвета, форма предметов, изображение некоторых животных. Можно считать это предрассудком, но население не перестает верить в счастливые (шесть, восемь, девять) и несчастливые (четыре) числа — об этом пишут и другие авторы: А.А. Маслов, Е.П. Бажанов, Н.Х. Ахметшин, В.В. Ульяненко. Парность подарков метафорически обозначает счастье и радость для двоих, поэтому подарки на свадьбу или в гости в семью обычно приносят в количестве двух³⁶. С похоронным обрядом связаны нечетные цифры. Пять священных животных — дракон, феникс, *цилинь*, черепаха, белый тигр, — а также лев, лошадь или *биси* имеют свое определенное значение для жителя Китая. Образы реальных, мифических и фантастических животных часто фигурируют в пословицах и поговорках³⁷, которые являются неотъемлемой частью речи образованного человека в Китае. Конечно, сегодня дракон утратил

³³ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М., 2010. С. 10.

³⁴ Рифтин Б.Л. Система знаков-символов на китайской картине // Восточная коллекция. М., 2012. № 4. С. 148.

³⁵ Стародубцева К.А., Чжан Синьчэнь. Символика числа и ее отображение в китайской культуре // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 11. Чита, 2012. С. 112–117.

³⁶ Ткаченко Г.А. Культура Китая. Словарь-справочник. М., 1999. С. 176.

³⁷ Решетнёва У.Н. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорках // Аналитика культурологии. 2009. № 15 — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-fantasticheskikh-suschestv-v-kitayskih-poslovitsah-i-pogovorkah>. 12.05.2014.

значение как тотем китайской нации или символ императора, но остается национальным символом Китая. Китайцы традиционно называют себя детьми дракона, а его изображение часто используется на произведениях искусства, а в коммерции — как торговая марка. В Ланьчжоу, например, в парке под изваяния драконов отведен большой участок земли под названием «Царство дракона», что подтверждает уважительное и почтительное отношение к нему местного населения³⁸. Скульптурные изображения львов нередко украшают входы в современные бизнес-центры и другие присутственные места, а танец львов остается обязательной частью праздничных концертов. Все цвета для китайцев имеют определенное значение. Если в древности излюбленным и самым почитаемым цветом был желтый, который ассоциировался с желтой расой, потомками Желтого императора и считался символом всего драгоценного и благородного, то сегодня желтый цвет весьма популярен в детской одежде и детских головных уборах, он как бы подчеркивает нынешнее отношение к детям как к «маленьким императорам»³⁹. Со временем на первый план вышел красный цвет. Традиционно он обозначал радость и торжество, «был символом древнего Китая, поэтому наличие его на многих надписях как бы символизирует связь с традицией»⁴⁰. В КНР красный цвет доминирует на всех официальных мероприятиях. В то же время на традиционных ярмарках по продаже новогодних украшений также преобладает красный цвет. Перед входами в гостиницы, рестораны, некоторые офисы вывешивают красные фонари, в красных конвертах дарят деньги в *Чуньцзе*, многие невесты вступают в брак в платье красного цвета. Белый цвет традиционно для народа связан с трауром. Во время траурных церемоний участники прикрепляют на рукав белую повязку или прикалывают белый цветок на грудь. В 1976 г., когда умер премьер Чжоу Эньлай и начались студенческие выступления, многие из собравшихся на площади Тяньаньмэнь носили на рукавах белые повязки или прикалывали на одежду белые цветы. На похоронах Дэн Сяопина в 1997 г. по всему пути следования траурного кортежа стояли люди с белыми траурными повязками⁴¹.

Одной из древних традиций китайского общества было культивирование уважения к знанию, мудрости древних и изучению своей истории. Л.С. Васильев в книге «Культы, религии и традиции в Китае»

³⁸ Кузнецов В.С. Под сенью древних храмов // ПДВ. М., 2007. № 2. С. 166.

³⁹ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. С. 79.

⁴⁰ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000. С. 56.

⁴¹ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. С. 78.

отмечает, что образование всегда считалось средством достижения успеха в жизни, который в конфуцианском Китае ассоциировался с получением должности и продвижением по службе⁴². В конфуцианском Китае даже 60–70-летние старики не стыдились учиться. Грамотный человек получал от общества почет, славу, всеобщее уважение. В Китайской Народной Республике традиция уважать знание продолжилась. Эволюцию традиционных китайских представлений об образовании и воспитании, специфику этого процесса в ходе сопоставления традиции и новаторства можно проследить в работах В.В. Малявина⁴³ и Н.Е. Боревской⁴⁴. Исследование роли традиции в формировании современной системы образования «с китайской спецификой» стало одной из ведущих тем 2000-х годов⁴⁵. Образование сегодня, как и в древности, является необходимым компонентом успешной карьеры. Высочайшая конкуренция вынуждает самых талантливых или обеспеченных детей получать образование за рубежом, которое при других равных возможностях дает неоспоримый плюс при трудоустройстве.

Л.С. Васильев обращает внимание на культ надписей в Китае, на традиционное уважение китайцев к каждому написанному иероглифу⁴⁶. До настоящего времени неизменным украшением в *Чуньцзе* остаются плакаты с иероглифами «счастье», «богатство» или парные свитки с популярными изречениями. Б. Вахтин в статье «Некоторые наблюдения над литературными традициями в дацзыбао»⁴⁷ указывает на обращение к надписям «большими иероглифами» как к одной из традиционных форм привлечения внимания населения в людных местах, с успехом использованной властями в целях пропаганды в период «культурной революции». Ведь в Китае традиционно было много личных и общественно значимых надписей, которые многократно переписывались и таким образом распространялись. То же самое бы-

⁴² Васильев Л.С. Культы, религии и традиции в Китае. С. 190.

⁴³ Малявин В.В. Основные этапы развития школьного образования в древнем и средневековом Китае // Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока. М., 1988.

⁴⁴ Боревская Н.Е. Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.

⁴⁵ См.: Боревская Н.Е. Традиции и современность в процессе модернизации системы образования в КНР // Образование в современном мире: достижения и проблемы. М.; Пятигорск. 2009.

⁴⁶ Васильев Л.С. Культы, религии и традиции в Китае. С. 190.

⁴⁷ Вахтин Б. Некоторые наблюдения над литературными традициями в дацзыбао // Роль традиций в истории Китая. Симпозиум. М., 1968. С. 8–11.

ло с *дацзыбао*. Кроме того, Б. Вахтин усмотрел схожесть в структуре текстов между современными *дацзыбао* и старыми объявлениями и отметил привычку китайцев исправлять грамматические ошибки в публичных текстах.

И поныне жива традиция в день юбилея известных людей преподносить им каллиграфические надписи, в которых в аллегорической форме выражаются восхищение ими и уважение к ним⁴⁸.

Материалы о традициях и современности публиковались в Информационных бюллетенях Института Дальнего Востока АН СССР/РАН. Это были тематические сборники статей или материалы научных конференций. В 1980 г. был опубликован сборник статей по материалам проведенной в 1979 г. научной конференции «Политические традиции в КНР», в которой приняли участие китаеведы Москвы, Ленинграда, Улан-Удэ, Фрунзе. Указывалось, что вопрос о соотношении прошлого и настоящего был постоянно актуален на протяжении всего XX в., а проблематика изучения воздействия традиций и культурного наследия Китая на современную жизнь КНР формируется как отдельная отрасль советского китаеведения⁴⁹. Однако анализ статей сборника показывает, что авторы не поднимали проблемы, связанные с повседневной жизнью. Делается очень верное замечание, что традиции должны рассматриваться на стыке истории, экономики, социологии, психологии, юридических наук⁵⁰. Эту ремарку с полным основанием следует отнести и к исследованию влияния традиций на жизнь простого народа. П.М. Кожин в своем выступлении отмечал рост интереса к тем нормам, обычаям, стереотипам поведения, которые оформились в старом Китае и в качестве культурных традиций перешли в повседневную действительность в КНР⁵¹.

В 1976 г. вышел сборник статей «Китай: традиции и современность»⁵², в котором ученые Института востоковедения АН СССР сделали вывод об устойчивости традиционных форм в экономической и социальной структуре Китая, в политической жизни и идеологии. Авторы пошли по пути анализа проблем прошлого, не проводя прямых аналогий с событиями нашего времени и давая возможность

⁴⁸ *Спешнев Н.А.* Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб., 2004. С. 248; *он же.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2011.

⁴⁹ Политические традиции в КНР // ИБ ИДВ АН СССР. М. 1980. Ч. 1. С. 11.

⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵¹ Там же. С. 302.

⁵² Китай: традиции и современность. М., 1976.

читателям самим провести сопоставления и понять формы воздействия прошлого на настоящее в рамках проблемы «традиции и маоизм». Интерес представляет статья Г.Ф. Салтыкова «Клановость и политическая борьба в китайской деревне (1970–1972 гг.)». Автор отмечает силу кланового единения в деревне и показывает, как в период «культурной революции» преломлялась традиция в установленный день посещать могилы предков: сельчане вместе с городской грамотной молодежью, которая не хотела противопоставлять себя общине, за неимением других вариантов отправлялись на «могилы погибших героев»⁵³, т.е. ни те ни другие не могли проигнорировать день поминовения усопших.

В 1986 г. на страницах журнала «Народы Азии и Африки», в разделе «Научная жизнь» было опубликовано сообщение Ю.Д. Михайлова и Е.А. Торчинова о «круглом столе», посвященном проблеме интерпретации культурного наследия стран Востока в процессе модернизации, который прошел в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР в феврале того же года. Отмечалось, что до конца 1960-х годов многие ученые полагали, что успехи в социально-экономической сфере, переход на более высокий уровень развития стран Востока открывают прямой путь к ликвидации культурной отсталости. В результате «исследователи увлеклись проблемами изживания традиций, их преодоления в базе и надстройке, видя в них обреченный на изживание пережиток»⁵⁴. Однако в 70–80-е годы заговорили о надеждах «на новый скачок на основе традиционного наследия и опыта»⁵⁵. Возродился интерес к роли традиций и традиционной культуры и их влиянию на современное общество. Временами ученые не замечали особенностей и различных вариантов соотношения нового и старого, преувеличивали значение традиции, ошибочно отводили ей решающую роль в построении нового общества. В другие периоды они незаслуженно преуменьшали роль традиции, делая акцент на поиске собственной модели развития. Сразу после образования КНР советские ученые больше изучали успехи Китая в социалистических преобразованиях, в том числе в культурном строительстве, не учитывали роль традиций в деле социалистического обновления и вероятность использования того, что досталось от «старого общества». Однако на самом деле невозможно отделить старое от нового, полно-

⁵³ Там же. С. 259–260.

⁵⁴ Культурное наследие в общественном развитии стран Востока в период модернизации // НАА. М., 1986. № 6. С. 115.

⁵⁵ Там же.

стью игнорировать то, к чему народ привыкал и привык за тысячелетия. К тому же трудно было сразу определить, какие культурные и идейные ценности устарели и не могут быть использованы при социализме, а какие подлежат переосмыслению и восприятию в новых условиях. Как заметил Л.С. Васильев, «только перемены в уровне экономического развития и соответственно в образе жизни, нормах, обычаях, стереотипах мышления, поведения и восприятия могли повлечь за собой отказ от отживших традиций»⁵⁶. Китайские традиции продемонстрировали свою устойчивость и переходящий характер, несмотря на периоды спада и подъема их популярности. Как отмечает в «Истории культуры Китая» М.Е. Кравцова, «в периоды подъема происходило, с одной стороны, качественное обновление местной культуры за счет восприятия иных культурных феноменов, а с другой — реставрация национальных духовных ценностей прежних эпох»⁵⁷. Хотя в аннотации говорится, что в книге «дается полная картина истории развития и состояния культуры Китая от глубокой древности до наших дней и во всех образующих ее традициях и духовных ценностях», исследование заканчивается периодом правления *Цинов*. В подразделе «Китай в XX веке» на пяти страницах представлен краткий очерк истории духовной жизни китайского общества, сопровождаемый выводом о том, что «первая половина XX в. ознаменовалась интенсивными новаторскими процессами»⁵⁸. Автор отмечает, что события в культуре и духовной жизни КНР нуждаются в дальнейшем осмыслении, что в 70–80-е годы, после длительного периода критики прошлого в силу вновь вступила тенденция «возвращения к национальным истокам»⁵⁹.

Например, был окончательно реабилитирован Конфуций⁶⁰, культ которого с эпохи *Хань* приобрел государственное значение, официальную поддержку, а сам Конфуций был провозглашен «Великим ученым нации»⁶¹. В 1989 г. с большим размахом, в присутствии официальных лиц прошло театрализованное представление в честь 2540-й годовщины со дня рождения Конфуция, ставшее позже традиционным. В том же году Цзян Цзэминь отметил, что учение Конфу-

⁵⁶ Васильев Л.С. Роль конфуцианства в формировании некоторых традиций и стереотипов в Китае // Роль традиций в истории Китая. Симпозиум. М., 1968. С. 3–7.

⁵⁷ Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С. 387.

⁵⁸ Там же. С. 87.

⁵⁹ Там же. С. 90.

⁶⁰ См. также: Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Китайская мозаика. М., 2011; Буров В.Г. В Китае возрождается культ Конфуция // ААС. 2011. № 4.

⁶¹ Васильев Л.С. Культы, религии и традиции в Китае. С. 220.

ция — учение нравственное и из него следует брать все рациональное⁶². На Тайване в этот день отмечается день Учителя, а в храме Конфуция проводится ритуал, повторяющий совершавшийся сотни лет назад. Сегодня степень зримого присутствия культа Конфуция и его влияния в разных сферах жизни общества весьма высока. Изречения Конфуция снова заучивают в школе, а первоклассников приводят в храмы Конфуция, считающиеся «первыми школами в Поднебесной», чтобы познакомить с жизнью Учителя.

Сохранение национальных истоков видно по ряду традиционных праздников, например связанных с культом дракона, символизирующего китайскую нацию. В.С. Кузнецов в статье «Повелитель дождя и символ державы» отмечает, что в КНР сохраняется традиция религиозного поклонения дракону, а на Юге до сих пор крестьяне приходят в храмы дракона просить о дожде⁶³. Символические жертвоприношения дракону как проявление традиционно присущего китайцам почитания дракона совершаются в праздник Дуанью (в 5-й день 5-го лунного месяца). В память о погибшем в этот день поэте Цюй Юане (ок. 340 — 278 до н.э.) до сих пор в праздник принято поедать *цзунцзы*, а во многих местах проводятся конкурсы по их приготовлению: клейкий рис с начинками завертывают в листья бамбука или тростника, наподобие голубцов. В этот день проходят также соревнования лодок в форме тела дракона. Они пользовались популярностью у народа, особенно у молодежи и студентов, как до, так и после образования КНР, в первую очередь на юге Китая. В знак уважения к традиции правительство КНР в 1980 г. официально признало гонки на лодках национальным видом спорта Китая. В.С. Кузнецов подчеркивает, что праздник сегодня вышел за границы Китая, а в самом Китае учреждена Азиатская федерация драконьих лодок⁶⁴. С 2008 г. Праздник драконьих лодок, как и День поминовения усопших, стал выходным днем. Следует отметить, что сейчас традиции и современность переплетаются все теснее. Праздники утрачивают свою первоначальную, сугубо сакральную направленность, теряют те стороны, для которых само понятие «праздничность» не подходило. Однако сохраняется привычка отмечать праздник и обставлять его символическими обрядами. Одна из традиций китайских праздников — собираться вместе и вспоминать предков — уходит корнями в представления

⁶² ПДВ. 1990. № 3. С. 198.

⁶³ Кузнецов В.С. Повелитель дождя и символ державы // ААС. М., 2002. № 10. С. 75.

⁶⁴ Там же.

китайцев о семейном благополучии, которое всегда высоко ценилось в Поднебесной. Праздники обогащаются новыми элементами и атрибутами, а проведение их в нерабочие дни позволяет привлечь больше участников и дает возможность шире раскрыть содержание праздников и связанных с ними исторических традиций.

Особого упоминания заслуживает книга В.С. Куликова «Неизвестный Китай»⁶⁵, в которой он, продолжая страноведческие традиции В.М. Алексеева и И.Г. Баранова, собрал впечатления об общении с китайцами, полученные не в ходе краткосрочной командировки и поверхностного взгляда на события, а в течение многих прожитых в китайской среде лет. Прекрасное владение китайским языком позволило автору не только увидеть, но и осмыслить происходящее в жизни китайцев изнутри, что повышает ценность материала. В.С. Куликов пишет о том, что сохранились и продолжают играть важную роль в жизни большинства населения (у нацменьшинств есть и свои праздники) традиции отмечать Новый год по лунному календарю, организовывать в *Чуньцзе* шумные ярмарки, устраивать выставки фонарей в Праздник фонарей, собираться вместе в праздник Середины осени и есть *юэбин* (лунные пряники), чествовать стариков в день Двух девяток *Чуньян*. Все эти праздники родом из глубокой древности, но и сегодня любимы и чтимы народом. В.С. Куликов приводит китайскую поговорку: «Если праздника долго нет, его стоит придумать» — и рассказывает о современных местных праздниках, вокруг которых витают древние легенды или предания. Практически все фестивали в прошлом имели ритуальное значение, которое со временем исчезло. Однако остались некоторые черты, характеризующие тот или иной праздник: блюда с благопожелательными названиями в Новый год, загадки и ярмарки в Праздник фонарей, пучки лечебных трав на дверях против разной «хвори» и *цзуницзы* в *Дуанью*, наличие на столе плода помело в Праздник середины осени. Традиционные праздники помогают китайцам сохранить память о прошлом, не утратить свои корни.

Из книги «Китайские народные праздники» становится известно, что самый любимый и популярный в народе праздник — *Чуньцзе* — не был полностью забыт ни народом, ни властью «даже в самую трудную и лихую годину „культурной революции“». В Пекине, например, сверх положенной по карточкам нормы выдавали дополнительное количество муки, мяса, рыбы, бобов, растительного мас-

⁶⁵ Куликов В.С. Неизвестный Китай. М., 2005.

ла⁶⁶, а также распределяли вату, из которой стегали одеяла и делали подстежки для зимней одежды.

На протяжении 65 лет существования КНР отношение официальной пропаганды к *Чуньцзе*, содержание коллективных и частных мероприятий, их оформление и материальная база неоднократно изменялись в зависимости от генеральной линии партии и проводимых в стране кампаний и движений.

Глубокое исследование изменений, которые произошли в праздновании *Чуньцзе* в Китае в связи с проведением курса на реформы в 80–90-х годах XX в., предприняла в своей диссертации М.В. Захарова. Она остановилась на анализе эволюции архаичных аспектов, которые под влиянием социально-политических и экономических факторов приобрели в народном Китае иные формы, утратив свое первоначальное содержание. Одно из наблюдений автора свидетельствует, что «универсальный характер праздника *Чуньцзе*, традиционно выражавшийся в сочетании важнейших обрядовых, ритуальных, религиозных основ с карнавальностью и фееричностью, а также наличием символично-визуальной системы, на современном этапе не утратил своей значимости»⁶⁷. Следует отметить, что, хотя *Чуньцзе*, бесспорно, является самым репрезентативным народным фестивалем, приведенное замечание автора можно отнести и ко многим другим праздникам как ханьцев, так и нацменьшинств Китая. Важную и ценную часть работы М.В. Захаровой представляют выводы, сделанные на основе личных полевых исследований, наблюдений, общения с людьми, участия в праздничных мероприятиях в разных частях Китая: в Пекине, провинциях Хэнань, Юньнань и др.

Научный сотрудник Института востоковедения РАН Э.А. Синецкая в книге «Автопортрет китайского горожанина» обращает внимание на верность старой традиции в вопросах заключения брака в первое десятилетие после образования КНР. Практически во всех случаях, когда речь шла о замужестве, женщины разного возраста и социального статуса говорили, что их посватали, познакомили или даже выдали замуж с общественно полезными намерениями⁶⁸. Это говорит о том, что брак оставался делом семьи. Он затрагивал ее интересы

⁶⁶ Верченко А.Л. Китайские народные праздники. М., 2002. С. 41–42.

⁶⁷ См.: Захарова М.В. Трансформация осмысления символики празднования традиционного нового года в современном Китае: последняя четверть XX в. / дисс.... канд. ист. наук. М., 2003; она же. Чуньцзе — праздник Нового года // ПДВ. 2000. № 6. С. 164–170.

⁶⁸ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. М., 1997. С. 147.

и устои, определял ее положение в обществе и не стал еще к тому времени личным делом самой вступающей в брак женщины. Женщина оставалась верна сложившейся традиции и полагалась на мнение семьи, не смела перечить старшим, как была приучена с детства. По мнению Л.С. Васильева, влияние идущей от конфуцианства традиции настолько глубоко вошло в сознание китайцев, что у них даже мысли не возникало поступать по-другому⁶⁹. Стоит упомянуть, что в истории Китая задолго до 1949 г. известны немногочисленные случаи протеста против браков по сговору родителей. Однако чаще это происходило в семьях людей, знакомых с западным образом жизни, живших за рубежом или общавшихся с иностранцами в Китае. Новое отношение к браку должно было созреть в обществе, быть воспринято им. Только так оно могло стать нормой. Постепенно вступление в брак стало по-настоящему свободным выбором для женщины. Тем не менее, хотя свадебная церемония и стала более современной, подвергаясь изменениям под влиянием политических кампаний, она сохранила многие структурные элементы традиционного обряда⁷⁰. Во время свадебного банкета, который в отличие от регистрации по-прежнему считается главной частью свадебного обряда, молодожены и сегодня выражают уважение к родителям, совершая, как в старину, поклоны в их стороны. Гости с обеих сторон по традиции сидят по разные стороны банкетного зала. Невеста часто надевает белое или светлое платье (влияние западной традиции), но позже передевается в традиционный наряд, что говорит о том, что бок о бок живут традиция и современность. В некоторых районах Китая до сих пор об организации бракосочетания договариваются родители, за невесту платят нешуточный выкуп, а гостям по окончании раздают сладости — настолько подсознательно сильны традиция и осознание необходимости следовать ритуалу. В начале XXI в. положение женщины кардинально отличается от традиционного. Теперь девушка не только самостоятельно выбирает себе мужа, но и предъявляет к нему очень высокие требования (квартира, высокий доход, хорошее образование)⁷¹.

После начала политики реформ и открытости Китай обогатился многими западными заимствованиями, но они не оказали решающего влияния и не изменили в корне отношение населения к своим истокам. М.Л. Титаренко в книге «Китайская философия и современная цивили-

⁶⁹ Васильев Л.С. Китай: наследие конфуцианства // ААС. М., 1966. № 8.

⁷⁰ Верченко А.А. Свадьба бывает только один раз // ААС. М., 1999. № 10. С. 70–74.

⁷¹ Шарова Т.С. В гостях в китайской семье // НАА. 2011. № 10. С. 59.

лизация»⁷² отмечает устойчивость китайской цивилизации на пороге третьего тысячелетия, что в равной мере относится ко многим традициям, пережившим неоднократные идеологические кампании борьбы с ними и тем не менее сохранившимся в обществе.

Сразу после образования КНР многие старые обычаи продолжали оказывать значительное влияние на массы, которые были не в состоянии сразу отказаться от того, что уважали предки и к чему они привыкли. Э.А. Синецкая отмечает, что, например, в 1957 г. на одном из крупнейших металлургических комбинатов Китая — Шицзиншаньском заводе (Пекин) в *дацзыбао* рабочие, критикуя начальника цеха за превышение служебных полномочий, демонстрировали традиционный подход — воспринимали его как отца родного, от которого если и ждали наказаний и строгостей, то справедливых⁷³. Рабочих обидела именно несправедливость начальника, который при выдвижении передовика не захотел услышать мнение коллектива. По мере усиления культурно-просветительской и пропагандистской работы КПК влияние старого общества ослабевало, ростки новой культуры и новые традиции уверенно пробивали себе дорогу.

По мнению Е.П. Островской, в настоящее время функционируют лишь «те традиции, которые продолжают играть роль социальных регуляторов и стабилизаторов»⁷⁴. Это не всегда так. Стоит отметить, что, напротив, некоторые традиции, которые могли бы влиять на стабильность общества, сегодня не работают. Действие конфуцианского принципа *сяо*, включающего почитание родителей и усердное служение им, в последние годы стало ослабевать. Л.С. Переломов не случайно приводит в качестве примера попыток КПК вернуть в реальную жизнь ценностные ориентиры Конфуция партийное постановление (1989 г.) относительно наказаний членов КПК, не выполняющих обязанности по содержанию родителей и детей, — вплоть до смещения с должностей и исключения из партии⁷⁵. Почитание старших в по-прежнему иерархическом обществе все больше сдвигается в сторону преклонения перед высокими должностями и начальством. Многие молодые люди работают далеко от родных мест и полностью подчи-

⁷² Титаренко М.Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация. М., 1997. С. 5.

⁷³ Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. С. 69.

⁷⁴ Островская Е.П. Культурное наследие в общественном развитии стран Востока в период модернизации // НАА. М., 1986. № 6. С. 116.

⁷⁵ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической культуре Китая // Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре Китая. М., 1994. С. 144–145.

няют свою жизнь интересам компании и предприятия, хотя и считают семейную гармонию высшей ценностью. Они не могут уделять должного внимания родителям, не посещают их регулярно и не поддерживают материально. Проблема касается, в частности, огромного числа сельских жителей, которые получают мизерное пособие или вообще лишены его и не могут прожить без поддержки детей. В 2013 г. правительство вынуждено было принять новую редакцию «Закона о защите прав пожилых людей» (старше 60 лет), в которой обязало детей помогать родителям и посещать их.

В Ханьской империи был обычай, по которому осенью уездные чиновники производили перепись тех, кому за 70, и вручали им почетный посох, чтобы окружающие обращали внимание на возраст и почитали таких людей⁷⁶. О традиции уважать пожилых и заботиться о них, которую в старом обществе, даже в самые тяжелые времена, не осмеливались нарушать, властям пришлось напоминать молодежи через законодательный акт. Подобная ситуация, представляется, явилась результатом в корне изменившихся отношений в семье, в результате чего все внимание переместилось на единственного ребенка со всеми вытекающими последствиями. На «маленького императора» не распространяются больше традиционные строгость и требовательность, он ощущает себя центром мироздания, растут его эгоизм, индивидуализм и амбиции. Родители в духе традиционного уважения к знаниям дают детям образование, расходы на которое порой доходят до половины совокупного дохода семьи, однако не всегда получают в ответ исполнение сыновьего долга в виде заботы.

Устойчивость традиции поддержания культа мужских предков и заботы о мужском потомстве, который сложился еще в начале Чжоу, о чем писал Л.С. Васильев⁷⁷, привела к перекосу в пропорции между женским и мужским населением. В старом Китае новорожденных девочек нередко умерщвляли. После образования КНР соотношение населения по полу в разные периоды было неодинаковым под влиянием не только социально-политических условий, но и традиции. Несмотря на усилия руководства страны, на современном этапе так и не удалось добиться одинакового отношения китайцев к рождению мальчиков и девочек⁷⁸, особенно в сельских районах и отдаленных местностях, местах проживания национальных меньшинств. Как отмечает

⁷⁶ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III н.э.). С. 500.

⁷⁷ Васильев Л.С. Культы, религии и традиции в Китае. С. 90.

⁷⁸ Буров В.С. Китай и китайцы глазами российского ученого. С. 55.

В.В. Ульяненко, по-прежнему рождение сына является одной из четырех самых популярных просьб китайцев в храмах наряду с деньгами и карьерой, здоровьем и успехами в учебе⁷⁹. Хорошо известно, что в обществе, где несколько десятков лет разрешалось иметь только одного ребенка, многие семьи правдами и неправдами традиционно делали выбор в пользу мальчиков, не задумываясь о демографической ситуации в целом и о будущем страны⁸⁰. Нынешнее соотношение между полами новорожденных не является естественным, а обусловлено китайской спецификой (традицией). Об этом пишет Е.С. Баженова, утверждая, что в силу действия биологических факторов мальчиков рождается везде больше, чем девочек: 105–106 на 100⁸¹. В Китае же в 2000 г. соотношение новорожденных девочек и мальчиков в среднем сохранялось на уровне 100:122,65 (в деревне — 100:125,5)⁸², в 2012 г. — 100:117,7. Соотношение значительно выше естественного, что свидетельствует о присутствии человеческого фактора, обусловленного стойкостью традиции, которая мешает поддерживать гендерный баланс. Есть опасения, что к 2020 г. от 750 тыс. до 1 млн. мужчин не сумеют найти жен. Пожалуй, это самая живучая и самая непродуктивная для общества традиция, с которой не могут справиться ни партия, ни государство.

Современные китайцы, как и в древности, живут по лунно-солнечному календарю. Он рассчитан для климатических условий Юга страны и исходит из часового пояса Китая. В работах члена Географического общества СССР А.Н. Зелинского отмечается, что Луна как в практическом, так и в совершенно отвлеченном смысле играла в жизни китайцев роль бóльшую, чем в культурах других народов⁸³. Об этом сегодня свидетельствует факт активного участия населения в праздновании Фестиваля середины осени *Чжунцю*, связанного с древним культом Луны, и в установившемся в незапамятные времена обряде любования самой яркой, с точки зрения китайцев, осенней Луной и рассматривания ее мифических обитателей. Анализируя лунно-солнечный ритм, ученый отмечал: «Новолуния определяли начала месяцев, и с определенными фазами Луны были связаны все

⁷⁹ Ульяненко В.В. Китай: версия 2.0. Разрушение легенды. СПб., 2014. С. 22.

⁸⁰ Заслуживает упоминания тот факт, что детоубийство было запрещено принятым в КНР 1 мая 1950 г. Законом о браке.

⁸¹ Баженова Е.С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М., 2010. С. 146.

⁸² Там же. С. 149.

⁸³ См.: Зелинский А.Н. Лунно-солнечный ритм в календарно-космологической системе Китая // IX науч. конф. ОГК. М., 1978. Ч. 2. С. 215.

традиционные праздники Китая. И если знание Солнечного зодиака было уделом сравнительно узкого клана астрономов, то Лунный зодиак пользовался гораздо большей известностью»⁸⁴. Традиция связывать каждый год с одним из 12 животных Лунного зодиака, признавать их влияние на судьбу и характер человека не потеряла актуальности в Китае и в последнее время приобрела популярность в мире, выйдя далеко за границы Поднебесной. В григорианских календарях, выпускаемых в Китае, каждая дата как дань традиции сегодня имеет также обозначение циклическими знаками по лунному календарю. По-прежнему популярностью пользуются лунные (сельскохозяйственные) календари. Традиция приобретать их накануне нового года продолжает жить.

В 2000 г. А.Н. Воробьев в книге «Традиционный китайский календарь» впервые в истории отечественного китаеведения начал анализировать вопрос о превращении знаков десяти небесных стволов и двенадцати земных ветвей как основы лунного календаря в уникальные инструменты познания, попытался определить их роль и место в «историческом процессе формирования основных составляющих матрицы восприятия китайцами закономерностей перемен непрерывноменяемого нами и меняющего нас бытия»⁸⁵. Вопрос о происхождении циклических знаков остается открытым. Однако чуть ли не с династии Ся они начали играть существенную роль в жизни китайцев при определении имени, характера и будущей судьбы человека, установлении дат проведения ритуалов, календарных праздников, жертвоприношений, церемоний в честь предков, лечении методами традиционной медицины. Книга А.Н. Воробьева разделена на разделы по временам года, каждому предшествует иллюстрация в виде орхидеи. Было бы вполне уместно поместить свои символы для иллюстрации каждого времени года. По китайской традиции каждому сезону соответствует определенное растение: зиме — бамбук, весне — цветы сливы, лету — орхидея, осени — хризантема (т.н. «четверка благородных»). Большим достоинством работы можно считать языковые изыскания автора: представлен не только перевод многих ранее не вполне ясных, связанных с Лунным календарем понятий, но и их иероглифическое написание.

Наблюдения показывают, что циклические знаки не ушли из жизни населения Китая, а владеющие их тайнами гадатели востребованы. На Тайване, например, число салонов предсказателей судьбы возросло после ухудшения ситуации на острове в связи с мировым финансо-

⁸⁴ Там же. См. также и другие работы автора.

⁸⁵ *Воробьев А.Н. Традиционный китайский календарь. М., 2000.*

во-экономическим кризисом 2008 г. Они размещаются в самых людных местах — на рынках, рядом с торговыми центрами и историческими достопримечательностями. Это пример взаимосвязи местной традиции и влияния общемировой тенденции — в сложные моменты жизни некоторые люди склонны обращаться за поддержкой к гадалкам и медиумам и питаться их иллюзорными обещаниями. В Китае нередко молодые родители, осознающие растущее давление со стороны общества, просят гадалек, исходя из циклических знаков, обозначающих дату рождения ребенка, выбрать ему имя, гарантирующее счастливую жизнь. В Интернете создаются сайты, где работают предсказатели, и обращение к ним не воспринимается обществом как пережиток. В вышедшем в 2007 г. как учебное пособие по определению циклических знаков «Традиционном китайском календаре»⁸⁶ А.Н. Воробьев отмечает, что обычай давать имя, исходя из циклических знаков дня рождения ребенка или с их использованием, сохранился до сегодняшнего дня. Считается, что в течение первых семи дней нужно отнести ребенка к гадалке, чтобы тот подобрал имя и дал рекомендации родителям младенца⁸⁷. Работа ставит целью дать правильное написание и толкование терминов, связанных с календарем, исходя из того, что многие россияне интересуются проблемой⁸⁸.

Жертвоприношения и молебны по случаю засухи или наводнения, эпидемии или других несчастий для подавляющего большинства населения ушли в прошлое. Из этого ряда традиций осталось поминовение предков в *Цинмин* — ритуал, не теряющий своей значимости и выражающийся в наведении порядка на могилах и «задабривании» душ предков разными дарами (едой, напитками, цветами), сжигании ритуальных денег, что можно считать формой жертвоприношения⁸⁹. У китайцев с древнейших времен существовал развитый погребальный обряд, а традиционная литература, на что обращает внимание А.А. Маслов, «буквально наполнена советами, как управляться с духами после смерти родственника или близкого человека»⁹⁰. В статье К.М. Барского в журнале «Азия и Африка сегодня» отмечается, что похоронный обряд — это наиболее консервативная часть любой

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 7.

⁸⁸ См. также: *Виноградский Б.Б.* и др. Традиционный китайский календарь. Теория и практика использования. 2006 год Огненной Собаки: фэншуй-прогноз на каждый день. Чебоксары, 2006.

⁸⁹ О культуре предков см., например: *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Китайская мозаика. С. 20–32.

⁹⁰ *Маслов А.А.* Китай: укрощение драконов. М., 2006. С. 330.

национальной культуры, он сохраняет преемственность и менее всего подвержен влиянию новшеств⁹¹. Это в полной мере относится к китайцам, с древних времен верившим, что умерший не исчезал совсем. Хотя его физическое существование прекращалось, дух продолжал жить. Если человек похоронен с соблюдением всех ритуалов, если родственники должным образом ухаживают за могилой, то душа испытывает удовлетворение и потомкам живется хорошо. В противном случае род ожидают беды и несчастья. Как указывает А.А. Маслов, «поддержание постоянной связи с миром предков, обителью мертвых есть забота не столько о предках, сколько о себе, о своем статусе и благополучии»⁹². Некоторые ученые отмечают популярность культа предков как одного из средств нейтрализации неблагоприятных воздействий современной жизни⁹³. До сих пор традиции, связанные с почитанием предков, поддерживаются на всей территории Китая народами разных национальностей.

В *Цинмин* члены одного клана (фамилии) собираются вместе, чтобы посетить захоронение. А.А. Маслов пишет, что для китайцев важно сохранение своей группы, под которой подразумеваются «люди, связанные либо кровными, клановыми, либо квазиродственными узлами»⁹⁴. Суть перемены в отношении к *Цинмин* состоит в том, что теперь родственники просто выражают уважение к умершим, но не просят у них благословения на совершение тех или иных дел, как было раньше. Культ предков в семье слабеет, редко кто держит в доме алтарь и таблички с именами умерших, перед которыми раньше регулярно совершали обряды. Меньшее внимание уделяется оформлению и расположению могил по *фэн-шуй*. Но китайцы по-прежнему придают огромное значение похоронам и привержены установившейся в старом Китае культуре захоронения. В их представлении, размер и внешний вид могилы демонстрируют степень любви и уважения живых к покойным, поэтому любые новшества в этой области воспринимаются обществом настороженно. Однако земельные ресурсы сокращаются, и это вызывает проблемы. Как альтернатива предлагаются кремация и рассеивание праха над морем. В народном Китае таким образом были похоронены, например, Чжоу Энлай и Дэн Сяопин. Недавно начавшаяся кампания ускоренной урбанизации вынужда-

⁹¹ Барский К. У Нефритового источника // НАА. 1999. № 11. С. 72.

⁹² Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. С. 314.

⁹³ Бельский А.Г., Янов В.Ф. Дискуссия «Традиционные культуры и модернизация в развивающихся странах» // НАА. М., 1977. № 1. С. 110.

⁹⁴ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. С. 58.

ет крестьян оставлять свои жилища и пахотную землю, на которой часто покоится прах умерших родственников. Сельское население, которое до сих пор больше привержено старым традициям, чем городское, выражает недовольство. В начале 1950-х годов власть уже объявляла войну «заскорузлым обычаям» хоронить родственников посреди пашни, а специальный указ Мао Цзэдуна предписывал заменить захоронения в земле кремацией, что привело к стихийным крестьянским бунтам, однако доля кремируемых возросла — традиция уступила реальности⁹⁵.

С верой в духов связаны еще два праздника — отмечаемый в 15-й день 7-го лунного месяца Фестиваль духов и Праздник двойной девятки, который приходится на 9-й день 9-го лунного месяца (*Чуньян*). Если в *Цинмин* и *Чуньян* живущие воздают почести только духам умерших предков, то в Фестиваль голодных духов (*Чжуньюань*)⁹⁶ люди задабривают всех духов (молодых и старых, добрых и коварных), которые возвращаются на землю в мир людей. Особенный страх вызывают т.н. неприкаянные души — те, кого хоронили не по правилам или за могилами которых никто не ухаживает. В континентальной части Китая эта традиция под натиском коммунистической идеологии утрачена, а на Тайване, как и в некоторых странах ЮВА, сохранилась. Символические жертвоприношения в виде продуктов, напитков, фруктов выставляют на огромных столах перед офисами крупных компаний, государственных учреждений, в храмах. Такого общественного движения не бывает даже в китайский Новый год. Дым от сожженных ритуальных денег застилает небо, а звуки барабанов и гонгов заглушают шум улицы — это ли не свидетельство веры современных людей в «порчу» со стороны т.н. голодных духов! Это еще одно подтверждение консервативности традиции по сравнению с подвижностью экономических форм жизни. Однако все эти новые (вырастающие из старых и традиционных) явления пока не стали предметом глубокого изучения со стороны отечественного научного сообщества. Для их изучения и уяснения их роли требуются полевые исследования, сбор, систематизация и анализ полученных материалов.

Следует отметить работу петербургского автора А.В. Аллаберт «Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — нача-

⁹⁵ Барский К. У Нефритового источника. С. 76.

⁹⁶ См.: Верченко А.Л. Старые традиции в новую эпоху: праздники поминовения усопших у китайцев // Россия — Китай: история и культура: сб. статей и докладов участников VI Межд. науч.-практич. конф. Казань, 2014. С. 442–448.

ло XXI века»), новизна которой заключается в анализе самых последних китайских исследований в виде монографий, статей в периодической печати, Интернет-ресурсов и бесед с ведущими китайскими конфуциановедами. В монографии в основном освещается роль конфуцианства в реформировании экономической и политической системы. Тем не менее А.В. Аллаберт не оставляет без внимания влияние конфуцианских традиций на жизнь современного общества.

Аллаберт указывает, что в условиях растущей экономической нестабильности и социальной напряженности, высокого уровня безработицы и коррупции, падения моральных ориентиров на первый план выдвигаются идеи национального единства и консолидации общества на основе традиционного начала. Проводником привлечения традиций конфуцианства в современную жизнь выступает КПК. В принятой в 2001 г. «Программе построения гражданской морали» отмечалось, что необходимо воспринять традиционные добродетели китайской нации, сформировавшиеся в течение тысячелетий, развивать добродетели у руководителей и народа, культивировать «коллективную добродетель», под которой подразумевается соблюдение этических правил поведения в общественных местах⁹⁷. Воспитание «коллективной добродетели», как отмечается в монографии, означает введение этических принципов поведения в повседневную жизнь простых граждан. На примере недавней (не единичной) кампании в г. Циндао, в ходе которой были выдвинуты три задачи: следить за руками (не разбрасывать мусор), следить за ртом (не плевать) и следить за ногами (не ходить по газонам), — автор делает вывод о том, что насаждение принципов «образцового поведения» осуществляется в рамках конфуцианской традиции⁹⁸. Следует отметить, что время стереотипов, даже со ссылкой на традиции, уходит в прошлое. В Китае по-прежнему проводятся общественные кампании, касающиеся поведения в быту и соблюдения норм гигиены, но часто указания, вроде упомянутого выше «следить за тремя» (или за пятью, восьмью — числовые обозначения зависят от количества поставленных задач)⁹⁹, остаются на уровне формальной пропаганды, воспринимаются в обществе, особенно среди образованных людей, как устаревшая форма работы.

⁹⁷ Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI века). М., 2008. С. 153–156.

⁹⁸ Там же. С. 192.

⁹⁹ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. С. 25.

Тем не менее традиция соответствовать выдвигаемым обществом моральным нормам продолжает жить в Китае и проникает в деловые отношения. А.А. Маслов пишет о новом типе людей — т.н. конфуцианских бизнесменах, которые отличаются демонстративным уважением традиций. Они знают историю и культуру своей страны, ведут дела строго на основе принципов Конфуция (честно и справедливо), занимаются благотворительностью¹⁰⁰. А.А. Маслов подчеркивает, что недостаточно просто заявить о себе как о «конфуцианском бизнесмене», важно доказать, что бизнес гармонично сочетается с нравственностью, и получить признание общества. Автор напоминает, что на протяжении всей истории Китая сознание китайцев формировалось как часть группового сознания, поэтому для отдельного индивидуума в целях поддержания своего социального статуса было крайне важно соответствовать установленным правилам, «сохранять лицо», т.е. репутацию, используя западную терминологию. Представляется, что появление «конфуцианских бизнесменов» в Китае можно рассматривать как отклик на выдвинутую властью концепцию честного ведения дел. С другой стороны, известно, что в стране есть такие состоятельные люди, для которых обогащение перестало быть целью жизни, и они хотят признания со стороны общества за благие дела. Например, один богатый бизнесмен хотел построить учебный корпус или общежитие в подарок Университету Цинхуа к его столетию, но был разочарован, получив отказ, — на территории не нашлось свободного участка земли.

Большой материал по истории и культуре Китая, базирующийся на китайских источниках, личных наблюдениях и беседах с китайцами, собрала Л.И. Исаева¹⁰¹. Поводом для написания книг стала ее коллекция фарфоровых статуэток, собранная за многие годы жизни и работы в Китае. За каждой фигуркой, как указывает автор, стоит реальный или мифический герой со своей историей, традициями и образом жизни, часть которых имеют продолжение в современной жизни. Например, автор описывает женщин с маленькими «лотосовыми ножками» в КНР. Едва ли можно назвать это продолжением традиции, скорее напоминанием о бесчеловечном отношении к девочкам и женщинам в старом обществе. Бинтование ног было запрещено еще в республиканском Китае, хотя и сегодня в некоторых магазинах как дань традиции продается обувь для пожилых, по внешнему виду напоминающая те старые туфельки для *трехциуновых* ножек, но нор-

¹⁰⁰ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. С. 55–56.

¹⁰¹ Исаева Л. Жизнь среди символов; Красавицы древнего Китая; Восемь бессмертных. М., 2006.

мального размера. Последняя фабрика по производству специальной обуви для маленьких ножек была закрыта в Харбине только в 1989 г. А в старейшем тайваньском городе Луган о традиции бинтовать ножки и сегодня напоминает улица, сделанная очень узкой, чтобы женщины при ходьбе могли опираться на стены домов.

О роли традиций в жизни современного Китая пишут в книге «Китайская мозаика» Е.П. и Н.Е. Бажановы: «Сегодня, может быть, далеко не все традиции заметны, некоторые уже вообще не действуют. Тем не менее их роль в истории Поднебесной огромна. Во многом именно они позволили китайцам сохранить свою культуру»¹⁰². В научно-популярном издании дается картина религиозно-этического мира китайцев, «иероглифического» восприятия мира и особенностей китайской кухни. Авторы на основе личных наблюдений отмечают возрождение ряда традиций после прихода к власти реформаторов: например, возобновление церемонии поминания одного из выдающихся предков *ханьцев* — Хуанди (Желтого императора) в провинции Шэньси, где находится его могила; деятельность прорицателей, гадалок и геомантов; свободное посещение населением храмов, новогодние ярмарки в храмах. Книга прекрасно иллюстрирована современными фотографиями.

О сохранении традиций некоторыми национальными меньшинствами пишет в книге «Врата Шамбалы» Н.Х. Ахметшин¹⁰³. В поле зрения автора, который прошел по древнему чайному пути из провинций Юньнань и Сычуань в Тибет, попали не только история чая и чайной культуры, но и сохранившиеся с древности традиции малых народов, что особенно ценно по причине отсутствия подобных наблюдений в других работах. Оказывается, *дай* по-прежнему отмечают Новый год (Праздник воды) обливанием друг друга водой¹⁰⁴, *хани* проводят Фестиваль *Кучжачжжа* (праздник радости и веселья в честь завершения посадки риса); *бай* трижды в год поклоняются богине Гуаньинь и считают ее покровительницей города Дали; *бай, хани, и, ва* не отказались от старинного Фестиваля факелов; *наси* проводят обряд поклонения мятущимся душам — тем, кто ушел из жизни не по своей воле (погиб или умер от болезней)¹⁰⁵, и др.

¹⁰² Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Китайская мозаика. С. 12.

¹⁰³ Ахметшин Н.Х. Врата Шамбалы. М., 2007.

¹⁰⁴ См. также: Дуденкова Д.А. Райское наслаждение с китайским колоритом // ААС. 2014. № 4. С. 75.

¹⁰⁵ См. также: Дуденкова Д.А. Райское наслаждение с китайским колоритом // ААС. 2014. № 4. С. 64, 112, 115.

Чрезвычайную актуальность имеет изданная под грифом Института философии РАН монография доктора философских наук В.Г. Бурова «Китай и китайцы глазами российского ученого»¹⁰⁶. Книга написана на основе личных впечатлений автора, полученных в разные годы, и содержит не только просто изложение фактов, но и научный анализ модернизационных процессов в Китае, в том числе в образе жизни народа и отношении к ряду традиций, о чем было сказано выше.

Представляется целесообразным упомянуть изданные довольно большим по сравнению со строго научной литературой тиражом (1700 экз.) книги выпускника Восточного факультета СПбГУ В.В. Ульяненко «Китайская цивилизация как она есть», «Шокирующие китайцы. Все, что вы не хотели о них знать. Руководство к пониманию» и «Китай: версия 2.0. Разрушение легенды»¹⁰⁷. Работы представляют собой основанные на личном опыте наблюдения китаиста-практика за жизнью современного Китая. Автор подвергает критике два источника информации: он считает «бесполезными и малоинтересными» для широкого круга читателей работы авторитетных специалистов-ученых, а тексты в Интернете характеризует как «виртуальную помойку»¹⁰⁸. Предлагая свое видение современного Китая, В.В. Ульяненко излагает материал в ироничном, подчас излишне резком тоне с использованием современного сленга и даже ненормативной лексики. Стиль, вероятно, выбран с учетом предполагаемой аудитории — это бизнесмены и все, кто интересуется Китаем или планирует заниматься этой страной, в первую очередь молодежь. Тем не менее автор очень правильно формирует свою цель — дать знания о соседях, их бытовой культуре, помочь понять их психологию и мышление. В книгах содержится богатый фактический материал по страноведению, в том числе о влиянии традиций на те или иные стороны современной жизни населения и страны. В книге «Китай: версия 2.0.» целая глава «Наследие прошлого»¹⁰⁹ посвящена традициям и привычкам, которые продолжают жить и сегодня: традиционные (теперь символические) жертвоприношения и сжигание ритуальных денег, гадания, вера в счастливые и несчастливые цифры, водобоязнь и др. Автор приходит к выводу, что влияние традиции ослабевает лишь в больших городах и экономически развитых районах среди молодежи.

¹⁰⁶ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000.

¹⁰⁷ Ульяненко В.В. Китайская цивилизация как она есть. СПб., 2005; *он же*. Шокирующие китайцы. Все, что вы не хотели о них знать. Руководство к пониманию. СПб., 2011; *он же*. Китай: версия 2.0. Разрушение легенды. СПб., 2014.

¹⁰⁸ Ульяненко В.В. Шокирующие китайцы. С. 8–9.

¹⁰⁹ Ульяненко В.В. Китай: версия 2.0. С. 171–190.

Современные проблемы Китая интересуют ученых не только в центре, в Москве или Санкт-Петербурге, но и в других частях страны. К сожалению, местные исследования не всегда доходят до библиотек столицы, но отдельные доступны и могут быть проанализированы.

В опубликованной в 2012 г. коллективной монографии саратовских ученых высшей школы «Традиции России и Китая в глобализирующемся мире»¹¹⁰ в компаративном аспекте рассматриваются духовные традиции России и Китая (в философии, культуре, образовании, языке, религии) с целью поиска точек соприкосновения двух стран в новых условиях современного мира. С точки зрения традиций китайского народа в повседневной жизни интерес представляет помещенный в книге отрывок из воспоминаний саратовской дворянки Е.П. Кишкиной (Ли Ша), ставшей супругой Ли Лисаня, прожившей в Китае более 40 лет и описавшей свое восприятие китайских норм жизни.

В 2013 г. был опубликован подготовленный учеными Москвы, Комсомольска-на-Амуре и Благовещенска сборник статей «Традиционный Китай на пути к модернизации», в котором по сложившейся в отечественной науке традиции в основном анализируются изменения в политике, экономике, юриспруденции, национальной политике в свете эволюции традиционной системы в сторону модернизации. Из статьи Д.В. Буярова в этом сборнике можно почерпнуть сведения о политике в отношении обычаев неханьских народов в начале 1950-х годов. Автор пишет, что в отчете Центрального народного правительства в 1953 г. упоминалось о требовании некоторых ханьских *ганьбу* к населению в районах проживания нацменьшинств говорить по-китайски, носить китайскую одежду, заменять свои национальные танцы ханьскими и подчеркивалось, что уважение к национальным обычаям неравнозначно сохранению некоторых форм, препятствующих развитию национальностей¹¹¹. Прделанный автором анализ показывает, что указания сверху были правильными, однако в процессе их выполнения иногда наблюдались перегибы в сторону скорейшего искоренения как национальных особенностей, так и старых традиций, которые местные власти пытались запретить.

Продуктивный путь изучения проблемы демонстрируют, например, Т.В. Шерстянкина и К.А. Стародубцева из Забайкальского государст-

¹¹⁰ Традиции России и Китая в глобализирующемся мире. Саратов, 2012.

¹¹¹ Буяров Д.В. Эволюция национальной политики Китайской Народной Республики // Традиционный Китай на пути к модернизации. М., 2013. С. 134.

венного университета (ЗабГУ), Чита. Они ведут совместные исследования с китайскими специалистами из зарубежных вузов-партнеров. Благодаря активному участию в совместных исследованиях ученых и преподавателей Цицилинского педагогического университета (г. Сыпин) подготовлены работы, в которых широко используются достоверные сведения из китайских источников, в том числе местных, малодоступных российским ученым, а также практические знания о современном образе жизни носителей китайского языка и культуры. Целый ряд подобных материалов о состоянии традиций, связанных с праздниками, старинными обрядами, символикой и их проявлениями в современной жизни, опубликован в издаваемом с 2006 г. в ЗабГУ журнале «Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра». Поднимаемые авторами вопросы актуальны и затрагивают разные аспекты влияния традиций на жизнь современного общества: в проведении праздников¹¹², в оформлении жилища¹¹³, в выборе подарков по тому или иному случаю¹¹⁴, в использовании традиционных цветов для усиления влияния рекламы на потребителя¹¹⁵. К интересным выводам приводит сравнение празднования народных праздников в России и Китае¹¹⁶.

В народе продолжают жить традиции, связанные с музыкой, танцем, театром. В разное время к теме музыкально-танцевального искусства обращались известные китаисты В.Ф. Сорокин¹¹⁷, С.А. Серова¹¹⁸,

¹¹² Ян Пэнфэй, Стародубцева К.А. Праздничные традиции и обычаи как элемент национальной культуры Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 4. Чита, 2008. С. 90–96.

¹¹³ Шерстянкина Т.В., Фэн Тяньцзяо. Китайский дом // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 9. Чита, 2011. С. 154–157.

¹¹⁴ Шерстянкина Т.В., Тэн Лидань. Подарки в китайской культуре // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 9. Чита, 2011. С. 178–180; Подарки как отражение китайской национальной культуры Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 4. Чита, 2008. С. 96–100.

¹¹⁵ Цзоу Синь, Шерстянкина Т.В. Значение цвета в рекламе // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 7. Чита, 2009. С. 57–63.

¹¹⁶ Лю Бо, Шерстянкина Т.В. Празднование Нового года в России и праздника Чуньцзе в Китае // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 2. Чита, 2007. С. 102–106.

¹¹⁷ Сорокин В.Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. Генезис, структура, образы, сюжеты. М., 1979.

¹¹⁸ Кобзев А.И., Серова С.А. Танец: традиция и новация // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М., 2010.

А.И. Кобзев и др. Самое полное и всестороннее исследование осуществила А.Б. Вац¹¹⁹, которая одной из первых обратила внимание на жизнеспособность многих древних традиций, что наглядно проявляется в содержании композиций, костюмах и движениях исполнителей. Народные и классические танцы унаследовали пришедшие из старины и взятые из боевых искусств гимнастические движения, цирковые трюки, танцевальные па, костюмы и используемые предметы, которые приобрели новое смысловое наполнение и стилистическое воплощение. Сохранялись танцы, исходно связанные с религиозными обрядами и восходящие к календарным гуляньям: это танцы драконов, львов, народный хоровод *янгэ*, особенно часто исполняемые во время празднования традиционного Нового года. Китайские хореографы широко использовали танцевальный фольклор разных народностей для постановки новых танцев, содействуя сохранению традиций таких народов, как монголы, корейцы, *ли*, *и*, *дай* и др. В начале XXI в. китайская публика хорошо воспринимает традиционную китайскую оперу и драму, танцы под аккомпанемент старинных музыкальных инструментов, барабанов и гонгов, не отказывая себе в удовольствии посещать караоке, современные музыкальные постановки и балеты, рок-оперы и выступления новомодных музыкальных групп. Много лет тому назад сложилась традиция слушать выступления рассказчиков-*сяошо*. Раньше они были источником культуры, пересказывая простым языком трудные для восприятия крестьянами классические произведения и отрывки из них, а также сюжеты театральных постановок. Сегодня традиция слушать *сяошо* трансформировалась в любовь китайцев к историческим пьесам, которые идут по многим телеканалам¹²⁰.

На протяжении длительного времени ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы китайцев помогали сформировать т.н. новогодний лубок *няньхуа*, в котором заложен культурный код китайской нации¹²¹. Эти картины существовали как поздравление с новогодним торжеством, познавательный и обучающий материал, атрибут декора жилища. Сегодня традиция наклеивать *няньхуа* на окна или двери непопулярна, однако его присутствие в жизни китайцев не закончилось: его коллекционируют или вставляют в рамки и помещают на стену как произведение декоративно-прикладного искусства. Заведующий кафедрой Китаеведения Амурского государственного университета

¹¹⁹ Вац А.Б. Танцевальное искусство Китая: история и современность. СПб., 2011.

¹²⁰ Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. С. 165–166.

¹²¹ Лемешко Ю.Г. Искусство народной картины няньхуа как часть нематериально-го культурного наследия Китая // ПДВ. 2013. № 4. С. 160–163.

Ю.Г. Лемешко, занимающийся историей и современным состоянием лубка, отмечает, что многие китайские ученые, изучающие влияние глобализации на развитие современного Китая, заговорили о необходимости популяризации его традиций. С этой целью в 2013 г. в Китае начат проект «Китайские няньхуа — национальная память»¹²². Отдельные элементы и технику, присущие данному виду искусства, современные художники используют в своих работах. Новую жизнь переживают традиционные вырезки из бумаги. Они нашли широкое признание у народа, ими украшали дома, фонари, посылали как поздравление в письмах. После образования КНР жанр обогатился современной тематикой, хотя их благожелательный смысл остался. Сегодня мотивы вырезок присутствуют также в рисунках тканей, на посуде, вазах, веерах, что говорит о том, что идея жива и пользуется популярностью у населения¹²³.

Совершенно очевидно, что дилемма «традиция—модернизация» в Китае не ведет, строго говоря, к выводу с полярными суждениями. История развития КНР доказывает, что эти две, казалось бы, противоположности сочетаются, влияют друг на друга как внутри страны в ходе модернизации, так и при взаимодействии с внешними факторами в виде глобализации. Традиции постепенно приспосабливаются к процессам модернизации и видоизменяются, позитивно трансформируются, но не исчезают из жизни населения. Успехи Китайской Народной Республики, в первую очередь в сфере экономики, показывают, что наследие многовековых традиций не стало бременем для страны или камнем, тянущим ее на дно. Они мирно уживаются со стремительным прогрессом в XXI в., а порой помогают государству в решении его установок.

Из проанализированного материала можно сделать вывод о том, что комплексное изучение роли традиций в жизни современных китайцев не стало темой отдельного исследования отечественных китайствов. Многие ученые касались ее фрагментарно в рамках разработки своих тем по разным специальностям: в монографиях, выступлениях на конференциях, научно-популярных книгах и журнальных публикациях, — из чего не представляется возможным составить полную картину изменения роли традиций и дать периодизацию данного процесса. Можно отметить, что сразу после освобождения на официальном уровне на традиции смотрели как на архаизм, в годы радикальной «культурной революции» против традиций боролись, и только

¹²² Там же. С. 160–163.

¹²³ ААС. 1962. № 9. С. 41.

с началом политики открытости и реформ часть традиций начали поддерживать, а порой даже усиленно культивировать в государственных интересах. «Стало общепризнанным, что традиции, выработанные длительной историей китайского общества, оказывают весьма существенное влияние на его современное состояние»¹²⁴. В то же время с началом политики реформ, особенно в ходе активной урбанизации, стартовал процесс разрушения традиционного образа жизни деревенского населения, что повлекло за собой отмирание ряда традиций, соблюдавшихся вплоть до 1990-х годов (например, жертвоприношения в день поклонения злакам, Солнцу и др.; исполнение регламентированных музыкальных произведений на инструменте *сона* на похоронах, выставление свиной головы в *Цинмин* и пр.).

Очевидно, что еще с конца XX в. КПК стала использовать ценности традиционной культуры, чтобы обеспечить поддержку населением своего курса¹²⁵. Представляется, что на современном этапе, когда китайское руководство поставило задачу повышения культурного уровня населения и усиления внимания к нравственным ценностям для создания «мощного культурного государства», оно обязательно обратится к авторитету тысячелетних традиций.

¹²⁴ Березный Л.А. Китай: традиции и современность // VI науч. конф. ОГК. Тез. и докл. М., 1975.

¹²⁵ Каретина Г.С. Традиционная культура и процесс модернизации в Китае // Россия и АТР. Владивосток. 2009. № 4. С. 148.

Список сокращений

Учреждения, организации

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
АОН КНР — Академия общественных наук КНР
АП РФ — Архив президента РФ
АРАН — Архив Российской академии наук
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
ВСНП — Всекитайское собрание народных представителей
ВФЖ — Всекитайская федерация женщин
ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГАРФ — Государственный архив РФ
ГКС — Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике
ГМД — Гоминьдан
ГУЛАГ — Главное управление (исправительно-трудовых) лагерей
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДФУ — Дальневосточный федеральный университет
ЗабГУ — Забайкальский государственный университет
ИАЦ — Информационно-аналитический центр
ИВ — Институт востоковедения
ИДВ — Институт Дальнего Востока
ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма
ИМОП СПбГПУ — Институт международных образовательных программ
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета
ИМРД — Институт международного рабочего движения
ИМЭМО — Институт мировой экономики и международных отношений
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КР — Китайская Республика
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МВТ — Министерство внешней торговли
МГИМО — Московский государственный институт международных отношений
НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (название
фонда Архива народного хозяйства)
НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа эконо-
мики»
НОАК — Народно-освободительная армия Китая
НПКСК — Народный политический консультативный совет Китая
НРА — Народно-революционная армия
ОРКД — Общество российско-китайской дружбы
ОСКД — Общество советско-китайской дружбы
РАМС — Российская ассоциация международного сотрудничества

- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАНТД — Российский государственный архив научно-технической документации
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
СНП — Собрание народных представителей
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ССОД — Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами
УНТС — Управление по делам научно-технического сотрудничества СССР с социалистическими странами
ЦГАНХ СССР — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦПА — Центральный партийный архив
- EACS — European Association for Chinese Studies
SOAS — The School of Oriental and African Studies
URL — адрес веб-ресурса в интернете

Издания

- ААС — «Азия и Африка сегодня» (журнал)
ВИ — «Вопросы истории» (журнал)
ЖЖ — Живой журнал
ИА — «Исторический архив» (журнал)
ИБ — Информационный бюллетень
ИМ — информационные материалы
МЭиМО — «Мировая экономика и международные отношения» (журнал)
НАА — «Народы Азии и Африки» (журнал)
ННИ — «Новая и новейшая история» (журнал)
ОГК — «Общество и государство в Китае» (сборник научной конференции)
ПДВ — «Проблемы Дальнего Востока» (журнал)
Сер. В — серия Востоковедение

Авторы выпуска

Анисимцев Николай Владимирович, канд. ист. наук, ИДВ РАН

Верченко Алла Леонидовна, ИДВ РАН

Герасимова Татьяна Григорьевна, ИДВ РАН

Гулева Мария Анатольевна, ИМОП СПбГПУ

Ершов Александр Валерьевич, ИДВ РАН

Мамаева Наталья Леонидовна, д-р ист. наук, ИДВ РАН

Сизова Александра Александровна, канд. ист. наук, НИУ ВШЭ,
ИДВ РАН

Смирнов Дмитрий Анатольевич, канд. ист. наук, ИДВ РАН

Сотникова Ирина Николаевна, канд. ист. наук, ИДВ РАН

Степанова Елена Николаевна, канд. полит. наук, ИДВ РАН

Содержание

Введение (<i>Н.Л. Мамаева</i>)	3
<i>М.А. Гулева</i> Проблемы конституционной реформы позднереспубликанского Китая в отечественной научной литературе	9
<i>Н.Л. Мамаева</i> Советская/российская историография КНР: темы и направления	24
<i>И.Н. Сотникова</i> Отечественная историография о советской помощи Китайской Народной Республике в 1949–1960 гг.	47
<i>А.А. Сизова</i> Основные направления исследований гуманитарных контактов России и Китая в российской историографии начала XXI века	74
<i>Д.А. Смирнов</i> Советская историография о поиске путей развития Китая после завершения «культурной революции» (1976–1978)	101
<i>Д.А. Смирнов</i> Российская историография о положении в КНР в период углубления политики реформ и открытости (1992–1997)	112
<i>Т.Г. Герасимова</i> Об изучении истории КПК в СССР и России	129
<i>А.В. Еришов</i> Историография реформы системы административных органов КНР	160
<i>Н.В. Анисимцев</i> Современная российская историография модернизации КНР (1978–2014)	168
<i>Е.Н. Степанова</i> Гендерный вопрос на фоне социально-политической ситуации в Китае (в советской и российской историографии)	199
<i>А.Л. Верченко</i> Советская/российская историография о влиянии традиций на повседневную жизнь китайского народа	221
Список сокращений.....	259
Авторы выпуска.....	261

Contents

Introduction (<i>N.L. Mamaeva</i>).....	3
<i>M.A. Guleva</i> Russian Studies of the Constitutional Reforms in Late Republican China	9
<i>N.L. Mamaeva</i> Soviet/Russian Historiography of the PRC: Themes and Trends	24
<i>I.N. Sotnikova</i> National Historiography of the Soviet Assistance to the People’s Republic of China in 1949–1960	47
<i>A.A. Sizova</i> Russian Historiography of Russo-Chinese Humanitarian Ties in the Early 21st Century: The Main Areas and Lines of Research	74
<i>D.A. Smirnov</i> Soviet Historiography on the Search for the Ways of China’s Development after the “Cultural Revolution” (1976–1978)	101
<i>D.A. Smirnov</i> Russian Historiography on the Situation in China during the Most Consistent Stage of the Policy of Reforms and Openness (1992–1997)	112
<i>T.G. Gerasimova</i> Study of the History of the CPC in the USSR and Russia.....	129
<i>A.V. Ershov</i> Historiography on the Administrative Reforms in the PRC	160
<i>N.V. Anisimtsev</i> Current Russian Historiography of the Modernization of the PRC (1978–2014).....	168
<i>E.N. Stepanova</i> Gender Issues against the Background of the socio-political Situation in China (in Soviet and Russian historiography)	199
<i>A.L. Verchenko</i> Soviet/Russian Historiography on the Influence of Traditions on Everyday Life of the Chinese	221
A list of abbreviations	259
The authors of this issue.....	261

Научное издание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
КНР

Некоторые направления

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока РАН*

Редактор *В.И. Мартынюк*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Н.Н. Щигорева*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 22.10.15
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 17,0. Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 300 экз. Изд. № 8600. Зак. №

Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6